

Александр Коваленко

Дед Павел

*Сибирский роман,
основанный на реальных событиях*

Кемерово – 2023 г.

УДК 82-311.1
ББК 99

Александр Коваленко

K562

Дед Павел [Текст] - авторское издание, Кемерово, 2023
204 с.

Роман основан на личных воспоминаниях. В книге охвачен небольшой период счастливого детства автора, которое прошло в небольшом шахтерском городке, расположенном на Великом Паровозном Пути. Милые приключения маленького Шурки и философская оценка его поведения со стороны мудрого деда Павла, покажут читателю интимный процесс возникновения и формирования мировоззрения ребёнка в условиях традиционной сибирской семьи. Роман вызовет интерес не столько у детей и подростков, сколько у взрослых читателей.

© Александр Коваленко (автор), 2023

ISBN : 978-5-6049021-7-2

Предисловие автора

Анжерка — самый главный город в мире. Улица Степная — самая главная улица в мире. Дом Филипповых — самый главный дом в мире. Хозяин дома — самый главный человек в мире.

Шурка учредил в своём сознании эту схему мироздания к семи годам. Шурка поверил в такую схему. Шурка всю жизнь утверждался в своей вере.

После прочтения книги у читателя, надеюсь, не возникнет желания возразить против такой схемы миропонимания.

Главный герой книги — дед Павел. Чаще всего он будет незримо присутствовать в мыслях, словах и поступках других персонажей. Как говорится, будет находиться «за кадром». О том, что дед Павел главный герой, читатель станет догадываться с первых строк повествования.

Жизнь и удивительные приключения Шурки представлены в виде отдельных фрагментов. Они изложены не последовательно. Пытливый читатель может обнаружить нарушения хронологии. Это действительно так. Но, по сути, для Шуркиной истории эта вольность не имеет разрушительного значения.

Автор записал все воспоминания, приключения и размышления со слов Шурки, которому исполнилось к тому времени семьдесят лет.

И юному, и взрослому читателю предоставляется приятная и полезная возможность сравнить себя с Шуркой, детство которого проходило в главном городе мира, в доме деда Павла.

Глава 1

Степная

— Идёт, идёт! — раздавались в доме Филипповых на Степной возбужденные голоса.

Домочадцы льнули к окошку, хотя летом оттуда едва ли можно было разглядеть улицу полностью. Ветви деревьев и цветастые кустарники в палисаднике заслоняли такую возможность.

В оконной раме, как на картине, возникал многоликий портрет. В нижнем ряду располагались лица детей со сплюснутыми на стекле носами, а в верхнем — красивые лица взрослых женщин. Семейство Филипповых дружно ожидало, когда знатная фигура Шуркиного деда Павла появится в поле зрения. Шурка, почему-то, был сообразительней и шустрей других. Чтобы раньше всех усмотреть появление деда, он летел за ворота. На улице Шурку называли Филиппком.

Дед должен был выйти на Степную из Киевского проулка. Народ называл его Федоровским, потому что на углу стоял дом Федоровых. По этому проулку ходили за водой на водокачку и за продуктами в Девятнадцатый магазин на Шестой Колонии. От Филипповых до этого проулка — домов по пять-шесть с каждой стороны. Улица Степная похожа на длинную поляну, поросшую мелкой травкой. Ух, и приятно же босым ногам! Зеленый покров улицы посередине слегка исшоркан колесами в виде неглубокой серой колеи.

***

Пока дед Павел еще не появился в поле зрения, надо описать ту часть Степной улицы, на которой происходили важные для Шурки события счастливого детства.

Напротив Федоровых жил дед Каменский. Его ладный дом с резными наличниками, получается, тоже был угловым.

Федоровы слыли ярыми голубятниками. Держали разные породы птиц: и чубато-лохмоногих, и долгоиграющих, и почтovo-скорых, и с бриллиантовыми дюбками. Всякие были. Федоровские пацаны были уже взрослыми и Шурке не подходили. Вся Анжерка их знала и побаивалась. Из-за голубей, бывало, тут случались большие скандалы. Дело иногда доходило до поножовщины. Деда Павла голубятники уважали как справедливого мужчину и, когда надо, слушались.

Дед Каменский жил напротив, голубей не держал. Уважали его как мастера по плотницкому делу. Жил в одиночестве. Иногда дочь с мужем и детьми приезжали попроведовать его. «И слава Богу, не насовсем забывают», — говорили соседи.

Дальше, то есть ближе к Филипповым, друг против дружки стояли дома Забегаловых и Плыгачевых.

Плыгачевых Шурка плохо знал. Их дощатый дом похож на барак с двумя, или даже с тремя, кирпичными трубами. В доме маленьких ребятишек не было. Дружить было не с кем. И голубей они тоже не держали.

Зато с Надькой, Вовкой и Юркой Забегаловыми у Шурки сложилась крепкая пацанская дружба. Юрка, который постарше, ловчее всех на Степной ездил на своем взрослом велике. Когда не было дождя, Юрка на раме катал желающих в конец улицы, до самого озера. Не всех, конечно. На выбор. На его велике спереди красовалась серебристая фара с толстым стеклом. Юрка мог запросто ездить даже в темноте.

Их отец, дядя Петя Забегалов, работал шофером на бортовушке. Шурка гордился, что к ним на Степную приезжала его огромная машина с бортами.

Машин в то время по Анжерке разъезжало не много. Но бывало, что на пыльной Дёповской сошейке со стороны кладбища появлялся бензовоз. Он медленно ехал на нефтебазу. Быстро там не проехать из-за бугров и ухабин. Мальчишки и некоторые девчонки, вроде Надьки, с диким восторгом и радостью наперегонки бежали за машиной. Но это происходило не каждый день.

Дядя Петя Забегалов, хоть и не часто, приезжал на обед домой на своем серо-зеленом «студебеккере». В этот счастливый час ребятня со всей округи сбегалась сюда. Лезли в кузов, забирались на капот, на крышу кабины. Заползали даже под машину, чтобы рассмотреть снизу диковинные железные штучки. Впереди на черном бампере по бокам торчали круглые фары, загороженные железной решеткой.

Вовка сидел в кабине, рулил, нажимал на педали и тарахтел губами, имитируя звуки двигателя. Он даже умел включать и выключать фары. При этом успевал следить за порядком снаружи. Шурке позволял садиться в кабину рядом с ним. Иногда давал порулить. После этого Шурка ощущал себя счастливым несколько дней. Вовка — добрый пацан, настоящий товарищ. Он и другим давал порулить, если те угощали его семечками или давали откусить маленько от горбушки хлеба, посыпанной сахарным песком.

После Забегаловых стоял не очень ухоженный бревенчатый домик без огорода. Огород-то был, но там ничего путного не росло. В доме жил хромой дядя Миша. Он жил в одиночку. Пришел с войны, а семья пропала без него. Никого не сыскал. Ему одну ногу оторвало на фронте. Когда собирался сходить в Девятнадцатый магазин или на базар, он пристегивал деревянную култышку. В Анжерке многие фронтовики имели точно такие же култыги с кожаными пристежками. Дед Павел часто поручал Шурке отнести хромому пузырек репейного масла для пропитки.

Посреди единственной комнаты стояла русская печь. Старик на ней спал. Из мебели держал только стол с клеёнкой и широкую лавку. Шурке он давал подуть в губную гармошку, которая досталась ему от германской войны.

Дядя Миша целыми днями смотрел в окошко, которое выходило на улицу. Никаких шторок. Хозяина было хорошо видно снаружи. Дядя Миша ни на кого никогда не сердился. Даже когда пацаны разбили из рогатки окошко, он не орал, не матерился.

Шуркин дед вырезал ему новое стекло, а дед Каменский дал ему штапики и мелкие гвоздочки.

***

Напротив дяди Миши жили старики Елищевы с двумя дочерьми. Младшую звали Нинкой, старшую — Веркой. Обе — на выданье. Один или два раза Шурка побывал у них в доме. Верка каждый раз читала толстые книжки без картинок. Шурке захотелось поинтересоваться, что пишут в них, но Верка не оказала внимания. Шурка затаил обиду: «Когда вырасту, буду читать книжки потолще Веркиных».

А вот Нинка, наоборот, проявила озорство. Она подстригла Шурке белобрысые волосы ёжиком, покрасила черной тушью брови и намазала ему ногти на руках и ногах красным лаком.

«Вот, окаянная» — долго возмущалась потом баба Поля. Бестолковому парнишке велела больше не ходить к ним.

У Елищевых дом оббит вагонкой «в ёлочку» и окрашен зеленой краской. Их считали зажиточными. В доме все полы крашены, даже на крыльце.

Свою беспутную Нинку Елищевы вскоре отдали замуж. А книжная Верка уехала из Анжерки учиться куда-то далеко.

Дом Елищевых опустел. Дед с бабкой жили тихо, даже не выходили вечерами поиграть с соседями в лото. Иногда, правда, появлялись. Да и то, чтобы со стороны поглядеть. Шурке незачем стало заходить к ним.

***

В теплые дни многие взрослые со Степной собирались около Шуркиного дома. Устраивались поудобней на деревянном мостке перед воротами и азартно играли. Шурке поручали раздать картонки в клеточку с черными цифрами в пять рядов. Дед Павел запускал руку в холщовый мешок, тщательно перемешивал содержимое, потом вынимал двумя пальцами деревянный бочонок с цифирькой, показывал всем и объявлял:

— Барабанные палочки! — Внимательный народ искал на своих картонках число «11» и кто-нибудь радостно кричал:

— Есть такое дело!

— Дед. Во сто шуб одет! — объявлялось следом. Искали клеточку с числом «99».

— У меня! ...И у меня! — кричали в ответ. Заветную клеточку на картонке накрывали камешком или пуговичкой, у кого что было с собой.

У Шурки в доме хранилось много пуговичек от старой одежды, в круглой жестяной банке из под леденцов. Хватило бы все клеточки закрыть. Когда баба Поля обнаруживала у кого-нибудь оторванную пуговицу на рубашонке или на пальтишке, Шурка с Наташкой с радостью помогали ей найти подходящую. Высыпали на круглом столе в зале содержимое жестяной банки. Перебирали не одну сотню разных пуговичек, и с двумя, и с четырьмя дырочками. Разноцветные, черные, белые, блестящие, прозрачные, плоские, фасонные! Каких только не было...

— Туда-сюда, как не верти! — объявлял дед. Пуговичку клали на число «69».

— Кочерга! — Накрывалась цифра «7».

Кто первым закрывал все клеточки в ряду, тот считался победителем. Имел право забрать себе монетки, лежащие на кону. Дед Павел, между основным делом, следил, чтобы никто не вздумал мухлевать. В хорошую погоду за вечер можно было выиграть в лото, и тридцать, и даже сорок копеек. А один раз, помнится, кто-то выиграл аж рубль с чем-то! Играли до самого темна.

***

Дом Никулиных стоял рядом с Шуркиным домом. Вернее, Шуркин — рядом с Никулиными. Самый видный дом: свежесрубленный, с высоким бревенчатым крыльцом и с двором под тесовой крышей!

От Никулиных на грядки Филипповых часто пролазили куры через дырки в заборе. Шурка, под причитание бабы Поли «вот окаянные», ловил их с гиканьем. Перья летели по всему огороду.

Никулины держали коня. Дядя Петя часто ходил его выпасать на зады. Иногда брал Шурку с собой. В поле коня стреноживали крученой толстой веревкой. Он щипал траву и, передвигаясь, смешно подпрыгивал передними ногами. Шурке позволяли забираться на его спину. Вцепившись в гриву, малец ощущал себя конным красноармейцем.

Тётка Фешка Никулина была загадочной старухой. Многие её боялись. С ней никто не дружил. Говорили, что она ведьма. Она подбрасывала во двор некоторым соседям заговоренные предметы: то веник-голик, то мешочек с какой-нибудь сушеной травой, то вилку с отломанным зубом. На всякий случай, Шурка тоже опасался её.

Зато, их дочь Галка была душой всех молодежных компаний. Красивая, веселая, отчаянная! Сказывали, что однажды она надумила своих подруг со Степной улицы надеть самые широкие юбки и пойти в горсад без нижнего белья. А когда духовой оркестр заиграл вальс, они раскружились посередине танцплощадки так смело, что повергли всех парней в шок своей, неожиданно открывшейся, красотой! Шуркина бабушка называла озорных девок «окаянными». Баба Поля, на всякий случай, ругала так всех, и не только девок. Было непонятно: то ли ругает, то ли хвалит. В те времена подружки Тамары ходили ещё в девках. Тайком, чтобы не узнал дед Павел, они бегали в горсад на танцы.

***

Когда Шурка станет взрослым и после долгих странствий снова приедет в Сибирь, он узнает про деда Павла и про его житие много того, чего нельзя было узнать в детские годы.

До Октябрьской революции Анжерка являлась важнейшим стратегическим центром Российской империи. При императоре

Николае Втором был построен Великий Паровозный Путь. По этому пути впервые в мире, используя уголь, пошли поезда с грузами на тысячи километров до самого Тихого океана.

Михельсоновские копи на Судженке и казенные Анжерские копи давали стране девяносто процентов всего каменного угля. Уголь Кузнецкого бассейна стал своеобразной движущей силой. Отечественная угольная отрасль начала своё развитие в Анжеро-Судженске.

Купцы и предприниматели построили в шахтерском городке две православные церкви. На Судженке поставили каменный храм во имя Святого Духа. А в Анжерке появилась деревянная церковь в честь святых апостолов Петра и Павла. Без молитвы русские люди не могли начинать никакого серьезного дела.

Большевики разрушили оба храма. Деревянный храм в Анжерке частично удалось спасти. Иконы с иконостаса, алтарную утварь и даже венцовые бревна люди спрятали до лучших времен. На месте церкви и церковного погоста разбили городской сад с танцплощадкой.

Старые люди предупреждали, что пляски на таком месте это худшее из всех святотатств. Грех без наказания не бывает.

Но духовой оркестр играл музыку летними вечерами для молодых горожан. Шуркина мама рассказывала, что будучи молодой красавицей, прибегала сюда с подругами на танцы. Лихо кружили их широченные юбки, озорно стучали каблучки! Вплоть до конца двадцатого столетия ликовал и веселился здесь народ.

После Великой Отечественной войны городское начальство, наконец-то, разрешило крещеным людям построить церковь.

До этого времени богомольцы тайно собирались по церковным праздникам где придется. На их неоднократные просьбы выделить участок земли под строительство нового храма городское начальство отвечало отказом.

Место под церковь выделили за пределами города, на болоте. Угольные промышленники еще в царские времена пытались осушить болото для своих нужд. Ничего не получилось. Под-

земные воды постоянно прибывали и болото невозможно было одолеть.

Оказывается, после разрушения храма прихожане спрятали от большевиков алтарную утварь, храмовые иконы и даже бревна из основания. И вот настало время восстановить храм. Привезли на топкое место строительные материалы. В срубе нового здания нашли свое место и старинные освященные бревна. С молитвою строили быстро, всем миром. Надо было успеть до наступления весны, пока болото было схвачено сибирскими морозами. На стройку приходили посмотреть городские начальники. Недоумевали. И вот, когда снег растаял, все увидели, что болото отступило. Оно куда-то исчезло! Вокруг храма зазеленели луговые травы. Сотни гектаров земли за лето окончательно просохли. В последующие годы здесь стали селиться люди. Возник большой поселок. Границы города значительно расширились.

***

Напротив Никулиных жили Русановы. Два послушных мальчика и одна красивенькая, но болезненная, девочка росли незаметно. Братья ни с кем не дрались, плохие слова не говорили. Даже по чужим огородам с пацанами не лазали. Это была скромная и порядочная семья. С ними, кроме деда Павла и бабушки Поли, никто особо не общался...

***

Терентьевы размеренно жили напротив Филипповых. Они всё время строили свой большой бревенчатый дом. Каждый год что-то пристраивали. Неторопкий стук топора, казалось, постоянно доносился с их просторного подворья.

У них на задах была своя баня. На улице перед домом лежала гора свежих обтесанных бревен. Ребятишки со всей улицы любили сидеть на них и щелкать семечки.

Дед Терентьев был глухой и малоразговорчивый. Ни с кем, по обыкновению, не общался. Он вернулся с фронта с конту-

зией. Баба Тоня Терентьева, по-соседски, могла прибегать к Филипповым по семь раз на дню: то с советом, то за советом.

Терентьевы поставили на ноги двоих детей: дочь и сына. Был, правда, еще один, но он все время сидел в тюрьме и Шурка его ни разу видел. Взрослые дети Терентьевых, Анатолий и Нина, были ровесниками Шуркиной мамы. Дочь, как-то раз, пошла одна помыться в баню и угорела там. Хватились поздно. Откачать не успели. С тех пор в баню никто не ходит. Пустует на задах.

Дед Терентьев работал на станции. Перед Новым годом ночью он шел после работы домой по путям. Его насмерть сбил поезд Москва-Пекин. Тётя Тоня долго поминала плохими словами и Москву, и Пекин.

Сын Терентьевых Анатолий работал в шахте. Не пил, не курил. Хоть и слыл богатырем, но ни с кем ни разу не подрался. У него вокруг глаз были зеленые круги от ввевшейся угольной пыли. Такие же были у многих шахтеров в Анжерке. От Анатолия всегда пахло одеколоном и он пытался ухаживать за Шуркиной мамой. Шуркиной сестренке Наташке он делал подарки: то конфетку даст, то горсть кедровых орешков. Однажды он помог и Шурке. А дело было так. Юрка Забегалов дал Шурке прокатиться на своем большом велике. На таком малец мог ездить еще только под рамой.

И вот, мчится Шурка по Степной, крутит под рамой педали. И вдруг его правую штанину затянула цепь. Шурка упал вместе с великом как раз напротив Терентьевых. Анатолий вышел на улицу и очень бережно помог Шурке. Даже штанина не порвалась.

Баба Поля говорила про Анатолия:

— Ишь ты, ухажер какой сыскался!

Но Шуркина мама, видно было по всему, не проявляла интереса к наодеколоненному шахтеру и отклоняла все его деликатные попытки.

Зато в доме у Терентьевых жила бабка-матерщинница. Очень грозная старуха. Руки висели ниже колен, а мозолистые ладони

были шире штыковой лопаты. Сказывали, что она в гражданскую войну партизанила в местных лесах.

Все годы она ходила в одном и том же длинном платье и в просторных галошах на босу ногу. Зимой надевала истрепанные и многократно подшитые огромные валенки. А поверх платья носила выцветшую ватную фуфайку, перетянутую на талии солдатским ремнем со звездой на бляхе.

Когда Нинка Елищева вышла замуж и уехала, бабка Терентьева с досадой сказала бабе Поле:

— Ну и мужика себе нашла, слюнтя какого-то! Даже тюрьмы ни разу не испробовал.

***

Рядом с Терентьевыми за забором в бурьяне стоял покосившийся деревянный домишко без завалинки. Летом на ветхом крыльчке сидел и грелся на солнце молчаливый дед. Его все звали Эстонцем. Он был глухо-немой. Говорят, когда-то Эстонец был немецким военно-пленным. Во время войны на станции Тайга действовал пересыльный лагерь для них. Шуркин дед служил там в охране. Ему шёл в те годы шестой десяток лет. Баба Поля с Шуркиной мамой, с шестилетней дочкой Галиной ездила в Тайгу на свиданку с дедом Павлом. Доподлинно неизвестно, из того же лагеря происходил Эстонец, или из другого.

Несколько раз Шурка невзначай видел, как соседские женщины тайком приносили старому Эстонцу кое-что из продуктов, может муку, а может и сахар. Летом глухо-немой Эстонец брал в тайге грибы и ягоды. Осенью, как и все, шишковал.

***

Забегая вперед, надо рассказать, как однажды баба Поля позволила Шурке пойти в тайгу шишковать с Эстонцем. Деда Павла недавно схоронили. Шурка перешел в то время в седьмой класс. Мысль об утрате любимого человека не оставляла Шурку ни на минуту. Казалось, что дед Павел где-то рядом.

Заготовками ореха в Анжерке занимались мужчины. Настал черед подрастающему Шурке. От Пихтача Эстонец и Шурка шли в тайгу по просеке несколько километров. Потом просека закончилась. Началась глухомань. Дальше не пошли. Остановились у ручья. Эстонец, видать, хорошо знал эти места. Поляна в окружении высоченных кедров была выкошена. Посередине сушилось сено в копнах. Эстонец выкопал в сене пещеру, сложил туда свои пожитки и инструменты для шишкования. Шурка выкопал себе такую же пещеру с другой стороны. Пришли не на один день.

Отправились искать подходящее дерево. Шурка залез на выбранный Эстонцем кедр и стал трясти ветки. Шишки росли на самом верху. Внизу глухо-немой напарник собирал в мешки опавшие дары сибирской тайги.

Выбрали в течении ручья омут. На дно постелили мелкую сетку. Стали работать. Зрелые шишки легко шелушились с помощью шарожки. Ядреный орех тонул на дно, а шелуха и пустёныши оставались на плаву. Потом сетку с добычей подняли и первосортный кедровый орех оставили сушиться на солнце.

Перекусили и снова пошли за шишками. Шурка боялся упустить Эстонца из виду. Потеряешь его в глухомани и не докричишься. Еще днем, когда выбрали поляну, у Шурки появилась какая-то необъяснимая тревога. Как-то неуютно было в душе.

Нашли в три обхвата высоченный кедр с тремя макушками. Наверху все было усыпано шишками. Шурка полез наверх. Он хорошо лазил по деревьям. Не без труда добрался, наконец, до развилки. Из-за густых веток землю внизу уже стало не видно. Толстенный ствол разделился. Высоко вверх устремились ещё три самостоятельных ствола. На каждом из них шишек вызрело видимо невидимо. В развилке толстым слоем лежала созревшая хвоя. «Передохну и полезу выше», — подумал Шурка. И вдруг под слоем хвои он нащупал что-то странное. Кованная старинная цепь! Стал разгребать и обнаружил большие черные кости. От неожиданности чуть не сорвался вниз. Цепь дернулась, что-то круглое вместе с опрелыми пластами полетело вниз.

В развилке старого кедра обнажился скелет человека! Остатки сгнившей одежды! Шурку вмиг одолел ужас.

Каким образом оказался внизу у подножия кедра, он не мог объяснить самому себе. На земле валялся расколотый череп. Эстонца нигде не было. Кричать было бесполезно. Шурка вмиг замерз. Его колотило от страха. Стучали зубы. Дрожали колени. Пришел конец!

И вдруг Шурка вспомнил деда Павла. Нет, не вспомнил! Его спокойное лицо, как видение, неожиданно появилось перед Шуркой. Дед беззвучно шевелил губами. Видимо, что-то говорил важное и с улыбкой глядел в Шуркины глаза. В детстве так бывало не раз. От деда веяло теплом и покоем. Шурку постепенно стало отпускать.

Сколько прошло времени, не важно. Добравшись до поляны, Шурка обнаружил Эстонца. Тот нервно собирал пожитки и инструменты. Увидев Шурку, стал что-то мычать и жестикулировать руками. Было понятно, что шишкование на этом закончилось.

***

По соседству с Шуркой, как раз напротив Эстонца, жили Роженцевы. От Филипповых их разделял забор. Во дворе у Роженцевых стоял мощный двух-цилиндровый мотоцикл М-72 с коляской темно синего цвета и с задней скоростью. Такого в Анжерке еще ни у кого не имелось. Тетя Тася Роженцева работала продавцом в Девятнадцатом магазине на Шестой Колонии.

Только Роженцев считался Шуркиным другом, хоть и старше его на целых два года. Смелый пацан. Если искали утопленника на озере, Только со своим багром был тут как тут.

Когда же его отец, обычно по пьянке, начинал лупить тетю Тасю, Только вместе с ней прибегал в Шуркин дом. Бабушка прятала их в подпол и причитала:

— Ой, Таська, Таська! Не бегала б ты к нам-то! Не дай бог, Николай с ружьем припрется искать! А у нас-то, вон, ить, никак, ребяташки ищцё малые.

Шуркин дед, в таких случаях, шел после работы на мужскую беседу к дяде Коле. На следующее утро Шурка видел из окна, как дядя Коля Роженцев на своем мотоцикле заботливо везет в коляске тетю Тасю на работу в Девятнадцатый магазин.

Роженцевы жили богато. Первую в своей жизни радиолу, первую стиральную машину и первый персидский ковер Шурка увидел у них в доме. Потом дядю Колю посадили, и Шурка с Толькой могли без спроса кататься на мотоцикле.

***

После домов Эстонца и Роженцевых Степную улицу пересекал узенький Мамонтов проулок. Баба Поля называла его «эстонский». На машине там не проедешь, только на велике или пешком. Ну, иногда еще, Шурка ездил с Толькой на мотоцикле. Кое-как пробирались между заборами. Проулок сквозил от железнодорожной станции через все улицы: Новосибирскую, Барнаульскую, Степную, Сахалинскую, Школьную и дальше, до самой Десятой Колонии.

Потом, спустя несколько лет, учась уже в седьмом классе, Шурка ходил по этому проулку в Четвертую школу вдвоём с сестренкой Наташкой. Она в тот год училась в пятом классе и была председателем школьной пионерской дружины. В этот год Шурку приняли в комсомол. В городском комитете спросили, вручая новенькую членскую книжку:

— Где будешь хранить документ?

— Зашью в подкладку! Как Олег Кошевой! — Все в горсовете долго смеялись.

Ну, а пока, по субботам пятилетний Шурка с дедом Павлом и Костей ходил по этому эстонскому проулку в городскую каменную баню. Дед шагал впереди и из его черной кирзовой сумки с бельем торчал березовый веник, заготовленный на Троицу.

***

Шурка, как мы уже знаем, был самый шустрый из Филипповых. Пока домашние глазели в окно, он уже приближался к своей позиции у дома Федоровых. За углом открывался проулок, который прямиком вел на Шестую Колонию, к водокачке и к Девятнадцатому магазину. Из-за этого угла вот-вот выйдет на Степную дед Павел.

Солнце склонялось к закату, но день ещё только начинал заканчиваться. Кто-то вдалеке нес на коромысле ведра с водой. Чьи-то незнакомые пацаны с удочками шли по Степной со стороны озера. Несли куканы с карасями.

Около Плыгачевых ловили большую собаку, выскочившую со двора на улицу с оборванной цепью. Никак не могли поймать. Шурка до смерти боялся собак. В другой раз он бы вернулся домой, но в этот — нельзя было никак. Он уже успел прошмыгнуть по противоположной стороне так, что собака даже не почувяла.

Дед Каменский вынес на улицу табуреточку и сел покурить перед домом. У него дом был ладный. Синие ставенки с белые узорчатые наличники украшали фасад. Любо дорого было посмотреть на дом Каменских.

Дядя Петя Никулин только что привел домой коня с выпасов и хлопотал в ограде вокруг него.

У всех на Степной завершались дневные работы.

И вот, наконец-то, из Федоровского проулка появился Шуркин дед Павел Васильевич Филиппов.

Здесь надо сделать важное отступление.

***

В начале семнадцатого века ратные люди из Тобольского Разряда Казанского Приказа направились обустройства Сибирь. После поражения ордынских ханов наступило полное беззаконие. Огромные территории надо было охранять от бандитских набегов кочевников и от местной междуусобицы.

После смутного времени и изгнания поляков из Москвы, на царствование благословили первого из Романовых Михаила Федоровича. Было собрано воедино и восстановлено Русское царство, Московская Святая Русь. Работы в государстве оказались непочатый край.

Государевы люди в количестве ста пятидесяти ратников с обозами и с семьями поднялись по Иртышу и Оби, а при впадении Кондомы в Томь основали Кузнецкий острог. Недавно в этих таёжных местах казаки только что основали Томский острог. При их военной и экспедиционной поддержке тобольские служилые люди добрались до предгорий Кузнецкого Алатау. Здесь и поставили очередной поклонный крест, который ознаменовал ещё один этап прирастания Сибирью территории Святой Руси. Кузнецкие татары, шорцы, телеуты, чулымцы, хакасы и десятки других местных народов становились неделимой частью Русского мира.

Чуть раньше царя Романова, во время правления Бориса Годунова, в Нарымском крае, то есть севернее будущего Томска, в низовьях Оби казаки воеводы Тимохи Федорова построили два первых острога. После поражения ордынцев здесь процветала вольница для лихих людей. Грабили не только государевы и частные обозы, но и друг друга. Говорили здесь на селькупском наречии и отказывались платить ясак. «Нарым» на их языке означал «болото». Здешнюю тайгу до самого океана подмывали вешние воды Оби. Дороги пролегли среди болот. Место казалось недоступным для распространения государевых указов. Но казаки быстро навели строгий порядок. Разноязычному населению, привыкшему веками жить в беззаконии, пришлось отныне жить и трудиться по единым государевым правилам. Перестали воевать друг друга. Жизнь становилась порядочной и справедливой. Построили церковь и возник Нарымский уезд с воеводским правлением в составе Сибирской губернии. Купцы стали осваивать эти места для торговли. Охотные люди добывали здесь много пушнины и отдавали купцам, как гово-

рится, «задарма». Соболь, норка, лиса и куница высоко ценились в самых знатных дворах Европы. Ясак, то есть государев налог в виде пушной шкурки, платить было не обременительно. Денежный налог с домохозяйства в Сибири платили немногие служивые люди. Он не составлял большого процента от прибылей. Сибирь бурно процветала и стремительно развивалась. В почете был честный труд и уважение государю.

***

Вокруг острогов таёжные места заселялись прибывающими первопроходцами. Появлялись новые оседлые земли для постоянного проживания и для ведения выгодного хозяйства.

Звенели пилы и стучали топоры вдоль больших и малых рек. Сильные люди корчевали вековую тайгу под пахотное земледелие. Из Тобольского разряда выделили самостоятельный Томский разряд. Строили города-уезды: Кузнецкий, Енисейский, Кетский, Нарымский. Казаки Никулины, Плыгачевы, Елищевы, Русановы, Курнаковы, Черновы, Филипповы, Роженцевы, Павловы и многие другие ратные люди рожали детей и заселяли Сибирь.

Восточные границы Русского государства стали успешно выдерживать набеги вооруженных кочевников. За первые тридцать лет ведения хозяйства Сибирь заметно укрепила мощь всей Московской Руси. Оседлая жизнь процветала и плоды трудов делали таёжный край богатым. Местные народы принимали веру русских первопроходцев. Учили грамоту и науки по их примеру. Строили православные храмы. Создавали епархии и консистории.

Во времена царствования Петра Великого Сибирский Приказ стал важнейшим военно-административным центром. Здесь сформировалась мощная государственная общность, состоящая из многочисленных сибирских народов и народностей, преданных Москве. Надёжность восточных рубежей придавала уверенность первому русскому императору.

***

Забегая далеко вперед, скажем, что получив хорошее образование в Москве, Шурка впоследствии отыскал среди русских устроителей Земли Кузнецкой некоторых предков своего деда Павла Филиппова и бабушки Поли Черновой. Казачьи фамилии Филипповых и Черновых находил он в разных исторических летописях, в формулярных списках о государственной службе и в церковных книгах.

Например, ему стало известно, что городничим Кузнецка был некий Григорий Иванович Филиппов. Он обеспечивал во всем городе рассудительный порядок. Подчинялся напрямую московскому воеводе. Шуркиному деду он доводится одним из двоюродных дедов по отцовской линии.

Казачьи Черновы из Нарымского края и Томска несли военную службу на огромной территории от Оби до Енисея. Получается, что они были предками Шуркиной бабушки. Черновы создавали казенные и монастырские земледельческие хозяйства, строили города и промышленные предприятия, вели торговлю и предпринимательство. Первопроходцы, казаки, ратные люди, трудники монастырей, охотники, ремесленники, купцы — все оставили после себя потомство и передали ему богатое наследство, созданное своим богоугодным трудом.

Просьба исторических предков к новым поколениям звучит до сих пор просто: «сохраните отечество и приумножьте его величие, пожалуйста». Их светлые души всё видят с Высоты небесной. С мольбой и надеждой созерцают живущих.

***

Когда открылось движение по Великому Паровозному Пути, технические достижения стали быстро распространяться в Сибири. Бабушкины родственники Черновы, например, содержали в Ижморке и на станции Яя фотосалоны. Старые люди помнят, что они устраивали даже первые в этих местах театры синемаатографа.

Шурке досталась в наследство семейная фотография, на которой изображен в военном мундире дед Павел Филиппов

перед отправкой на Первую мировую войну. На обороте сохранился чернильный штампель «Фотоателье Чернова».

***

Спустя годы, уже после Великой Отечественной войны, Шуркиного деда поставили начальником Конного Двора. Много лет он проработал руководителем этого сложного хозяйства. Когда Шурка родился, рос и проводил свои детские годы в доме Филипповых, Конный Двор ещё существовал. Это транспортное предприятие обслуживало не только жителей Анжерки, но и все предприятия города, в том числе, угольные шахты.

Зимой и летом к шести часам утра Павел Васильевич Филиппов исправно шел на работу. Шурка провожал его из дому. Вечером дед возвращался домой на Степную улицу. Шурка радостно встречал его.

Через плечо дед носил темно-коричневую командирскую сумку. Блестящие хромовые сапоги сохранял с Великой Отечественной войны. Он надевал их на свою ответственную работу и в церковь. С сапогами в комплекте дед всегда носил галифе из толстого темно-синего сукна. Френч из черного вельвета застегивал строго, на все пуговицы под горло. Приталенный френч имел четыре больших квадратных кармана: два — на груди и два внизу по бокам. На голове — черная суконная кепка с полукозырьком.

— Доброго здоровья, Павел, — приветствовал дед Каменский, не поднимаясь со своей табуреточки. К вечеру он всегда выставлял её на травке перед своим добротным срубленным домом. Курил самосад, аккуратно завернутый в полоску из газеты. Любовался жителями, которые удовлетворённо возвращались с работы. Шуркин дед почтенно кивал ему головой, степенно шагая по своей родимой Степной улице.

Шурка вприпрыжку мчался деду навстречу. Тот подхватывал любимого внука и поднимал своими сильными руками до

самого неба. Потом ставил на землю сбоку от себя, трепал его белобрысые волосы и дальше они шагали рядом.

В этот раз, недалеко от дома Плыгачевых, на них кинулась, было, обозленная собака. Шурка ловко шмыгнул за спину деда, а тот строго приказал животине:

— А ну, сидеть! — Собака с высунутым слюнявым языком опустила голову, поджала хвост, и виновато села на траву. На ошейнике болтался обрывок цепи. — Ишь ты, баловница, — пожурил дед и потрепал ей уши.

— Здравсьте, Пал Василич! Доброго вечера вам! — запыхавшись, приветствовали, прибежавшие за своей собакой, Плыгачевы.

Малый и старый зашагали бок о бок дальше. Шурка норовил делать такие же как у деда широкие и уверенные шаги. Поскрипывали на ходу взрослые хромовые сапоги. Рядом мельтешили детские сандалики. Шуркину ладошку бережно поглощала сжатая мозолистая ладонь деда.

— Не спотыкнись, Ликсандра. Ступай твёрже, приучайся! — посоветовал дед. Шурка беззаботно шел сбоку вприпрыжку.

— А зачем твёрже? — спросил Шурка.

— По земле идтить надобно не как попало.

— А почему?

— Земля силу даёт. Ты видел, надысь, как пьяный Готька шел? Его наша земля держать не хотела.

— А почему Толян не идёт, а всё время скачет по улице?

— Мал ещё. Ему можно.

Хромой дядя Миша из открытого настежь окошка помахал рукой. Дед Павел степенно кивнул ему головой и почтительно приставил к виску вытянутую ладонь. Отдал, как полагается, честь фронтовику.

— Добрый вечер, сосед наш Павел Васильевич! Доброго здоровья! — из-за калитки со двора раскланивалась благопристойная чета Русановых.

— Дядя Паша, дядя Паша! — с терентьевских бревен сорвалась наземь стайка мелкой ребятни. Побежали вприпрыжку навстречу. Дед вынул из широкого кармана своего вельветового френча свернутый из газеты кулёк. Бережно развернул его и плеснул в вытянутые детские ладошки поджаренных семечек.

У Шуркиного дома на деревянном мостке перед воротами стоял Костя. Он уже успел широко отворить калитку. Встречал. Дед уважительно протянул ему руку, пожал крепко правую ладонь.

Прошмыгнув первым в открытую калитку, Шурка побежал по двору, заскочил на крыльцо и звонко закричал в дом:

— Пришел! Пришел!

***

Про Костю надо рассказать особо. Он был Шуркиным дядей, одним из двух старших братьев его мамы. Когда бабушка Поля только ещё понесла его, по всей округе свирепствовал тиф. Сказывали, что это произошло в те лихие времена, когда придумали колхозы. Из-за этого крепкие индивидуальные хозяйства бывших казаков и землепроходцев пришли в разорение. Много людей из разоренной родни пострадало и померло по линии Филипповых и по бабушкиной линии Черновых. Говорили, что у деда Павла и бабы Поли родилось тринадцать детей, а вырастить смогли пятерых.

Костя родился с трудом, поврежденный тифом еще в материнском чреве. Он, хоть и рос крепким физически, но очень отставал в развитии своего ума. Ему дали инвалидность и баба Поля пожизненно стала его опекуном. В школу для обучения его не приняли. Бабушка тоже считалась неграмотной. Однако, она научила Костю, к его двадцати годам, считать деньги и читать по слогам письма. Иногда даже посылала в магазин за хлебом. Но всё же, давала денег без сдачи. Малые ребяташки в округе смеялись над ним и дразнили.

Однажды, когда в очередной раз настало время продлять инвалидность, дед Павел повел Костю к врачам.

— А назови-ка нам, болезный, столицу нашей родины, — спросил из-под очков крепкий мужчина в белом халате. Костя стушевался, и вопросительно посмотрел на своего родителя. Дед Павел поймал взгляд сына. Некоторое время глаза глядели в глаза. Дед строго и достойно молчал. — Ну, говори, — наклонился над Костей доктор.

— Ижморка! — уверенно ответил испытуемый. Мужчина в белом халате не ожидал такого ответа. Снял очки, стал хватать ртом воздух, а потом громко расхохотался. Успокоившись, продолжил допрос:

— А центр нашей области знаешь?

— Анжерка! — так же уверенно отвечал Костя, чувствуя рядом защиту отца.

Доктор сделал запись в медицинскую карту, протянул документ деду Павлу и посоветовал:

— О смысле «родины» ему надо бы почитать.

— Не ученый он... Смысл чует не по писанному, — дед встал со стула, поклонился доктору и повёл Костю из кабинета.

***

Когда обнаружилось, что Шурка на улице стесняется своего родственника Костю, дед Павел ласково объяснил:

— Ликсандра, нам с тобой радоваться надобно!

— Пошто?

— А то, што господь нас любит...

— Дак, ить, как же это? — Шурка не понял, о чем говорит дед.

— Костю-то послал нам Он... Костя, стало быть, божий человек... Чуешь?

— Ага! — парнишка, что есть силы, втянул носом воздух. Плечи приподнялись, грудь округлилась, сам весь стал выше и весомее. — Теперь чую!

— Коли сдюжим его причуды, простится нам много... А потом-то, ить, награда-то какая будет! — дед Павел довольно раз-

улыбался. Сухо сплюнул на пальцы и подкрутил свои императорские усы. — Не сумливайся, Ликсандра!

Шурка никак не решался спросить у деда или у кого другого, кто такой «господь». Спросишь, так ведь засмеют! В доме, видать, все знали кто Он такой. Кроме него. Обидно. Каждый раз, когда называли это слово, Шурка пытался представить Его. Не получалось. А незнание выказывать стыдился стервец, хоть и мал еще был!

В те годы, в свои какие-то пять-семь лет, Шурка запомнил, что Костю надо сдюживать и не обижать. Правда, насчет «сдюживать» у Шурки никак не получалось. Он, конечно, толком не понял и про какую-то загадочную награду. Умишком не понял, но, видимо, нутром что-то почуял. Это произошло оттого, что впервые его назвали по-взрослому: Ликсандра.

— А почему я Ликсандра?

— На Александра Невского ты родился. На тебе его лик те-перича...

Скорее всего, именно тогда-то Шурка и ощутил себя мужчиной, хотя был еще мальцом. Потом, всю свою жизнь, пока не похоронили Костю, он опасался обидеть его хоть чем-то или помянуть как-нибудь небрежно. Помнил дедовы слова.

***

— Ну, чего попусту выставились-то? — ворчала беззлобно бабушка Поля, выходя из-за печки и вытирая руки о подол своего «хвартука». На ней всегда был надет серенький с мелким цветочком фартук. Она не снимала его даже в праздники. — Подсобите-ка стол собрать!

Домочадцы мигом отлынивали от окна. К столу придвигали тяжелую лавку. Во главе стола ставили крепкий стул с темно-коричневой дерматиновой вставкой под спину. На столе расправляли свежую скатерку. Нарезали ржаной хлеб на деревянной разделочной доске. Раскладывали крашеные-некрашеные

деревянные ложки. Крашенные — это те, которые куплены. Дед Павел и сам умел выстругать ложку из березового поленца. У него ловко получалось. Он, как-то раз, когда выезжали на покос и жили в шалаше, пробовал учить Шурку этому ремеслу. Эти ложки были некрашенные.

Были в доме Филипповых ложки и алюминиевые, и блестящие железные, с двух войн привезенные.

— Шурке дайте деревянную! Не забудьте... Дедову! — обычно заблаговременно распорядилась баба Поля.

Посередине стола ставили солонку из белого фарфора и перечницу с мелкими дырками, а также блюдечко с неочищенными зубцами чеснока и баночку горчицы.

В рукомойник подливали из ведра свежей воды. В мыльницу клали полкуска хозяйственного мыла и рядом вешали на гвоздь свежее вафельное полотенце. Все в доме оживленно участвовали в приготовлении.

***

Павел Васильевич Филиппов окрестил внука Шурку, как и положено, в церкви со священником. Возрожденная деревянная церковь Петра и Павла в ту пору была единственной в Анжерке. Улица Степная, как раз, напрямик вела туда. Надо только через насыпь перебраться. По ней паровозы возили уголь с шахты на станцию.

Шуркиными крёстными стали супруги Черновы: тётя Тоня и дядя Петя. Оба казачьих кровей, родственники по линии бабы Поли. Но об этом — отдельная история.

Глава 2

Детсад

Этой зимой Шурку с Наташкой, наконец-то, приняли в детсад на Новой колонии. Оформлять начали ещё с осени. Ставили то одну прививку, то другую. Заставляли сдавать, то кал в спичечной коробочке, то мочу в стеклянной баночке. Потом велели лекарства принимать и витаминки.

И вот теперь по утрам в доме Филипповых раздавался Наташкин рёв. Детей собирали в детский сад.

Костя, обхватив своими могучими руками девочку, поднёс её к маме-Гале. Та стояла наготове с наполненной ложкой. Одним движением она ловко влила рыбий жир в Наташкин орущий рот.

Шурка, как и сестрёнка, тоже не мог принимать с радостью это мерзкое лекарство от рахита. Мать налила в алюминиевую ложку мутную маслянистую жижу из пол-литровой бутылки. Бережно, чтобы не пролить на пол, стала прицеливаться в Шуркин рот.

— Мам, чиво-то пимы не на ту ногу надеты, — Шурка нагнулся. Попытался переобуться. Хотел таким образом избежать экзекуции. Или, хотя бы, отдалить время. Но тут же получил подзатыльник от матери.

— Новые пимы на любую ногу сгодятся, — объяснил Костя маленькому племяннику.

— Открывай рот пошире, — скомандовала мать Шурке.

— Ты, Галя, в деревянной ему подай, в дедовой! — оказалась рядом баба Поля и протянула ей обгрызанную по краям ложку.

Шурка, зажмурив глаза, мужественно проглотил мерзкую жидкость. Из дедовой ложки было не так страшно.

— Брр, брррр, — озвучил процедуру Костя, мотая головой и выглядывая из-за бабушкиной спины.

К детскому саду Шурку готовили всем большим семейством. Купили «матроску» и сандалии с ремешком, чтобы переобуваться можно было. Тамара подстригла ему блестящей машинкой белобрысые лохмы. Оставила только чубчик спереди.

— Белые чулки не возьму! — сопротивлялся Шурка, — они девчачьи! Отдайте Наташке!

— Они всего до колен тебе! Это же гольфы. В саду мальчишки такие носят, — уговаривали его все хором.

— Не пойду я в ваш сад! — Шурка не принимал никаких доводов, пока домашние не пожаловались на него деду.

— Ликсандра, ты пошто не слушаешься старших? Такие гольфы надевали русские офицеры и генералы на парад. Ты чиво, хошь плюнуть в традицию нашу? — дед строго посмотрел в Шуркины глаза.

— Не, не хочу плювать, — стал, на всякий случай, оправдываться Шурка. Незнакомое слово «традиция» озадачило мальчика.

— Ты не вздумай там фулюганить, — учила баба Поля.

— Про «спасибо» и «пожалуйста» не забывай, — попросила Шурку мама.

— Еслив чо, ты... промеж глаз его! Приучайся солдатом быть, — сказал Костя и поднёс к Шуркиному носу свой огромный кулак. И тут же получил подзатыльник от своей строгой матери.

— Деда, а кто такая «традиция»? — поинтересовался внук у деда.

— Энто вещь сурьёзная, Ликсандра. Стержневая линия до скончания века... — принялся неторопливо объяснять дед внуку, — Кто плюёт в неё, тот непутёвый по жизни ходит... Понял?

— Ага! — ответил Шурка, хотя ещё больше запутался.

Перед сном Шурка проверил, не забыли ли, случаем, положить в его сумку генеральские гольфы. На следующий день начиналась новая жизнь. Нельзя будет подвести деда.

Дед Павел загодя учил внука читать. Шурка любил слушать деда, когда тот после ужина читал всем «Правду» или «Борьбу за уголь».

— Ну-ка, Ликсандра, подсоби мне, — дедушка снимал очки, подносил текст поближе к глазам. — Не вижу, што тут пишут, — обращался он к Шурке и протягивал ему газету.

Шурка медленно по слогам читал мелкий текст. Читать заголовки получалось быстрее. Дед Павел хвалил внука. Шурка очень гордился, что отмечают его старание. Постепенно научился одолевать всякое чтение.

***

В детском саду быстро узнали, что Шурка умеет читать. Однажды воспитательнице надо было куда-то отлучиться. Она посадила Шурку посредине комнаты, дала ему книжку и попросила почитать вслух. Велела всем не шуметь и слушать сказку. Сама ушла. Шурка стал читать с выражением, как учил его дед Павел.

Вернувшись, воспитательница увидела, что все дети, затаив дыхание, слушают Шурку. Даже непослушные пацаны, которые всегда норовили обидеть кого-нибудь в свободный момент, разинули от интереса рты. А Шурка не только читал, но и в лицах изображал сказочных героев.

— Дети, приготовиться всем к обеду, — скомандовала пришедшая воспитательница.

— Пускай дочитает! До конца пусть дойдёт! — закричали дети.

В детском саде Шурке нравилось. Его все любили и хотели с ним дружить. Там он научился рисовать самолёт, на котором улетел на войну Сашка Мандрыгин. Там ему понравилась девочка. Непослушные пацаны пытались её обидеть, а Шурка заступился. Показал обидчикам кулак, как научил Костя. Время шло и детский сад стал привычным местом.

***

Как-то раз, Шурку выгнали из детсада. Случилась беда. Дал пацанам пострелять из рогатки, которую ему сделал дядя

Володя Курнаков. И надо же! Кто-то из стрелков разбил стекло прямо в кабинете заведующей. На дворе была ранняя весна и ещё стояли холода. Окно пришлось завешивать одеялами и прибивать фанеру. Шурку объявили хулиганом и разбойником.

Виновника посадили на домашний арест. Два дня его все ругали и стыдили. Он не мог найти себе места в доме. Переживал. Когда об этом узнал дед Павел, он сказал внуку:

— Всяко бывает в жизни, Ликсандра... Не отпирайся. Скажи им, виноват, мол, исправлюся...

На следующий день дед взял Шурку за руку и они пошли в детсад вместе. С собой принесли стекло и инструменты. Вырезали алмазом нужный размер и вставили новое стекло взамен разбитого. Пацаны с завистью наблюдали, как Шурка ловко помогает деду. А заведующая разрешила ему снова посещать детский сад.

***

Однажды летом Шуркины двоюродные братья Витька с Толькой, тети Тани Сайкиной старшие дети, пришли за ним в детсад. Они уже были школьниками. Толька перешел в третий класс, а Витька в пятый. На каникулы они приехали к деду Павлу из Сталинска.

Забрали Шурку домой. Наташка в эти дни была на больничном. Возвращались по Мамонтовскому проулку. Стали дурачиться. То подножку поставят, то сунут в нос пушистый одуванчик, то толкнут друг друга на кучу пушистой золы. В Анжерке напротив каждого дома были такие кучи. Топили печки углем, а золу выносили на улицу.

Не доходя до Сахалинки, Толян подкрался сзади, сорвал с Шуркиной головы кепку и со всей силой запустил её ввысь. Кепка долго описывала в небе дугу пока не залетела в крону высоченного тополя. Застряла в ветках.

Стали обсуждать, что теперь делать. Попытались влезть на толстое дерево. Ни у кого не получилось. Снизу не за что

было ухватиться. Пытались сбить из рогатки. Стреляли, стреляли и тоже не получилось. Тщетные попытки ничем не увенчались.

— Ладно, пошли домой! Скажем, что забыли в детсаде. А когда, дескать, вернулись, то она уже пропала, — предложил старший из братьев Витька.

— Я мамке своей скажу, она тебе новую купит, — добавил Толька.

— Это же деда мне её сшил! ... Из своей... Она лучше новой... — заволновался Шурка. Он даже и не подумал расставаться с ценной вещью просто так. Уселся на кучу золы.

Толька нашел где-то осколок кирпича и стал швырять его, стараясь попасть по кепке. Раз — мимо! Два — мимо!

— Дай-ка я! — Витька, который постарше, прицелился и швырнул осколок вверх.

— Попал, попал! — заорал Толька.

Шурка вскинул голову. Вниз летела сбитая кепка. Он протянул к ней навстречу ручонки, но раньше прилетел кирпич. Сильный удар в лоб сбил его с кучи золы. Очнулся уже тогда, когда Витька, обхватив своими руками его маленькое тельце и перекинув через плечо, помчал домой. Шурка висел вниз головой, сжимая в руках дедову кепку. Толька бежал впереди и как угорелый кричал:

— Шурку ранило!

Из раны лилась алая кровь и капала на траву, оставляя след по всему Мамонтовскому переулку.

Дома Шурку окружило всё большое семейство Филипповых. Прибежали с огорода. Побросали все свои дела на кухне и в комнатах. Охали, ахали, наперебой советовали, что надо делать в таких случаях. Обтерли от крови. Поменяли рубашонку на чистую.

Шурке было не больно и почему-то хорошо. Он так и не выпустил из рук спасенную дедову вещь.

— Доигрался, пострелёнок! Пороть тебя некому! — беззлобно ругалась баба Поля и хлопотала около Шурки. Присыпала

рану растертым березовым углем и приложила ему на лоб раздавленный свежий лист подорожника.

— Ничё, до свадьбы заживет, — добавил Костя.

***

Вечером пришла с работы Шуркина мама, обработала рану йодом и забинтовала голову настоящим белоснежным бинтом.

После ужина дед Павел, как обычно, надел очки. Ему поднесли газету «Борьба за уголь». Прежде чем начать читать вслух, дед посмотрел на внука поверх очков и сообщил всем:

— Ну, теперь Ликсандра у нас как Щорс. Настоящий генерал.

Ночью, перед тем как уснуть, Шурка позвал маму и шепотом, чтобы не услышала Наташка, спросил у неё:

— Мам, а кто такой Щорс?

Мать заботливо подоткнула ему одеяло, поцеловала в то место, где под бинтом адела рана, и вполголоса запела над кроватью:

Шел отряд по берегу, шел издалека

Щорс под красным знаменем, командир полка.

Голова обвязана, кровь на рукаве,

След кровавый стелется по сырой траве...

— А у моего деда есть красное знамя? — не унимался Шурка, выглядывая из под одеяла.

— Есть. У него всё есть.

— А мне даст?

— Зачем тебе?

— Ну, чтобы ходить с им!

— Спи, давай. Намаялся за день...— улыбнулась мать.

***

На следующий день вся ребятня на Степной крутилась вокруг Шурки. Даже с Сахалинки прибегали посмотреть и потрогать забинтованную голову. Юрка Забегалов дал прокатиться на велике, хоть Шурка и не просил. А Юркина сестренка Надь-

ка, за просто так, дала куснуть горбушку, посыпанную сахарным песком. Два раза.

— Ликсандра, иди-ка сюда. Где ты есть-то?

— Шуркя! — закричала в распахнутое окошко баба Поля. — Деда Паша зовет!

Шурка мигом примчался со двора в дом. В большой комнате за круглым столом сидел дед Павел. Надев очки, разглаживал ребром ладони большую карту.

— Ну-ка укажи, где наш дом? — спросил мальца дед, склонив над картой голову.

— Здесь, вот он! — ткнул пальцем Шурка в знакомый кружок, приподнявшись на цыпочки и облокотившись на край стола.

Дед уже не раз показывал Шурке на старой цветной карте эту точку, жирно обведенную химическим карандашом. В Шуркином воображении под этим кружочком таинственным образом притаился их дом на Степной. Мерещились лица Курнаковых: дяди Володи, Геннадия, Михаила, Анатолия Терентьева. Он видел даже шахту Физкультурник и Горячку.

Глава 3

Ревунки

На Миколу Зимнего в Анжерку приходили морозы под сорок градусов.

— Ступай, Ликсандра, на улицу. Ить, поди, хочеться? ...Может ревунка поймаешь! — предложил внуку дед Павел после утреннего застолья.

— Ага, хочешь, чтобы как прошлый раз получилось? — Шурка засмеялся. Он уже знал, каким образом ловятся ревунки.

***

В морозные дни домочадцы находили себе работу в доме, не смотря на выходной день. Бабушка пряла пряжу. Женщины вышивали крестиком. Костя шуровал в печке кочергой, подбрасывал уголь. Наташка учила свою куклу читать тексты в разноцветных книжках. А Шурку всегда тянуло на улицу.

Накануне Миколы весь месяц Степную заваливало снегом. Сугробы вырастали выше заборов.

На дворе Костя неустанно боролся со стихией. Убирал снег широкой фанерной лопатой. От калитки на улицу прокапывал туннель. Двор до самого крыльца становился снежным коридором с высокими отвесными стенами.

Со стороны Роженцевых сугроб каждую зиму вырастал до самой крыши и на морозе становился твердым. Шурка с Толяном могли на санках съезжать в их огород прямо с верхушки дома Филипповых.

***

Все большие пацаны на Степной, как только наступала зима, принимались ловить щеглов и снегирей. Из мягкой проволоки плели клетки с ловушкой. Особенно хорошо получалось у Федоровых ребят. Выставят на улицу клетку с приманкой и ждут. Прилетает стайка дурных щеглов и все однове-

менно лезут за приманкой. Кто вперед успеваает, того ловушка и захлопывает.

Зимой во многих домах под потолком висели клетки с птицами. Пение и щебетанье напоминало о лете и скрашивало быт. Многие пацаны умудрялись продавать в базарные дни пойманных птиц. Давали за птиц немного, но азарт вокруг купли-продажи вдохновлял анжерских пацанов и оживлял их будни.

Толька Роженцев не умел сам делать клетки. Был еще мал. Ему две штуки сделал отец. Одну для щеглов, другую для снегирей. Для приманки снегирям надо было класть рябину. Они больше всего её любили. Шустрые щеглы хорошо ловились на кусочки сала. Доверчивые и неразборчивые в еде синицы попадались в любую ловушку. А красногрудые снегيري осторожничали. Не в каждую клетку полезут за приманкой. Долго присматриваются. Если что заподозрят, сразу улетают. Ловушку надо было снаряжать умело.

***

— Деда, а ты сделаешь мне клетку как у Тольки? — спросил как-то раз Шурка.

— А на што она тебе?

— Птицу хочу поймать!

— Зачем её ловить-то надобно?

— Поймаю и пушай в клетке поёт.

— В неволе песни-то никому не в радость.

Отказался дед Павел делать клетку. Шурка не настаивал. Смотрел, как ловит Толька.

***

В прошлый раз попался щегол. Из ловушки его пересадили в клетку. Насыпали семечек и пшена. Долго ждали, когда петь начнет. А он лишь прыгал по клетке как ненормальный. Цеплялся за стенки, висел на потолке вниз башкой.

— Красивый, подлюка! — Толька просунул в клетку длинную лучину, пытаясь ткнуть в бок пернатого пленника.

— Ага. Смотри, какие красные пятна у него на лице, — добавил Шурка. — Пёстрый весь, а головка смоляная!

— А клюв-то, клюв какой вострый!

— Глянь-ка, глянь! Усы под клювиком!

— Хватай семечки, хватай пшёнку! Хватай, говорю, стервец! — Только старался попасть лучиной в бок своему щеглу. Но тот подпрыгивал и ловко уворачивался.

— Мой дед рассказывал: как тока щеглы запоют, сразу солнце выглядывает! — Шурка с надеждой посмотрел на небо. Оно было затянуто беспросветной серостью. «Как же он запоёт в неволе?» подумал малец, глядя на пленника-щегла.

Две недели Анжерку заметало снегом. Очередная зима только-только набирала свою сибирскую мощь. В доме Филипповых старались держать Пост.

***

На Миколу, когда весь дом еще спал, дед сходил за насыпь в Петропавловскую церковь. Другой в Анжерке в то время не было. Баба Поля хлопотала у печки. Пекла пышные миколойчики и разные пампушки: с вареньем, с маком и с таким.

Когда дед Павел возвратился из церкви, все домашние уже проснулись и готовились к утреннему праздничному застолью. Наташке завязали белые банты на голове. Шуркина мама и тётя Тамара надели красивые платья. Косте ещё накануне купили темно-красную ситцевую рубашу в тоненькую полоску. Он застегнул пуговички под самое горло и сделался серьёзным мужчиной.

В доме вкусно пахло выпечкой. На середину стола по такому случаю водрузили пузатый самовар со сверкающими боками. По периметру стола расставили блюда с золотыми каёмочками и цветочками в центре.

Все расселись по своим местам. Бабушка принесла из кладовки холщевый мешок, схожий с наволочкой для подушки. В нём хранили кусковой сахар. Без спросу доступ к сахару был запрещён для всех. Только хозяин мог распоряжаться его

потреблением. Сахар почитался застольной наградой. За неугодный проступок награды автоматически лишался всякий, без учёта возраста и положения в семье.

***

Однажды во время чаепития дед Павел раздал сахар всем по кругу кроме себя.

— Деда, а ты себе чего-то не положил? — вопросительно заметил Шурка.

— Мне нонче не полагается, — ответил хозяин стола.

— ??? — все за столом переглянулись.

— Я человека на работе обидел.

***

Только дед Павел умел точно отколоть от большого куска нужную мерку. Шурка тайком пробовал так же. Ни разу не получилось. Тем временем бабушка развязывала перед дедом мешок. Тот вынимал оттуда ослепительно белый камень с беспорядочными гранями и углами, располагал его на ладони. Затем прицеливался и одним ударом металлической рукоятки ножа попадал в нужную точку. Откалывался ровно такой кусочек, чтобы хватило для чаепития одному члену семьи.

Чай пили вприкуску. Возьмёшь свой кусочек двумя пальчиками за краешек, поднесешь к влажным губам и сделаешь два-три сосательных движения. Потом со свистом втянешь сквозь полусомкнутые губы воздух снаружи. На миг придержишь во рту ощущение сахарной сладости и сразу начинаешь прихлёбывать чай из блюдца. Умеючи, сахару хватало, чтобы напиться чаю вдоволь.

В самовар входило целое ведро кипятку. Рядом стоял большой фарфоровый заварник. В нём баба Поля заранее густо заваривала морковный чай. Шурке очень нравился его тёмно-красный цвет и сладко-пригорелый аромат.

Но больше всего ему нравился индийский чай. Его берегли и пили только по праздникам. Когда все напьются морковного

чая, напоследок давали чая индийского. На жестяной коробочке, в котором он хранился, был нарисован слон с красной попой на спине. Коробочка стояла в шкапчике за стеклянной дверкой. Шурка любил рассматривать картинку на коробочке. «Когда вырасту, поеду в Индию и прокачусь на слоне» мечтал Шурка.

Морковный чай заготавливали осенью. Жители Анжерки приучились пить такой чай во время войны. Костя очень мелко резал знаменитым тоненьким ножом на разделочной доске морковку. Выбирал самую крупную, аккуратно отделял из неё желтую сердцевину и откладывал для Борьки. Красная часть шла на чай. Нарезанную морковную соломку баба Поля выкладывала на противни и ставила сушиться на припечек. Несколько дней соломка увядала, скрючивалась, темнела и уменьшалась в размерах. Когда её цвет становился тёмно-коричневым, досушивала в горячей духовке. Аромат наполнял весь дом и радовал Шурку. Приготовленный таким образом, чай хранили в холщовом мешочке в сухом месте за печкой. Хватало до следующего урожая.

В Красном углу с полуночи тлела масляная лампадка. С иконы Николай Угодник крестным знамением благословлял дом Филипповых.

***

Как же поймал Шурка ревуна первый раз? Это случилось в начале зимы, когда в Анжерке установились крепкие морозы.

Ещё летом дед Павел сделал санки из металла. На Конном дворе кузнец выковал по его заказу ажурные элементы с лихо завитыми полозьями и с изящной спинкой.

Когда Шурка вышел с санками по первому снегу на улицу, сбежалась вся ребятня. Щупали, осматривали, восхищались. Шурка уселся в санки. Трое пацанов взялись тянуть за веревку. Санная тройка красиво помчалась к Федоровскому переулку. Сбоку весело бежала ребятня и улюлюкала на всю Анжерку.

Потом так же с гомоном вернулись обратно к дому Филипповых.

***

В морозы на Степной никто без надобности из дому не выходил. Но Шурку не мог удержать никакой лютой мороз. Никакие уговоры, кроме дедовых, не останавливали его ни перед чем.

— «Гачи сверху пимов натягивай! — баба Поля пыталась хоть как-то обозначить своё воспитующее влияние.

Шурка и без посторонних советов знал, как надо одеваться на улицу.

— Ба, ты мне красный шарф найди. Он толстый и мягкий.

— Нонче, вона, деревья от мороза трещат. Ты бы долго не слындал.

Внук одевался основательно. Поверх байковой рубахи стал надевать свитер через голову. Зацепил веревочку с крестиком. Суровая нитка больно резанула по шее и порвалась. Шурка вынул из-за пазухи крестик и спрятал в баночку с пуговицами.

— Я, как тока сопли пойдут, сразу домой вернуся, — успокоил бабушку внук.

— Ну, поняй с богом.

В этот раз Шурка гулял на улице один, со своими санками. Тянул спереди за веревку, толкал сзади перед собой. Железные санки были тяжелыми и оставляли на снегу красивые следы от полозьев.

Около дома Роженцевых на невысоком сугробе Шурка увидел клетку. Видать, Толька выставил её для ловли снегирей. «В такую клетку щеглы не полезут», подумал Шурка. Он уже знал науку ловли птиц.

На морозной улице не только людей не было, не было и птиц. Даже синицы попрятались. ...«Вот бы поймать красивую птицу». ...«Хочу такую, какой ни у кого на свете нет». ...«Жар-птицу бы»... «А какая она эта жар-птица? В книжках её

по-разному рисуют»... С этими мыслями Шурка, нагнувшись, толкал перед собой дедовы сани.

Не сани, а песня кенаря! Ажурная спинка оплетена коваными узорами будто сказочным оперением! Полозья спереди и сзади изящно выгнуты и заканчиваются красивыми завитками! Вороненый металл сверкает на морозном солнце!

Не ведая зачем, Шурка лизнул спинку саней. Язык тут же намертво прилип к металлу. Шурка замер на середине улицы, боясь пошевелиться. Попробовал помочь языку пальцами, но они тоже прилипали к металлу. Боли никакой не чувствовалось до поры, когда Шурка стал пытаться отклеить язык от саней. Не тут-то было! И так, и сяк. Не получилось. Наконец-то он понял, что сам не справится.

«Первым делом, надо скорее добраться до дому... А как? Не знаю... А вдруг язык оторвется? ...Ох и влетит!»!

Мысли мелькали одна за другой. Правильная так и не появилась. Появился страх. Шурка, как мог, стал звать на помощь. Кроме невнятных горловых звуков ничего нужного не извлекалось. Шурка стал осторожно двигать сани в сторону дома вместе с прилипшим языком. В носу, как назло, скопились сопли и мешали дышать. Попробовал высморкаться, чуть не оторвал с корнем язык. Невыносимая боль! Слёзы, сопли, слюни! Кажется, в этот момент все напасти одновременно свалились на маленького горемыку. Не все!

У Плыгачевых опять сорвалась с цепи огромная мохнатая собака. Она мчалась по Степной к тому месту, где тщетно боролся с бедой Шурка. Собака остановилась перед санями и, тяжело дыша, стала осматривать ситуацию. Из её открытой пасти с желтыми зубами клубами шёл пар, как у змея-горыныча. Наружу свисал длинный красный язык. Длинная шерсть на огромной морде покрылась инеем. Собака обошла вокруг, понюхала Шуркино лицо. Она не лаяла и, похоже, не собиралась укусить Шурку. Однако, в первый момент он подумал, что ему пришёл конец. Сейчас грозное животное в один миг загрызёт

его. Потом оказалось, что собака проявляет дружелюбие. Она даже попробовала лизнуть Шуркин нос. Малец закрыл лицо ручками и издал гортанный звук. Собаке, видимо, звук понравился. Она усерднее завилала хвостом и чему-то обрадовалась. Норовила облизать детские ручонки. Шурка стал переживать за собаку. «Не лизнула бы санки».

Сколько времени прошло, никто сказать не может. Шурка в паре с собакой оказался около ворот родного дома. Как их отворить? Сил уже не было. «Помру здесь».

Выручила собака. Она, как настоящий друг, стала громко лаять. В окне, что выходило на улицу, появились лица домоладцев. И уже через секунду к воротам побежали раздетыми все, кто был в доме.

— Надо чайник с водой принести! — распорядилась баба Поля. Костя помчался обратно в дом.

— Не шевелись! — подсказывала Шурке Тамара и пыталась своими пальцами отклеить примёрзший язык.

— Ой, ой, ой! Надо скорую помощь вызывать! — причитала Шуркина мама, хотя знала, что на всю Анжерку было две-три машины и те на ремонте.

— Пустите. Я полью из чайника! — протискивался к Шурке вернувшийся Костя.

— Что ж ты делаешь, варнак! Стрешный бы тебя побрал! Кипяток припёр! — Баба Поля выхватила у Кости дымящийся чайник.

— Несите его в избу! Вместе с санками. — Дед Павел, стоя на крыльце с непокрытой головой, скомандовал в сторону ворот.

— Ну, што башкой вертишь? Тебе сказано! — приказала баба Поля нерадивому сыну. Костя подхватил своими могучими руками Шурку вместе с санями и бегом понёс в дом. Перед крыльцом он поскользнулся и упал. Шурка отклеился от санок и заорал на всю Анжерку.

— Убили ребёнка! Уби-и-ли! — запричитала Шуркина мама.

— Окстись! — прикрикнула на неё баба Поля.

Когда всё семейство Филипповых успокоилось и поврежденному мальцу оказали всевозможную помощь, дед сказал внуку:

— Ну вот, Ликсандра, нонче ты поймал свою птицу. Ревунок называется.

Все засмеялись. Шурке тоже стало весело. Только, вот, смеяться надо было осторожно.

Глава 4

Бабка-матерщинница

Старую Терентиху все жители Степной называли за глаза бабкой-матерщинницей. Вначале Шурка думал, что это её имя. Она жила напротив, в доме Терентьевых. Доводилась матерью то ли деду Терентьеву, то ли бабе Тоне — его жене.

Шурка всякий раз, как только выскакивал из дому, встречался с бабкой-матерщинницей, можно сказать, лицом к лицу. Она всегда стояла у себя во дворе около калитки и внимательно всматривалась в прохожих, которые появлялись на Степной. Никто не знал её имени. Проходя мимо, люди молча кивали ей головой. Но чаще всего не кивали. Бабка вслед что-то бормотала непонятное своим низким тембром. Скорее всего, материлась.

Ребятишки её боялись, и поэтому пакостей против неё не затевали. Соседи ничего общего с ней не имели и в разговоры не вступали. От своей бабы Поли Шурка знал, что в гражданскую войну она, якобы, партизанила в местных лесах. Воевала с бандитами. А с какими бандитами, никто сказать не мог.

Однажды бабка-матерщинница окликнула Шурку.

— Эй, Хвилипок! А ну-ка подь сюды, — приказала старуха и вышла из-за своей калитки на улицу. Стоял сильный мороз. Подшитые дедом Павлом валенки и связанные бабой Полей носки не давали проникнуть холоду к Шуркиным ногам. Из рта шел пар. Шерстяной красный шарф, натянутый под самые глаза, изнутри намок, а снаружи заиндевел. На ресницах, бровях и на опушке мохнатой шапки образовался иней.

По всей Степной из печных труб вертикально вверх исходили неспешные густые дымы. Улица была бы абсолютно пустынной, если бы со двора Плыгачевых не доносился, как обычно, яростный лай цепной собаки.

Шурка недоверчиво приблизился к старой Терентихе. Одной рукой она прижала его к себе, сняла с него шапку-ушанку и стала ощупывать своими заскорузлыми пальцами белобрысую детскую головку.

— Две макушки... Если выживешь, два раза будешь жена-тым... Тока не расписывайся опосля первого раза, — басовито заговорила матерщинница. Шуркин нос уткнулся в её фуфайку. «Воняет кислой капустой и Костиными портянками» подумал малец в этот момент. Бабка погладила его по голове, потерела белобрысые волосёнки и аккуратно нахлобучила на него шапку. Впервые странная бабка показалась ему не такой уж и страшной.

Шурка к тому времени уже знал, что на свадьбе жениха и невесту расписывают. Без росписи и свадьбу запрещено играть. Было только невдомёк, почему у него две макушки. Он тщательно ощупал свою голову. Макушка как макушка, такая же как у всех пацанов.

— Еслив не Пал Василич, пропали бы вы все тут... Каждый раз в церкву ходит, тайком... Почтальонка сказывала, что тайные органы следят, кто газеты выписывает, а кто нет... Пал Василич умный... Что себе надо утаит, а что властям надо наружу выказать может... Сродственников тянет в люди... На хозяйстве без меры тужится... Насилу справляется... А жилы-то, поди-кося, не железные... Без него пропадёте, — продолжала бормотать бабка. Она разговаривала сама с собой. Шурка понял, что речь идёт про его деда Павла. Он попытался вступить в разговор.

— Как же мы пропадём? У нас в подполе вон сколько картошки! И капусты насолили целую кадку...

— Поезжай с мамкой отцедова... Ничего путного здесь не добьёшься... Не место тебе в Анжерке... Тёмное тут место... Тебе на свет надобно иттить... Способный ты парнишка...

— Моя мама на фершала учится. Куда уезжать-то, — попытался робко возразить Шурка.

— Тута кругом кости человечьи... Обмануты люди, почём зря... Под землёй кости, по лесам кости... По костям все ходют и на костях пляшут...

Шурка не понимал, что хотела сказать ему старая Терентиха. Видимо, что-то важное и неведомое для его детских лет скрывалось в словах. Ему стало страшно, когда она говорила про кости. Он никогда в жизни не видел человеческих костей, но понимал, что они связаны со смертью. Бабка говорила негромко и даже переходила в некоторых местах на шепот, чтобы, наверное, никто не услышал. Её речь показалась Шурке ласковой. Это удерживало его около неё. Но детская интуиция почуяла скрытую опасность.

— Не любит тебя никто, — вдруг сообщила бабка своим громким басом.

— Неправда! Меня все любят, — решительно возразил Шурка и попытался отстраниться.

— В такой-то мороз не гонят из дому даже собаку... Загибнешь ты тута, малец хворый... Болезнями болеешь неодолимыми. Дедовыми молитвами только и живёшь. Можа помрёшь уж скоро. Долго поминать не станут... Дай-ка я проверю!

Бабка ухватила оба конца шарфа за спиной у Шурки и стала сильными рывками затягивать шею под воротником пальто. Р-раз и нос в лепёшку! Р-раз и дышать стало нечем! Ещё раз! Под затылком что-то хрустнуло. Шурка испугался. Хотел, было, вырваться, но не получилось. Хотел закричать, но рот был затянут шарфом.

Неизвестно, что было бы дальше, но в это время со двора Плыгачевых, как обычно, на пустынную улицу выскочила собака с обрывком цепи на шее. Она большими скачками и с громким лаем помчалась в дому Терентьевых. Бабка оттолкнула от себя Шурку и поспешила во двор, затворив за собой калитку.

Малец лежал на снегу и пытался ручонками ослабить затянутый шарф. Собака остановилась около него, обнюхала и

принялась лаять на дом Терентьевых. Наконец-то Шурке удалось ослабить шарф и сбросить его с себя. Он поднялся на ноги. Стал отряхиваться от снега. Собака крутилась около него. Пыталась лизнуть Шуркин нос. Шурка уворачивался, ощущая боль в области шеи.

— Не вздумай кому сказать! — крикнула из-за калитки бабка. — А то подумают ещё чего! Неловко как-то получилось... Зато убедилась... жить будешь долго...

Терентиха стала бормотать матерные слова. Из дома Филипповых прислали Костю, узнать в чём дело.

— Што за шум, а драки нет? — ободряюще осведомился он у Шурки.

— Дак, ить, вот, — не нашёлся что ответить племяш.

— Велели домой тебя доставить.

Костя взял Шурку за воротник и, толкая перед собой, повёл его домой. Плыгачевская собака попробовала залаять на дядьку, но только твякнула для порядка и поплелась восвояси.

На морозном снегу около терентьевской калитки алел Шуркин шарф.

***

Костя достал из-под крыльца веник-голик и стал оббивать с Шурки снег. Потом пошли в дом, запуская в хату клубы мороза.

— Ну-ка раздевайся быстрейча и ступай к печке греться, — захлопотала около внука баба Поля. — Ишь, ручонки какие! Красные! Как у гуся лапчатого!

— Баба, а кого Терентиха из-за калитки всё время высматривает? — задал вопрос Шурка.

— Да ну её к лешему! Бандиты чудятся ей везде. Ещё с Гражданской, как тока ранили в голову, так и подёрнулася... Я сама не знаю. Люди сказывали.

— Сильная она.

— А ты чегой-то трясёшься весь? — Баба Поля подвела внука к окну, поближе к свету, приложила ко лбу ладонь, заглянула внимательно в глаза. — Да ты, никак, захворать надумал?

— Да нет, — попытался увильнуть Шурка.

— Надумал, надумал! — заголосила Наташка, явившаяся из большой комнаты со своей неразлучной тряпичной куклой, и радостно подпрыгивая.

— Ну чего стоишь как истукан? Ступай в кладовку, носи малину! И Фешкину мазь захвати, — прикрикнула баба Поля на Костю.

Костя обернулся мигом, с сушеными летними плодами в холщовом мешочке и с банкой вонючей жижи. Баба Поля тем временем велела внуку раздеться и снять майку.

— Чего за шею держишься? Больно? — баба Поля пальцем зацепила из банки жижу и намазала между лопатками. Ста-ла втирать в Шуркино щупленькое тело, охватывая всю спину, шею и плечи.

— Ой-ёй! Щипит-то как! А-аа! — Шурка извивался под бабушкиными ладонями, а та усердствовала ещё пуще.

— Терпи, а то в солдаты не примут, — не преминул позлорадствовать Костя.

— Не талдычь тут мне под руку! — велела баба Поля сыну. — Завари-ка малину... Горсточку насыпь и кипятком залей... Пу-щай настаивается... Да не горсть, сказано, а горсточку! Балда осиновая... — распорядилась бабушка Костиными действиями, продолжая врачевать внука.

Через некоторое время растёртого и раскрасневшегося Шурку одели в тёплое и стали поить горячим малиновым чаем. Потом уложили в маленькой комнате на дедову кровать и накрыли рысей шубой. Шурка тут же уснул крепким сном.

***

Вечером встречали деда Павла с работы. После ужина и чтения «Борьбы за уголь» все домашние занялись своими делами.

Тамара, младшая из дочерей, мыла в тазике с горячей водой ложки, плошки, поварёшки. Тамару недавно приняли на работу на машзавод «Свет шахтёра». Шурка не знал, кем она там числится. Не успел ещё поговорить с ней на эту тему.

Галина — Шуркина мама — в дальней комнате разложила на столе книжки и тетрадки. Готовилась к завтрашним занятиям в медучилище. Она работала медсестрой в больнице и училась на вечернем отделении. Иногда Шурка подолгу её не видел. Просыпался утром, а мама уже ушла. Вечером ложился спать, а мама ещё не пришла.

Костя принёс со двора ведро угля, высыпал в углярку перед печкой и плеснул туда ковшик воды. Стал перемешивать его кочергой. До утра этого угля хватит. Потом удобно расположился на маленькой скамеечке перед печкой, поставил между ног сухое полено и стал ножом строгать лучины. Утром ими будут растапливать. Лучины у Кости получались тоненькие и красивые. Шурка тайком пробовал несколько раз, но у него так не получалось. «Ничего! Подрасту маленько и тоже сумею» тешил себя этой мыслью.

Баба Поля устроилась в большой комнате около ножной прялки. Тербила шерсть и крутила нити в клубки. Наташка вертелась вокруг и норовила всунуть голову своей куклы в колесо.

Дедушка на кухне чистил деревянную клетку-курятник. Зимой в доме держали пять-шесть курочек и петушка. Весной их переселят в большой курятник на дворе и они должны будут высидеть штук сорок цыплят. Но куры в доме тоже неслись, когда их кормили пшеницей. Так что и зимой были свежие яйца в необходимом количестве.

Весь вечер Шурка вспоминал бабу-матерщинницу. Зачем она велела ему не говорить никому об их странной встрече на улице. Он не обещал ей ничего, но и рассказать кому-то из домашних не решался. Было почему-то боязно. Однако, сдержаться себя не было никаких сил. И он пошел на хитрость. Выбрал момент и подошел к деду.

— Деда, а я бандит? — спросил он настолько тихо, чтобы никто другой не услышал.

— Ты, Ликсандра, к чему это? — задал дед встречный вопрос. Он хорошо знал, что смысленный внук всегда затевал выяснить что-то более важное, чем содержалось в его простых вопросах.

— Да, просто, ...хочу узнать, ...кто бандит, а кто не бандит.

— Зачем тебе? На войну собрался, что ли? Или ты кого оби-дел?

— Хочу узнать, как можно бандита издалека высмотреть?

Дед Павел посмотрел молчком на Шурку, сунул в руки внука шумовку, которой выгребал из куриной клетки, и понёс ведро с помётом из дому. Шурка положил шумовку за печку. Вернувшись с улицы, дед Павел вымыл руки и лицо с мылом. Не спеша вытерся вафельным полотенцем. Присел на лавку около кухонного стола и подкрутил концы своих «миколаевских» усов.

— Бандит, Ликсандра, это не человек какой-то... Это сущность коварная в человеке. Понимаешь? — Шурка присел рядом с дедом. Добавил, сделав вид, что понимает:

— Ага, в нутре сущность поселилась...

— Это бес такой... Поселяется и мутит разум... — стал развивать важную мысль дед.

— А у кого он поселяется?

— У всех он есть... Коли живёшь не по-божески... Когда закон нарушаешь, этот бес тут как тут...

— И у меня есть?

— Ты малой ещё, не попортился. Тебя ангел хранит...Законов не знаешь... Ты их тока чуешь, а умом, покамест, не охватываешь...

— Как же их умом охватить-то?

— Время ещё не пришло... Как будешь стараться, тады и охватишь.

Дед поднялся с лавки и вышел в сени. Вернулся с ковшиком воды. Открыл стоящую на полу клетку. Налил курам воды в плошку. Первым с насеста спрыгнул петух. За ним по очереди, одна за одной, спрыгнули к воде куры.

Шурке нравилось наблюдать за птицами. Вот и сейчас, он слез с лавки, присел на корточки перед клеткой. Все куры пили воду одинаково. Наклонялись над плоской, набирали в клюв воду. Потом запрокинув голову вверх и разинув клюв, вытягивали шею и потрясывали головами, чтобы порция воды провалилась внутрь. Сначала пил петух, за ним куры.

Дед Павел вернулся за стол и продолжил разговор.

— Законы, Ликсандра, энто ... — Сделал паузу. Задумался. Попытался, видимо, подобрать нужные слова.

— Это правила такие! Да? — Вставил Шурка.

— Не-е. Правила человеки придумывают. А законы... — Дед поднял указательный палец вверх, помолчал секунду и уважительно закончил. — Законы знать надобно. Тогда и соблюдать будет что.

— Дак, я никаких законов не знаю!

— Не знаешь, потому и целишься в птицу из рогатки своей... Бес старается, чтобы ты поломал чего-нибудь, испортил, навредил... А ты не поддавайся бесу... Тогда и бандитом не станешь... Вон, соседка наша Терентиха старшая, всю жизнь свою положила на войну с бесами... Одолевают они её, а она не поддаётся... Дай, бог, ей здоровычка!

Когда дед Павел упомянул про бабу-матерщинницу, Шурка вздрогнул и напрягся. «Как же он догадался про неё? Неужели это я проговорился? Да, вроде, нет».

— У нас тут не тока в Анжерке, по всей Росее людям-то бесы окаянные стока бед натворили... У-уу, не сосчитать! Кабы не любили правильно друг дружку, осатанели если б, тогда пиши-пропало...

— Деда, а как надо правильно любить? — Шурка задал вопрос, неожиданный для себя. Сам, вроде бы, знал ответ. Но дед ответил не так, как он предполагал.

— Надобно бога чують про меж собой, а не бесов друг у дружки разглядывать...

Слушать деда было в удовольствие. От него шло тепло. Шурка придвинулся поближе. Он как всегда, мало что пони-

мал из его рассуждений. Но чувствовал, что дед Павел самый надёжный защитник. С таким защитником никакой бандит его не одолеет.

Ночью, когда все улеглись спать, Шурка залез под одеяло с головой и там вспоминал по порядку все события прошедшего дня. «Эх, ёлки-палки! Про кости забыл узнать у деда».

Перед тем как уснуть, принял решение: «Когда вырасту, разужнаю все законы и буду их соблюдать. Бесам не поддамся. Не хочу быть бандитом»!

Глава 5

Тужурка нарастопашку

Тётя Тоня Терентьева, как обычно, пришла к бабе Поле просто так. Поболтать.

— Зятёк-то у Елищевых, ну, Веркин муж... Мерзляком оказался. Утром горячего чаю напьётся, идёт на работу и мёрзнет.

— А наших мужиков леший не берёт! Холодного сала с горчицей налопаются и идут по морозу — тужурка нарастопашку! — отвечала баба Поля, не то осуждая, не то поощряя.

Шурка в это время стал собираться на улицу:

— Ба, достань мне пимы с печки.

— На што они тебе? — заволновалась бабушка.

— На улку хочу...

— Нонче там мороз окаянный... Нечего из дому идтить, соп-ли морозить!

— А я тужурку надену... Сала с горчицей поем и пойду... нарастопашку... Как мужики наши...

— Какую тужурку? ..Она есть у тебя? ..Мал ещё!

Шурке стало обидно, что у него нет тужурки. «Вырасту и у меня тоже будет». С этой мыслью Шурка весь день ждал деда с работы. Скоблил лёд на стекле, пытаясь в окно рассмотреть морозную улицу.

Вечером после всеобщего ужина, когда дед Павел прочитал вслух все новости в любимой газете «Борьба за уголь», Шурка подсел к нему поближе.

— Деда, а почему тужурку только мужикам дают носить? — шепотом спросил внук. Дед внимательно посмотрел на Шурку, снял очки и не торопясь, сложил их в свой специальный футляр.

— Тужурка... энто тебе не сюртук и не кухвайка какая-нибудь. — Сказал дед и сделал паузу. Подкрутил один конец усов,

потом другой. — Тужурки, Ликсандра, выдавались служивым людям... Были летние, а были зимние... с начёсом, а то и вовсе — на меху. Несёшь службу — носи тужурку! — Шурка замер, и даже раскрыл рот от интереса. Дед всегда рассказывал живо и со смыслом.

— А ты тоже был служивым?

— А как же!

— И тужурку тебе выдавали?

— При императоре Николае всем выдавали: и военным чинам, и статским. По тужурке службу можно было определить... Сам Николай пример давал. Застегнет оба борта на все двенадцать пуговиц и держит себя в строгости... Порядок был у него такой к самому себе. В чине хозяина земли состоял. ...Служил отечеству. — Дед Павел приосанился при имени императора. Ему нравилось Шуркино любопытство. Дед продолжил свои неспешные рассуждения: — После царя тужурки отменили.

— А почему все мужики в Анжерке в тужурках ходят?

— Нонче не те уже тужурки. Сошьют самовольно из чего попало, ватой подстегнут и носят в мороз. А то и вовсе короткие пальтишки тужурками называют. Не поймешь кто есть кто... Одежда дана не стыд прикрывать, а обличье своё в строгости содержать... Вот так-то, Ликсандра.

— Да ить, не положено мужикам носить тужурки! — сделал радостное открытие Шурка.

— Ну пошто же не положено? Пущай носят. Они же ходят на службу: кто на шахту, кто на железную дорогу... Для отечества стараются. Главное, понятие надобно иметь: в тужурке — ты сурьёзный человек, а не кто попало.

После таких разговоров у Шурки ещё больше укреплялась важная мысль: «Вырасту, стану таким же как дед».

Глава 6

Упокойник

Накануне похорон деда Терентьева овдовевшая тетья Тоня попросила бабу Полю, чтобы, хоть, Шурка посидел с ней.

Ночь прошла с покойником. На двух табуретках посередине комнаты был установлен гроб из свежих струганых досок.

— Ты не трусь. Ухвати его за ноги, поддержи, тады хорошим красноармейцем станешь, — басовито велела Шурке бабка-матерщинница. — Твой дед сказывал, что ты в солдаты собираешься? Свыкайся! — и подтолкнула его к гробу.

В изголовье горела свечка. Над белой простыней торчала борода. «Кабы не загорелась» — подумал Шурка.

Потом бабка-партизанка и тетья Тоня ушли. Сказали, что хотя малость вздремнуть. Шурка стоял один в полутьме, ухватив ручонками стопы покойника и следил за мерцающим огоньком. На бороду не смотрел.

Где-то на задах завыла чья-то собака. Язычок пламени тревожно заколебался. К Шурке стал подбираться страх. «Только бы свечка не кончилась» — думал с надеждой одинокий мальчонка. Сердечко громко колотилось. Стала пробирать дрожь. В комнате сделалось совсем прохладно. Печку днем не топили. Нельзя. Шурке перед ночным бдением развязали шерстяной шарф, забрали у него шапку. Пальто не сняли. Расстегнули только пуговицы.

Так он и стоял перед гробом, боясь пошевелиться. Страх совсем, было, одолел. Хотелось выскочить вон, но на зимнем дворе было до жути темно. «А что деда Паша скажет»? «А как же тогда трусишку в солдаты примут»? Эти мысли какой-то, неведомой Шурке, силой помогали справиться со страхом и даже придавали ему некоторую уверенность.

На ум, слава богу, стали приходиться благоприятные воспоминания. Вот дед показывает, как надо полировать бархоткой зер-

кальную гладь хромовых сапог... Вот они надраивают зубным порошком золотую звезду на солдатском ремне...

К утру он хоть и замерз, но страха к покойнику уже не было.

***

Рассвело. Пришла баба Поля. Принесла в полотенце теплые пирожки с картошкой и грибами. «И когда успела»? Пирожки уняли дрожь.

Следом стали собираться соседи. Женщины в доме заголосили «на кого ж ты нас покинул». Мужики во дворе молчком курили махорку. Пришел с шахты после ночной смены запыхавшийся Анатолий, сын покойного. Начались хлопоты.

Вскоре приехал на конных санях дед Павел. Погрузили гроб и деревянный крест. Шурку отправили домой, с собой брать не стали.

— Слава богу, мал пока, — сказала баба Поля внуку и повела его домой.

— Насмотрися ещё, Ликсандра, — пообещал дед и добавил вслед, — все там будем.

***

Повезли покойника по заснеженной улице. За санями пошли несколько человек из числа соседей. Процессия направилась в ту сторону, где было начало Степной. Там, за оврагом, находилось старое городское кладбище под высокими черными елями и соснами.

— Баба, а когда мы там будем? — спросил Шурка.

— Ихде это там? — не поняла баба Поля.

— Ну, там, где деда обещал!

— Дурачок ты, Шуркя.

Он выдернул свою ручонку из бабушкиной. Шуркина ва-режка осталась в руке у бабы Поли. Не хотелось ему быть дурачком.

— Как тока усё в энтой жизни управим, так и будем там! — успокоила она Шурку, ведя его через улицу. — Никуды не денимся, — завершила диалог баба Поля.

Вошли в свой двор. Шурка попытался первым проскользнуть в дом.

— Вон там голик, обмети сперва пимы! — ухватила бабушка концы шарфа, которым был затянут под горло меховой воротник его толстого пальтишка. Шурке пришлось достать из под крыльца черный веник из березовых прутьев, обмести им снег с валенок и только после этого получил разрешение войти в избу.

Навстречу вышел Костя. Его тоже не взяли на кладбище.

— Можя в подпол слазить, за бражкой? — спросил он.

— Я т-те слазю! Иш, варнак какой нашелся! — прищурив глаз и приподняв на лоб очки, зашипела на сына баба Поля.

— Упокойника помянуть бы... — не отступал Костя.

— Мужики воротятся, тады и слазишь! — оборвала пустой разговор бабушка.

***

Уже под вечер пошли к Терентьевым. Сели за стол помянуть покойного. В большой комнате было тесно. Собрались все, кого можно было ожидать. С кладбища пришли двое нищих поминальщиков. Их усадили за стол с краю. Соседская ребятня крутилась здесь же, под ногами у взрослых.

На стол поставили блины с медом и красный кисель. В граменные стопки наливали «Особой. Московской». Заедали холодной кутьёй из риса с изюмом. Вспоминали про то, какой дед Терентьев был хороший хозяин, какой он был добрый и честный человек. С войны, можно сказать, целый пришел. Контузия не бралась в толк. С ней на работу тоже брали.

Руководил разговорами дед Павел. Давал слово всем по порядку. Следил, чтобы не чокались стопками и не говорили ху-дого. Не дай, бог!

Шурке выдался момент, когда удалось подобраться к деду.

— Деда, а упокойник совсем не страшный. Я не убоялся его... — прошептал Шурка на ухо своему дедушке.

— Это правильно, Ликсандра. Остерегаться надобно живых, — ответил дед Павел и поощрительно потрепал парнишку по белобрысой голове своей шершавой и мозолистой пятерней.

Потом подали горячий борщ со свиным мясом. Ели, пили, вели разговоры про жизнь. Ребятня вольготно таскала со стола конфетки и печенья. Мужики выходили во двор покурить. Поговорив на свежем воздухе о работе, о своих домашних делах, снова возвращались в дом.

***

Поминки затянулись допоздна. Кто-то, забывшись, попытался затянуть песню. Нищие поминальщики с кладбища тоже собрались поддержать певца. Их потихоньку попросили из-за стола. Завернули им с собой еды и проводили. Соседи тоже засобирались.

Наконец дед Павел объявил:

— Ну вот и усё! Проводили в последний путь хорошего человека. Помянули добрым словом. Попрощались... Вечная память ему. А нам пожить ещё надобно... Слава богу.

В тот день Шурка узнал, кого надо остерегаться. Но научиться это делать ему только предстояло.

Глава 7

Павловы и Курнаковы

Дед Паша Павлов доводился свояком деда Павла Филиппова. Их жёны Катерина и Пелагея из рода Черновых были родными сёстрами. От народившихся детей и внуков Павловы и Филипповы стали кровными сродственниками и нужными друг для друга.

Дед Павлов работал в школе шнэков. Почему все называли это заведение именно так, Шурка не понимал. Поэтому название казалось ему загадочным и даже таинственным. «Вырасту, пойду в школу шнэков». Эта мысль частенько возбуждала Шуркино воображение.

Школа находилась сразу за вокзалом, недалеко от дома Филипповых на Степной улице. Дед Павлов часто приходил после работы навестить родню свояка. Двух дедов связывали какие-то особые общие интересы.

— Паша, глянь-ка сюды, — дед Павлов достал из своего планшета свёрнутый многократно чертёж. Аккуратно развернул его на весь стол. На розовой миллиметровой бумаге были начерчены тушью какие-то механизмы и агрегаты. — Как ты думаешь, если тут соединение сделать не клёпкой, а болтом с резьбой, что получится?

— Супротив резьбы ничего крепче поставить нельзя. — Дед Филиппов надел очки и склонился над чертежом.

— Ну, да! Болт и гайка, как муж и жена венчаные. Крепче такого соединения в жизни ничего не бывает, — согласился дед Павлов.

У дедов-сваяков завязался долгий мужской разговор. Шурка, затаив дыхание, слушал их и почти ничего не понимал. Однако, он чувствовал их мудрость и силу духа. От этого становилось ещё интереснее присутствовать рядом с дедами. Ему в эти моменты не хотелось ни есть, ни бежать на улицу к пацанам.

Когда Шурка немного подрос, он узнал, что школа шнёков — это училище механизаторов. Там учились на трактористов и комбайнеров ребята из соседних деревень. Анжерские пацаны называли их шнёками и часто дрались с ними. В те времена было принято драться со всякими незнакомцами и выяснять, кто сильнее.

Дед Паша Павлов преподавал в этом училище что-то важное. Он носил через плечо такую же офицерскую сумку-планшет, как и дед Павел Филиппов. Поэтому Шурка сразу определил, что Павловы и Филипповы родня.

***

Семейство Павловых проживало на Хип-Хабе. Их огромный дом из свежих брёвен виден был издалека. Высокое крыльцо с верандой и весь двор с подсобками располагались под крышей из толстого тёса. Под крышей держали поросенка и курей. И в уборную не надо было бежать через весь огород.

***

Если идти от шахты Физкультурник через крутой лог в гору на Хип-Хаб, то мимо Павловых никак не пройдешь. Улицы на склонах застроены террасами. В окно из дома Павловых виден сверху на соседней улице дом Курнаковых. А если смотреть сверху от Курнаковых, то можно разглядеть, что делается внизу у Павловых.

На Хип-Хабе Шурка чувствовал себя вольготно. Кругом жила родня. Местные пацаны знали, что нельзя трогать незнакомцев, если те пришли к Курнаковым, к Павловым, к Щербаковым, к Ильиным, ко всем, кто считался Шуркиной роднёй.

— Волк не тронет овцу, коли гурт тесный, — не раз говаривал дед Павел. Шурка не вполне понимал смысл, но ощущал дедову мудрость нутром.

***

По будням в доме у Курнаковых можно было застать только бабу Хрестю, а в доме у Павловых бабу Катю. Все девки и мужики рано утром уходили на работу и возвращались домой вечером. Днём баба Хрестя и баба Катя в одиночку управлялись по дому и по хозяйству. Надо успеть прибраться, напоить-накормить поросят и птицу. В огороде тоже дел всегда полно. Без дела сидеть некогда. Хоть и близко стояли дома, виделись родные сёстры — Черновы в девичестве — только по праздничным или выходным дням. Однако, если требовалось кому-то подсобить, вся родня принимала участие.

***

Однажды после ужина Шурка стал расспрашивать деда про Курнаковых.

— Фёдор, муж Христины Даниловны свояком мне приходится... Свой человек! Да-а-а... Уж... Крепким хозяином был. А тебе, Ликсандра, он приходится сродным дедом. — Шурка уселся на табуретку рядом с дедом Павлом. Приготовился услышать очередной интересный рассказ. — Фёдор, бедолага, еще до войны потерял ногу... Не приведи, Господь.

— Как же можно ногу потерять-то?! — оживился малец и чуть было не рассмеялся, представив в своем воображении забавную картинку.

— Отрезало поездом, — упредив наметившуюся реакцию внука продолжил дед, — на железной дороге... Хош не хош, а жить-то надо было и дальше... Овладел сапожным ремеслом... Мастеровитым был. Да-а. Все в Анжерке уважали Фёдора Курнакова. ...Как ты думаешь, за што уважают людей? — Дед подкрутил двумя пальцами свой ус и погладил Шурку по голове. — Верно! За то, што без дела сидеть не могут.

Костя сидел рядом и участвовал в разговоре молчком. Он сосредоточился на важном деле. Большими ножницами аккуратно разрезал на узкие полоски старую газету «Борьба за уголь». Стопка таких полосок всегда находилась в дедовом кيسе. В них он заворачивал махорку.

В мужской компании Шурка ощущал себя тоже мужчиной. В этот раз дед был расположен к разговору.

— Деда, а почему паровозы отрезают у людей ноги?

— Планида у них такая.

— У паровозов или у людей?

— У каждого своя планида... — сказал дед, глубоко вздохнул и перекрестился. Шурка сделал вид, что понял деда. Но что такое «планида» он, на самом деле, начнёт понимать только через много-много лет.

— Всё! Закончилась планида у «Борьбушки», — вступил в разговор Костя, закончив разрезать газету. Потом добавил: — А можа тока начинается.

— Планида у Анжерки началась с Миколая... Понимал император, что за понюшку табака на край нашей земли православной абы как не добратся... А как тогда защитить её можно будет? Мало ли супостат какой может объявиться.

Дед сложил в стопку газетные полоски. Развязал кисет. Достал оттуда двумя пальцами несколько крупинок запашистого самосада. Положил их на ладонь и с шумом вдохнул ноздрей крепкий табак. Запрокинул вверх голову. Через секунду на его глазах выступили горошины слёз. Набрал полную грудь воздуха, громко чихнул раз, утер слёзы и чихнул ещё разок. Потом продолжил.

— Уголь тутошний потребовался паровозам... Тыщи рабочих людей понаехало сюда со всего света божьего. Новая жизнь началась... Закипело, забурлило. Ради угля и русских паровозов народ жизнь свою положил в анжерскую землю.

Дед перекрестился. Замолчал. За столом на некоторое время наступила пауза.

— А куда он делся потом? — нарушил молчание Шурка. Он своим любопытством и бесконечными вопросами мог вывести из терпения кого угодно, только не деда Павла.

— Ты про царя Миколая?

— Не-е, про деда Фёдора.

— Потом он помер, царствие ему небесное. Мало пожил хороший человек... Христинья Даниловна поднимала шестерых детей без него.

***

Из рассказов взрослых Шурка потом узнает, что в окружении большой родни Курнаковы не чувствовали себя сиротами. Дети выросли достойными шахтерами, педагогами, замечательными людьми. За них никому не было стыдно. Многочисленные родственники и знакомые гордились их трудолюбием и преданностью семье, преданностью родне, преданностью Анжерке. Дед Павел с любовью относился к Курнаковым и прививал эту любовь и уважение другим. Бывать у Курнаковых Шурке очень нравилось.

***

— Деда, а ты можешь построить большой-пребольшой дом?

— Зачем он тебе?

— Ну, чтоб никуда ходить не надо было. Чтобы все в одном месте жили!

— Каждый должен растить своих детей в своём доме... и приучать почитать родителя, — ответил дед, как всегда, многозначимо. — А чем тебе Анжерка не дом большой-пребольшой?

Глава 8

Застолье

Старший из племянников деда Павла дядя Володя Курнаков был сильный, добрый и веселый мужчина. Шуркина мама и дядя Володя были одногодками. Может быть поэтому двоюродных брата и сестру связывала ещё и крепкая товарищеская дружба.

Для Шурки и его сестренки Наташки у дяди Володи всегда находились гостинцы: то конфетка, то пряник. Но для Шурки главным было то, что дядя Володя умел делать самые лучшие в Анжерке рогатки.

Однажды он принёс с собой желтую резину. Такой эластичной и прочной не было ни у кого из пацанов со Степной. Лучшую в мире резину для рогаток мог раздобыть только дядя Володя. На шахте он считался передовиком. Знал, как свои пять пальцев, все подземные профессии. Правда, как уже говорилось, пальцев на одной руке было всего четыре. Один оторвало при проходке. Ему на шахте, всё что попросит, дадут!

***

— Володька, я надясь был по делам в шахтоуправлении, — начал издавека дед Павел.

— И чо? — насторожился старший из Курнаковых.

— Сказывали, что твоя бригада опять на рекорд пошла? — задал вопрос дед Филиппов. Потом неторопливо подкрутил свой ус и строго посмотрел на любимого племянника.

— И чо? — вопросом на вопрос ответил дядя Володя.

— Ты чо расчокался-то? «Чо» да «чо»... Ты, вот, скажи мне: пошто на Доске почета до сих пор не висишь?

— Дядь Паша, да ну их к лешему! Повесили и сняли... Узнали, что опять в отрезвиловку забирали... С мужиками малёха отметили хорошую работу опосля работы, ну и...

— Тады ладно. А то я подумал, што по работе чего дуришь... Можа чо в забое не получится, — удовлетворился ответом дед Павел.

***

— Ну-ка, солдат, покажи свою целкость! — дядя Володя протянул Шурке только что изготовленную рогатку из желтой резины. За минуту он умел сделать две рогатки. Ну, не за минуту, а за полчаса уж точно! В палисаднике рогатых веток можно было срезать сколько хочешь.

На заборе установили спичечный коробок. Отсчитали десять шагов. Резина растянулась очень хорошо. Шурка прицелился и стрельнул круглой галькой по мишени. Коробок отлетел аж через забор на улицу, рассыпая в полете спички.

— Так можно и голубя убить! Насмерть! — радостно закричал Шурка.

— Ну всё, готовый снайпер. Пора в солдаты! — поощрил его дядька.

— Володька, стрешный бы тебя побрал! Чему учишь ребенка? Глаза, ить, людям повыбиваете! — заругалась из окошка бабушка.

***

Курнаковы регулярно приходили в гости на Степную. К ним Филипповы тоже ходили довольно часто: на Троицу, на Ильин день, на Яблочный Спас. Шурку тоже иногда брали с собой. Идти надо было мимо шахты «Физкультурник».

Каждый раз Шурку завораживало здесь диковинное зрелище. Из под земли выезжала вагонетка с угольной породой. По рельсам она медленно взбиралась на самую макушку высоченного терриконика. Сама опрокидывалась там, и ехала обратно за породой под землю.

Дед Павел рассказывал внуку, что совсем ещё недавно вместе с людьми в шахте работали лошади с его конного двора. Тягали под землёй вагонетки с углем.

На Хип-Хапе проживали многочисленные родственники по бабушкиной линии. Бабу Полю величали здесь Пелагея Даниловна. Через много лет Шурка узнает, что она и её сестры Христинья, Катерина, Аксинья и Елизавета происходили из Нарымских и Томских казаков Черновых.

Для чего знать многочисленные имена и фамилии? Это Шурка выяснит потом. Однако, к семи годам он почти всю свою родню запомнил не только по именам, но знал кто кому кем доводится.

***

«Наша христианская ответственность призывает нас молиться о упокоении и о здравии всех, кого знаем и кого помним. На суде будем смотреть друг другу в глаза и как себя будем чувствовать? Пока живём, не упустим возможности простить друг друга и возлюбить всех. Никого не забудем, обо всех будем благодарно вспоминать! Будем, пока живы. А потом и о нас также будет память. В Царствие Небесное приведёт любовь к близким и добрая память о них!»

Эти слова Шурка услышит в зрелом возрасте от отца Иоанна, настоятеля Могочинской обители на севере Томской области. И снова вспомнит деда Павла, который поступал именно так. Молился в церкви о здравии и о упокоении всех родных и близких. Поминал их добрыми словами во время семейных застолий.

***

С давних времен трудолюбивые казаки обустроивали сибирские земли. Корчевали вековую тайгу, осушали болота, превращали непроходимые места в плодородные поля, создавали крепкие крестьянские хозяйства.

Сёстры Черновы когда-то были отданы в замужество Филипповым, Курнаковым, Ильиным, Павловым. Семейное предание хранит об этом память. Грех упустить хоть одно доброе имя!

Когда и при каких обстоятельствах умер дед Фёдор Курнаков, Шурка не мог помнить. Это случилось до его рождения. Христинья Даниловна осталась вдовой до конца своих дней. Вся родня называла её бабой Хрестей. После смерти мужа с бабой Хрестей осталось на Хип-Хабе четверо сыновей и две дочери. Шурка появился на свет, когда они были уже взрослыми. Дядя Володя, Геннадий, Михаил и Виктор добывали уголь под анжерской землёй. Их дети потом прославят Анжерку своим честным трудом. Будут среди них замечательные воспитатели, врачи, полные кавалеры орденов Шахтерской славы. Две дочери бабы Хрести — Галка и Люда — лыжным спортом и волейболом добывали в своей молодости славу для Анжерки.

К концу зимы, когда Курнаковым становилось нечем топить печку, Галка и Люда пробирались на терриконик ночью, чтобы никто не заметил. Не приведи Господь! Девчонки искали в темноте куски угля среди породы. Набрав целый мешок, везли на санках через крутой лог свою добычу домой. Так делали на Хип-Хабе не только Курнаковы. Многим приходилось таким образом одолевать анжерскую зиму.

***

В гости ходили летом. Обычно — по праздникам и выходным. Родня была большая. Навещать друг друга было святой традицией.

— Ликсандру тоже завтра берем, — объявил после ужина дед Павел.

— На базар пойдем, да? — обрадовался Шурка.

— На Хип-Хаб. Володьке Курнакову грамоту на шахте дали. Проздравить надобно.

— Ура, ура-а! — запрыгал Шурка по комнате.

— Все пойдём. Пушай работник знает, што его честной труд мы почитаем.

Шурке нравилось ходить в гости. Особенно вместе с дедом. Поход в гости был праздником. На мальчика надевали белую ру-

башонку и черные штанишки с широкими лямками. Выдавали на этот случай новые сандалии с ремешком и белые носочки.

***

Дед Павел много не говорил. Бережливо относился к словам. Даже когда по праздникам случались в доме Филипповых большие застолья и все гости долго и шумно болтали о том, о сём, дед молчком радовался беззаботным разговорам родных людей. Сидел во главе стола, управляя процессом. При этом, его как бы не было заметно. Не встречал попусту.

Ни одно застолье не обходилось без песен. Из подпола доставали к столу бражку.

— Ну-ка, слазий! — распорядилась баба Поля. Костя, уже тут как тут. Откидывал домотканый круглый коврик из цветных тряпочек, постеленный посреди кухни. Поднимал за железное кольцо тяжелую деревянную крышку в полу. Надо сказать, что у Кости были руки невероятной силы.

В темный подпол вела лестница из четырех широких ступеней. Внизу стояли молочные фляги с брагой. Вся взрослая родня любила этот праздничный напиток. У бабы Поли брага была, видать, самая вкусная в Анжерке. А уж какая была хмельная! Хвалили все.

Костя аккуратно спускался по ступенькам и, когда его голова, стриженная под полубокс, исчезала, Шуркина бабушка, опустившись на коленки, подавала ему трехлитровую стеклянную банку и эмалированную кружку. Ею удобно было черпать из фляги.

— Не вздумай пробовать, окаянный! — кричала вслед бабушка.

Шурке иногда удавалось незаметно проскочить вслед за Костей. Просто так Шурку туда не пускали, а ему очень хотелось. У мальчонки были зоркие глаза. В темноте он различал, как Костя, первым делом, осторожно наклонял тяжелую флягу и отпивал большими глотками запашистую кисло-сладкую жидкость. Неслышно выдохнув, молчком подносил огромный

сжатый кулак к Шуркиному носу. Потом доставал из кармана штанов заготовленный зубец чеснока и начинал его тщательно пережевывать. Затем, аккуратно, не проливая ни капли, начерпывал кружкой полную банку.

— Смотри у меня там, гущу не подыми со дна! — продолжала наверху контролировать процесс баба Поля.

— Глянь, как слеза, — откликнулся из подпола Костя и подавал наверх наполненную банку. Бабушка принимала ёмкость с брагой и несла её гостям к столу. Шурка пулей выскакивал в это время наружу. Не дай, бог, увидит бабушка. Костя с кружкой вылезал следом. Осторожно опускал неподъёмную крышку подпола. Застилал сверху тряпочным ковриком.

— Ну-ка дыхни! — требовала баба Поля от Кости. Тот выдыхал полной грудью чесночный дух. — Смотри у меня, варнак эдакий, — удовлетворенно, ничего не заподозрив, ворчала любящая его матушка.

***

В большой Шуркиной родне многие умели играть на баяне и красиво петь. Особенно выделялись Курнаковы. Всегда веселая, Галка лихо растягивала меха и ловко бегала пальцами по черно-белым пуговичкам. Сразу, так и хотелось пуститься в пляс. Жаль, что места в переполненной комнате было не достаточно. А когда она начинала звучно тянуть «Ой мороз, моро-оз, не морозь меня», все мужчины и женщины тут же подхватывали.

И дядя Володя, и Геннадий, и Михаил могли в любой момент сыграть на баяне или на гармошке. Виктор, самый младший из мужчин Курнаковых, показывал Шурке, как надо растягивать меха и одновременно нажимать кнопки-басы и кнопки-голоса. Но у Шурки не получалось.

Галка Курнакова очень красиво могла петь в два голоса со своей младшей сестрой Людой. Они знали все песни, которые были на пластинках для патефона. Они пели и пели. Могли петь без конца.

Но больше всего Шурке нравилось, как пела его мама Галина Павловна.

Когда устали петь девки Курнаковы, все за столом попросили Шуркину маму:

— Галя, а ну-ка, спой теперь ты! Спой, спой! — раздались голоса. Водворилась тишина. Шурка с Наташкой подтянулись из глубины комнаты поближе к своей молоденькой матери-красавице. Черноволосая, с косой, уложенной вокруг головы, в красивом крепдышиновом платье, она всегда была самой модной и стильной во всей родне. Все ждали, чем же она сегодня удивит. Она встала из-за стола и запела совсем неожиданно:

Домино, Домино,
Варум хаст ду зо трауриг Ауген?
Домино, Домино, вайне ниht, вен
Ди меншен ниht тауген...

Она выводила мелодию так выразительно, что пальцы Курнаковой Галки сами собой нажимали на баяне нужные кнопки. Получался широкий, мелодичный вальс. Песня была непонятной для Шурки. Но от этого она еще больше завораживала. Песня кружила и волновала. Уносила в какой-то другой мир.

— Домино, Домино... — раскачиваясь на лавке в такт мелодии, подхватила за столом молодежь. Оказывается, мелодию этой модной немецкой песенки недавно научился играть духовой оркестр в горсаду. Под неё уже танцевала чуть ли не вся Анжерка!

— Галя, а спой-ка нашенскую, каку-нибудь... Не позабыла, надеюсь... — прервал дед Павел чужестранное пение своей дочери и её хоровой подпевки. Просьбу деда Павла никто во всей родне не вздумал бы никогда не исполнить.

Шуркина мама без всякой паузы запела совсем другое, более напевное и знакомое:

Вечер тихой песнею над рекой плывет,
Дальними зарницами светится завод.
Где-то поезд катится точками огня,
Где-то под рябинушкой парни ждут меня.

Слова песни красиво лились из маминой светлой души. Довольный дед Павел едва заметно кивал в знак одобрения. Подкручивал вверх концы своих «миколаевских» усов. Шурка с восхищением смотрел на него из-за шторки, как на царственную особу.

Теперь и баба Хрестя с бабой Полей вступили. Ладно подхватили знакомые слова раньше других, не дожидаясь припева. Потом дружно грянуло всё застолье:

Ой, рябина кудря-я-вая

Бе-лы-е цветы-ы...

Шурка выскользнул из шумной избы на крылечко. Сел на верхнюю ступеньку. Со стороны станции раздавались свистки маневрового паровоза и шипение выпускаемого пара. Над огородом, то там, то сям, возвышались как истуканы, подсолнухи. Склонили вниз свои огромные желтые головы. Скоро начнутся свежие семечки.

Из избы плыла дружная уютная песня. Мамин голос выделялся из всеобщего хора. К Шурке незаметно подседа Наташка со своей куклой. Он придвинул сестрёнку к себе и обнял за шею своей ручонкой.

— Если бы не наш деда Паша... — вздохнул Шурка. Помолчал по-взрослому. Потом ткнул указательным пальцем в лоб Наташке, добавил: — то тебя, дурёхи, не было б!

— А она б? — забеспокоилась Наташка за куклу.

— Никаво б не было б... на целом свете!

Из избы на крыльцо выскочили, разгоряченные от застолья, дядя Володя Курнаков и Юрка Акулов — Тамарин ухажер. Чуть не зашибли Шурку с Наташкой. «Драться будут», — подумал Шурка. Акулов был известный в Анжерке бандит-голубятник. Дрался даже без серьёзных поводов. Где Юрка Акулов, там и драка. Слушался только деда Павла.

Парни побежали по тропинке друг за дружкой в конец огорода. Оказалось, в уборную. Вернулись быстро, весело переговариваясь.

В это время из дома через открытые двери грянул припев:
Ой, рябина, рябинушка,
Что взгрустнула ты?

***

Мужчины сгруппировались вокруг деда Павла. Все знали, что он знает много интересного и полезного. Всегда мог дать мудрый совет. Шёл оживлённый разговор о службе в армии.

— Я присягу давал военному министру Василевскому, — вёл свой рассказ Володька Курнаков, — наш мужик был! Из крестьян. Ни одного поражения... Всё повыигрывал!

— А я маршалу Булганину! — встрял Геннадий. Он помладше Володьки был.

— Во как получается! — воскликнул Михаил, третий брат Курнаковых, — все, оказывается, давали присягу разным маршалам. Я вот, к примеру, присягал Георгию Константиновичу Жукову. — Михаил с важностью произнёс имя и отчество великого полководца Победы. Молодые парни Юрка Акулов и Виктор Курнаков ещё не служили. Дожидались своего воинского призыва. Сказать на эту тему им было нечего. Дед Павел молчком принимал участие в этом мужском разговоре.

— А чо, давайте-ка дёрнем за наших военачальников, — Володька потянулся за трёхлитровой банкой, в которой ещё оставалась бражка.

— Дядь Паш, а ты, говорят императору присягал в Первую мировую? — Курнаков аккуратнo, чтобы не потревожить на дне гущу, налил в стакан своему дядьке. — А в Гражданскую — красноармейскому начальству, что ли? — продолжал допытываться старший из братьев Курнаковых.

— Да, ты же и в Отечественную в частях служил!

— Там тоже присягу, выходит, давал?

Парни за столом наперебой задавали вопросы. Им, действительно, хотелось узнать неизвестные детали из воинского прошлого своего любимого родственника. Дед Павел сидел среди крепких парней, родившихся и выросших на его глазах. Слу-

шал их с едва заметной доброй улыбкой. Ему доставляло удовольствие общение с молодёжью, которая интересуется серьёзными вопросами.

Наконец все приумолкли в ожидании ответа. Шуркин дед подкрутил вверх концы усов и негромко, безо всякого пафоса, произнёс неторопливую речь.

— Главковерхом у меня был император Миколай... А присягу мы никому не давали... Наоборот. Принимали на себя... Принимали ответственность... Обещались служить честно... Своему роду, значит, служить до скончания века... Клялись, коли наступит потребность, отдать живот свой за веру, за царя и за отечество... Вот так-то, должен вам сказать... А главковерх был помазанником божьим... Потому и поставлен свидетелем нашей клятвы... Государь перед богом ответственность нёс! За всех нас...

Женщины тоже сгруппировались на другом конце стола и пели красивые застольные песни. Баба Поля внимательно следила за обстановкой. Кому требовалось, подкладывала в тарелку закусочки. Увидев, что мужчины опростали трёхлитровую банку, велела Косте слазить в подпол.

— А в Красной армии разве не заставляли принимать присягу? — поинтересовался Юрка Акулов.

— Новобранцы какую-то присягу принимали... А те, кто на фронте воевал при императоре, того в покое оставили... — пояснил дед Павел.

— И в советской армии ты служил со старой присягой?

— Присяги меняются, а для солдата суть одна и та же остаётся...

На дворе уже стемнело, но уходить от Филипповых гости пока не собирались. Хозяева никого не торопили.

Глава 9

Горячка

Самое заветное место для пацанов в Анжерке было озеро в центре города. Называли это озеро Горячка. Вода в нём была всегда тёплая. Не замерзала Горячка даже зимой. Пацаны со Степной ходили туда купаться с ранней весны до поздней осени. Собирались ватагой и дружно шли в центр города. Держались друг за друга, чтобы у хулиганов Шестой колонии не было соблазна обидеть поодиночке пришельцев из другого района.

Шурку не пускали на Горячку. Особенно строжилась баба Поля. Но удержать сорванца было не в её силах.

— Стрешный бы тебя побрал! Утонешь — домой не приходи! — Кричала вслед ослушнику бабушка.

— Если вернёшься, ох и влетит тебе! — злорадствовал Костя.

Да и пацанам в ватаге не было интереса к Шурке. Гнали мальчика от себя. Шли купаться без него. Но он умудрялся незаметно, по параллельным улицам и переулкам, добираться до Горячки и там присоединяться к дружному коллективу купальщиков. На Степной было много смелых пацанов. Никого не боялись и могли подраться хоть с кем. Если, конечно, потребуется. Сами не задирались. Шурка рядом с ними ощущал себя в безопасности. А для пущей уверенности носил с собой рогатку, которую ему сделал из жёлтой резины дядя Володя Курнаков.

Горячка зачаровывала Шурку. До середины озера над водой были проложены многочисленные железные трубы. Они опирались на железобетонные стойки, торчащие из-под воды. В трубах были сделаны форсунки. Из них били вверх мощные струи тёплой воды. Гигантский фонтан над озером изумлял Шурку. В солнечную погоду среди водяного изумруда коромыслом сияла радуга. Пацаны со Степной переплывали половину озера и заходили на трубы, которые выходили из горы прямо в Горячку.

Шурка не умел плавать как следует, поэтому до труб добираться не рисковал.

На горе виднелась загороженная территория ЦЭС. Что находилось там, за высоким забором, разглядеть было невозможно. Из высоченной кирпичной трубы всегда шёл медленный и очень важный дым. Если смотреть снизу, со стороны Горячки, то трубу не было видно. Её закрывало жёлто-белое здание с высокой лестницей и колоннами. В нём располагался Дом Советов. Казалось, что дым выходил из крыши.

Шурка не мог своим воображением связать воедино струи фонтана над водой и дым над крышей Дома Советов. Однако, эту таинственную связь он ощущал своим нутром.

В Анжерке не было такого жителя, который смог бы представить свой родной город без ЦЭС и Горячки. В свои пять-шесть лет Шурка уже знал, что ЦЭС — это центральная электростанция. Оттуда идёт в дома свет. А как этот свет получается, он узнает потом, когда немного подрастёт.

Дед Павел иногда рассказывал про электростанцию. Оказывается, оттуда идёт ещё и тепло в казённые дома. На Степную это тепло не доходило. Люди сами отапливали свои дома дровами и углём. Но в Доме Советов и в многоэтажках в центре города печей не было. Горячая вода подавалась в здания по трубам прямо с ЦЭС.

***

Однажды, когда Шурка приехал к деду в Анжерку на каникулы после третьего класса, он подслушал взрослый разговор. В один из выходных дней пришли родственники с Хип-Хаба. Застолье уже подошло к концу. Женщины убрали со стола лишнее. Оставили для мужчин графин с бражкой и стаканы. Сами разбрелись по комнатам посудачить о своих женских делах. За столом остались вместе с дедом Павлом дядя Гера Кислухин и дед Паша Павлов. Этих родственников Шурка уважал больше многих других. Они поражали Шурку тем, что знали много интересного. Слушать их можно было, не замечая время.

Дядя Гера, хоть и работал на бульдозере, увлекался историей. У него в доме было много книжек. Его жена тётя Вера, племянница деда Павла, работала в школе учительницей. Они оба любили читать. Шурка старался брать с них пример.

Павлов дед Паша работал преподавателем в школе комбайнёров. Шурка считал его лучшим в мире инженером. Он всегда носил на ремне через плечо кожаную офицерскую сумку и никогда с ней не расставался, даже когда приходил в гости к Филипповым на Степную. Когда надо было что-нибудь объяснить собеседнику, он доставал из сумки бумагу, чертил карандашом схему и комментировал.

— На электростанции градирню, наконец, чинить начали. Дотянули до последнего. Зимой обмёрзла так, что чуть не завалилась... На Горячке фонтаны перекрыли... Трубы менять, скорее всего, будут. — стал рассказывать дядя Гера. Шурка в это время дразнил за печкой кота. Услышав знакомое слово «Горячка», «наострил уши» и подсел к столу на край лавки.

— Это хорошо, что за ремонт взялись. Пушай ещё послужит... Не было б ЦЭС, не было б и Анжерки! — подхватил тему дед Паша Павлов. — Помню, ещё мой отец, царствия ему небесного, сказывал, будто это была чуть ли ни первая электростанция на всю Сибирь... Он поступил работать туда молодым парнишкой. Сначала котельщиком... Потом выучился на механика. — Дед Паша Павлов говорил медленно, с остановками, поэтому получалось убедительно и понятно. — До революции сюда кто только не приезжал... Германцы везли в Анжерку лучшее своё оборудование. Английские инженеры прямо тут испытали свою механическую топку... самую лучшую в мире... У них там в Англии никак не получалось. Видать уголь наш оказался получше...

— Император построил Паровозный путь как раз по тем местам, где казаки поклонные кресты поставили... До самого Тихого окояна... На дровах туды не добраться... Вот и пригодился паровозам анжерский уголь... Угля много не возьмёшь без электричества, — вступил в разговор дед Павел. Говорил тоже неторопко, чтобы пустая болтовня не получилась. Потом

налил всем бражки из графина и продолжил: — Вот и получается: кабы не наша электростанция, не добрались бы паровозы до рубежных крестов. — Мужчины чокнулись стаканами, дружно выпили. Закусили солёным огурцом. Дед Павел промокнул губы вафельным полотенцем, которое загодя лежало у него на коленях, подкрутил концы усов и закончил свою речь: — Сам император избрал Анжерку для совершенней... Слава Богу!

***

После третьего класса Шурку в доме Филипповых стали считать уже большим и самостоятельным.

— Ба, мы с Вовкой Забегаловым на рыбалку завтра пойдём, — сообщил бабе Поле Шурка.

— Ищо чиво! — возмутилась баба Поля, хлопоча над чугунами и сковородками на плите.

— Ему дед давеча разрешил, — вступился Костя.

— Тады ладно, — нехотя усмирилась баба Поля. — На нашем озере, што ли, удить будете?

— Не, на Горячку пойдём, — смело ответил Шурка.

Он уже с утра срезал в палисаднике длинную молодую ветку черёмухи. Ошкурил её и положил на солнце сушиться. Это будет удище. Теперь надо приготовить снасти. Нашёл в дедовой мастерской моток тоненькой лески, откусил зубами кусок нужной длины. На одном конце привязал крючок. Узлы «восьмёркой» дед научил его вязать ещё раньше. Отступив от крючка на расстояние спичечного коробка, прикрепил к леске грузило из свинцовой дробины. Затем попросил у бабы Поли пробку от винной бутылки. Шилом проткнул её и пропустил в отверстие свободный конец лески. Получился поплавок. Таким образом все пацаны со Степной мастерили себе удочки. Чтобы поплавок плотно удерживался на леске и его можно было передвигать с некоторым усилием, вставил в отверстие спичку. Потом провёл испытание. Опустил в бочку с водой конец лески с поплавком, крючком и грузилом. Пробка легла на бок. Грузило оказалось слишком лёгким. Шурка добавил ещё одну дробинку.

ну. Крепить дробину к леске было для Шурки проще простого. Ножом разрезал свинец до половины, в образовавшуюся щель вставил леску и прикусил дробину зубами. Вот теперь поплавок стал держался на воде вертикально, как положено.

***

Под вечер пришёл Вовка Забегалов. Принёс круглую металлическую баночку от леденцов. В конце огорода около свинарника накопили червей. Присыпали землёй. Закрыли крышкой.

— До утра не задохнётся! — заверил Вовка.

— Мне баба утром теста свежего даст. На него тоже хорошо клюёт, — добавил Шурка.

— За мной зайдёшь?

— Ага. Пойдём с дедом. Он на работу рано уходит.

Всю ночь Шурка не мог как следует уснуть. То под одеяло залезет с головой, то скинет его с себя. Не спится. Ворочался с боку на бок. Пробовал на спине, пробовал на животе. Никак. То задремлет, то снова проснётся.

Наконец стало светать. Летом в Анжерке ночи были короткие. На кухне бабушка тихонько, чтобы никого не разбудить, стала собирать деду завтрак. Шурка выбрался из спальни как из плена. Быстро умылся, собрался, присоединился к деду. Вместе вышли чаю с пирожками и вышли из дома.

Утренняя прохлада взбодрила. Обильная роса на траве в лучах восходящего солнца сверкала миллиардами светлячков. Шурка пробежался вприпрыжку по поляне. Совершил круг перед дедом. Сандалии вмиг промокли. Но от этого ногам стало только приятнее. Деду было нипочём, он всегда ходил в своих начищенных сапогах.

В домах на Степной тоже просыпался рабочий люд. Петухи со всех окрест затеяли переключку. У Фёдоровых замычала корова, требуя, чтобы её подоили. Шурка побежал вперёд. У Плыгачевых во дворе залаяла собака. И тут же из дома Забегаловых вышел Вовка. Он уже был готов к рыбалке. Шурка чуть не столкнулся с ним.

— Вы тока всю рыбу не ловите. Оставьте на развод, — поравнявшись с пацанами, с улыбкой прокомментировал встречу дружков дед Павел.

— Да не-е, на жарёху возьмём карасей и будет нам, — всерьёз пообещал Вовка.

— А чо, там и караси водятся? — удивился Шурка. Он ещё ни разу не рыбачил на Горячке. Прошлым летом он был ещё мал для рыбалки. А нынче, как никак, в четвёртый класс перешёл.

— Там и кита можно изловить, коли шибко захочешь! — продолжал подшучивать дед Павел. Потом зачем-то добавил, чтобы услышали оба, — Сказано: стой за други своя, как за себя.

Троица со Степной завернула в Федоровский переулок и направилась через Шестую колонию к центру города. Через лог вышли к базару. Преодолели пустую площадь, прошли мимо торговых рядов. Ни торговцев, ни покупателей в такую рань ещё не было.

За базаром дед повернул направо к своему Конному двору. Вышли на пригорок. Сверху открылся вид на центральную часть города с Домом Советов и с трубой ТЭС. Внизу раскинулась водная гладь Горячки.

Дед остановился. Остановились рядом с ним и рыбаки. Перед ними начинала просыпаться утренняя Анжерка. Вдалеке, справа от ЦЭС, в утренней дымке едва угадывался террикон Судженской шахты Пять-Семь. Если смотреть влево от ЦЭС, то можно разглядеть за Домом Советов террикон Анжерской шахты Девять-Пятнадцать. Где-то там же расположились машзавод «Свет шахтёра» и Стекольный завод.

— Деда, а что такое градирня? — задал Шурка вопрос, который интересовал его уже давно.

— Вон, видишь около трубы огромная круглая башня? Видишь, пар над нею?

— Ага, вижу.

— Там вода после турбин охлаждается. Потом энта вода по трубам отводится в озеро. День и ночь, без праздников, вода текёт, — пояснил дед.

- А озеро не переполнится? — поинтересовался Вовка.
- Не беспокойся! — улыбнулся дед Павел, — воду насосами назад возвращают.

Наша троица стояла на берегу Горячки и с пригорка любовалась городским пейзажем. Над всем этим пространством распространялся едва уловимый для слуха технический шум. Как будто какие-то мощные механизмы вращались глубоко под землёй. Ухо, пожалуй, не смогло бы различить, что и где шумит. Но Шурка уже понимал, что шум исходит из своих недр промышленность города с шахтами, заводами, фабриками, с железной дорогой. Его можно было лишь ощутить, если сосредоточить внимание. Это был естественный звуковой фон для тех, кто здесь родился и вырос. Горожанам он не мешал. К нему привыкли и не замечали.

С окрестных улочек и переулков на предприятия потянулись первые работники.

Дед посмотрел на свои ручные часы.

— Щас гудок дадут.

И точно! Ровно в шесть часов над городом громко и низко зазвучали гудки со всех основных промышленных предприятий. Они не перебивали друг друга, а сливались в один многоголосый призывный гул. Гудели шахты, заводы и фабрики, оповещая о начале трудового дня. Над Горячкой взметнулись мощные струи. От ниспадающей воды зашелестела и покрылась пузырьками поверхность озера. Солнце только-только поднималось над Анжеркой. Свежая синева утреннего неба сулила ясный и жаркий день.

- Красиво-то как, — вымолвил восхищённый Шурка.
- Чего красиво-то? — переспросил Вовка.
- Гудки гудят красиво!
- Гудят себе, да гудят.
- Пробудили первую смену, — пояснил дед Павел. — Слава богу, новый день начинается. Ну, рыболовы, ступайте и вы на свою работу.

Дед пошел на Конный двор, а друзья-рыбаки побежали с пригорка вниз к озеру. На этой стороне вдоль берега, на мелководье, росла осока. Здесь можно было выбрать место для рыбалки.

***

Рыбалка сразу же не задалась. Выяснилось, что Вовка забыл банку с червями, а Шурка не взял тесто.

— Может мне домой сбежать? — извиняясь спросил Вовка.

— Ты, балда осиновая, полдня бегать будешь. А я тут один сиди, да? — возразил Шурка.

— Тогда ты иди за своим тестом! Я смогу посидеть один.

— Дак, ить, я тоже полдня буду ходить. А ещё, там, ну, на Шестой колонии, видел сколько собак бегают? Без деда не пройду.

Долго перепирались друг с другом друзья. Вовка даже предложил отложить рыбалку.

— Давай сегодня просто искупаемся в Горячке, позагораем. Пирожки кончатся, пойдём домой. Скажем, что клёва не было.

— Ты чо, дурак что ли? — резко отверг коварное предложение Шурка, — мне без рыбы домой нельзя. Я же обещал. Там Костя с Наташкой ждут.

Стали искать выход из положения. Дед всегда учил Шурку, что выход можно найти в любой ситуации. Об этом он и сам в книжке читал про лягушку, которая смогла выбраться из банки с молоком. Попробовали, чем придётся, ковырять землю вокруг. Червяков здесь не было и в помине. Потом Шурка вспомнил про деда Павла.

— Слушай, пошли-ка на Конный двор! Там, ведь, точно червяки должны быть. Дед нам лопату даст! Тут же совсем близко!

Идея Вовке понравилась и они помчались от озера на пригорок, где невдалеке располагалось предприятие Павла Васильевича Филиппова. Дед понимающе поддержал рыбаков. Помог выбраться из сложной ситуации.

***

Выбрали среди зарослей осоки бухту с открытой водой. Стали закидывать удочки. Шуркин поплавок красиво держался на поверхности и чутко реагировал на поклёв. Надо было приновиться. Долго не получалось. Рыба, видать, слегка тронет червяка, подразнит поплавок, но как следует не хватает. От этого азарт у рыбаков только усиливался. Наконец, примерно через час, удалось подсечь и выдернуть из озера первую рыбу. Попался, до обидного маленький, размером с Шуркин мизинец, гольянчик. Но друзья стали прыгать от восторга и радоваться успеху.

— Ура! Поздравляю тебя, Филиппок, — сказал Вовка и протянул Шурке, по взрослому, свою руку.

— Эх, ёлки-палки, ведро-то для рыбы не взяли! — отчаянно произнёс Шурка. — Иди поищи какую-нибудь банку, — велел он Вовке. Друг беспрекословно отправился на поиски. Шурка держал на ладони скользкую рыбку и любовался ею. Она хватала своим маленьким ротиком воздух и беспомощно трепыхалась. Вскоре вернулся Вовка.

— Банок нет. Вот, бутылку нашел. — Друзья быстренько ополоснули в озере пол-литровый сосуд, набрали в него воды и запустили туда своего гольяна. Тот ожил и стал резво плавать кругами, работая плавничками и виляя прозрачным хвостиком.

Между тем, солнце уже поднялось высоко. Стало припекать. Клевала рыба беспрестанно, но результат был совсем хилый. Вдвоём поймали по три-четыре таких же мелких гольяна. Первый уже сдох и всплыл вверх брюшком.

— Тут на жарёху не хватит, — грустно произнёс Вовка, просовывая в бутылку очередную рыбку-малютку.

— Ну и где же твои караси хвалёные? Трепач ты, парниша, — подзуживал периодически Шурка своего друга.

Вовка тоже закончил третий класс, но был намного крупнее и крепче телосложением, чем его одноклассники. Этот здоровячок никогда ни на кого не обижался. Спокойно сносил любые издёвки в свой адрес. В семье Забегаловых все были крупные и крепкие. Даже Вовкина сестрёнка Надька была выше всех сво-

их подружек. Старший брат Юрка закончил восемь классов, а издали был уже похож на взрослого мужчину. Их отец дядя Петя смахивал на Илью Муромца.

Шурка, вспомнив про Юрку и про то, как тот катал его прошлым летом на своём большом велике, спросил у Вовки:

— А чо, твой брат теперь отцу помогает? Он говорил, что шофёром на «стударе» хочет стать, как отец.

— Его в горный техникум берут... Потом на Третью шахту пойдёт работать... Там толковые инженеры нужны, — Вовка в это время подсёк очередного гольяна и стал засовывать его в бутылку. — Батя говорил, что инженером лучше работать, чем шофёром.

— Дак ты скажи бате, пусть он тоже в инженеры идёт.

— Не-е, не пойдёт. Он на войне на «полуторке» ездил, а тут ему «студебеккер» дали. Таких машин в Анжерке больше нет ни у кого.

Пацаны стали вспоминать, как дядя Петя Забегалов приезжал на Степную и позволял всем ребятишкам «осваивать» американскую технику. Между тем наступила середина дня. На той стороне Горячки над Домом Советов дымила труба ЦЭС. В районе обогатительной фабрики громыхали под погрузкой вагоны. Паровоз давал свистки и шипел, выпуская лишний пар.

По улице Ленина проезжали, пронзительно «пиписка», многочисленные машины. Около двухэтажного универмага людей, как и машин, тоже можно было сосчитать по пальцам. Анжерский народ в рабочее время не гулял по улицам.

— Все гольяны кончились, — сделал вывод Шурка и воткнул в берег удилице. Поплавок уже долгое время неподвижно красовался на водной глади.

— Может скупнётся? — предложил Вовка.

— Давай! — быстро согласился Шурка. — Тут можно даже без трусов. Народа поблизости нету!

Друзья скинули с себя одежду и ринулись в воду. Без того тёплая, Горячка ещё сильнее прогрелась на солнце. Пробежали по мелководью метров десять от берега. Глубина оказалась

чуть выше щиколоток. С гиканьем стали барахтаться, гоняясь друг за другом, толкаясь и картинно падая в воду. Наконец, уgomонились и улеглись животами вверх, опираясь локтями об илистое дно.

Поднятая муть улеглась. Вода снова стала прозрачной. Блаженство могло продолжаться долго, как вдруг Шурка ощутил, что кто-то под водой щиплет его тело. А вдруг это кит подбирается? Щупальцами разведку проведёт и нападёт! Первая мысль испугала Шурку. Он вскочил на ноги и стал рассматривать дно.

— Чо у тебя там? — поинтересовался Вовка. Поднялся, подошел поближе, присел на корточки и тоже стал вглядываться в воду.

— Ёлки-палки! Ты посмотри-ка! Сколько же тут гольянов! — Шурка заорал на всю округу. Теперь и Вовка увидел несметную стаю маленьких рыбёшек. Они шустро крутились между ступнями ног, приятно щипались и не боялись пацанов.

— Тьма тьмущая, — согласился Вовка.

— Слушай! Я придумал, — Шурка подмигнул другу так, как это делал дядя Володя Курнаков. — Неси свою майку. Мы сейчас ей будем рыбу ловить!

— Это как?

— Как мешком. Свяжем лямки узлом. Получится мешок. И будем им ловить. Понял?

— Не-а, не понял.

— Чего не понял?

— Почему моей майкой?

— Твоя вон какая большая! В неё, знаешь, сколько войдёт!

Этот аргумент убедил Вовку. Он принёс с берега свою майку. Изготовили своеобразный ловчий мешок. Взялись с двух сторон, опустили край на дно и стали подводить орудие лова под стаю. По Шуркиной команде подняли из воды. В мешке оказалось несколько мальков.

— Ура! Ура! — завопил радостный Шурка.

— Ура, — нехотя согласился Вовка.

Новый вид рыбалки оказался результативнее прежнего. Заводили мешок и каждый раз получался неплохой улов. Пришла сноровка. Бутылка уже наполнилась. Вылили воду. Вместилось еще пару уловов.

— Всё, — сказал Шурка, запихивая внутрь хвост последнего голяна. — Надо чем-то заткнуть бутылку.

Вовка принёс зелёный лист лопуха. Плотно утрамбовали его в горлышко бутылки. Перевернули вверх дном, потрясли. Не вываливается. Добычу спрятали в тень, в заросли осоки. Уселись на берегу и тут только вспомнили, что проголодались. Шурка достал из своего узелка бабушкины пирожки. Вовка из своей сумки вынул бутылку с молоком и калач. Разложили снедь на траве и приступили к обеду.

— Хорошо я придумал? — спросил Шурка дружка. Тот записал молоком из бутылки свой калач.

— Ничего хорошего, — прожевав и проглотив пищу, буркнул Вовка. — Мне от мамки влетит... Майка вся в зеленой тине... Не отстирается теперь.

— Ну ты и даёшь! Майку ему жалко... Зато вон сколько рыбы наловили!

Трапеза друзей подходила к концу молчком. Шурка отдал свой последний пирожок Вовке, а тот дал ему допить остатки своего молока. Вроде бы продемонстрировали уважение друг к другу, но добродушный разговор не клеился. Небольшая напряженность ощущалась. Потом у Шурки возникла мысль о том, как же им придётся делить улов. Посчитать рыбёшек в бутылке не получится. Вываливать и пересчитывать, что ли? Они там утрамбованы до предела. Вспомнились слова деда: стой за други своя, как за себя. К этим мыслям прибавилась жалость к Вовке, которому влетит за испорченную майку.

Вовка тем временем взял пустую бутылку из под молока, сполоснул её в озере и бережно убрал в свою сумку. Его, когда-то белая, майка стала серо-зелёной с грязными разводами. Она ещё не досохла, но он поднял её с травы, бережно свернул и убрал в сумку вслед за бутылкой.

— Надо домой собираться, — не то решительно, не то вопросительно произнёс Вовка.

— Слушай! А давай наловим рыбы в твою бутылку? — предложил Шурка другу. Тот с недоумением посмотрел на него. — Ловить будем моей майкой! Пусть мне тоже дома влетит!

— А чо, давай! — неожиданно согласился Вовка и при этом разулыбался во весь рот.

Опытные рыболовы взялись дружно за дело. Время пролетело быстро. Вовкина бутылка наполнилась так же до самого верха. Заткнули и её лопухом. Довольные своей работой, разлеглись отдыхать на траве.

Хорошо стало на душе и у одного, и у другого. Шурка глядел беззаботно в небо. Дневная жара уже спала. Среди городского гула и шума фонтана над озером, стал различим стрёкот кузнечиков. Шурка повернулся на бок и прижал ухо к земле. Ему захотелось услышать, как под землёй работают шахтёры. Что там делают сейчас дядя Володя Курнаков и сосед Анатолий Терентьев?

Прогретая земля источала пряный дух лета. «Как хорошо, что в Анжерке есть Горячка» — думал Шурка.

Вдруг на пригорке, с которого утром друзья спускались к берегу, раздался какой-то шум. Шурка повернулся в ту сторону и увидел велосипедиста. Тот стал спускаться вниз, тормозя задним колесом и поднимая пыль. Это оказался Юрка Забегалов.

— Вот вы где, засранцы! Еле нашел вас! Вы чего тут разлеглись? — начал громко ругаться он на рыбачков. — Вас уже все потеряли! Время знаете сколько? А ну, быстро собирайтесь!

Собрались, как было приказано, очень быстро. Надели рубахи на голое тело, сандали и кепки. Смотрели удочки. Не забыли про рыбу в бутылках.

— Вы что тут делали? — сердито спросил Юрка.

— Мы рыбу ловили, — уверенно ответил за себя и за друга Шурка.

— Кто же тут рыбу ловит, бестолковые! Тут её никогда и не было... Караси в ямах на глубине водятся. Вон там! — Юрка

указал вытянутой рукой на дальний берег озера. Там над берегом виднелись высокие деревья. — Ладно, поехали.

Шурка уселся спереди на раму. Вовка устроился на заднем багажнике. Юрка повёз их вдоль берега. Когда проезжали то место, где водятся караси, там уже готовились к вечернему клёву взрослые рыбаки.

Юрка здорово ездил не своём велике. С ним ехать не страшно: ни за что не уронит. На Шестой колонии за ними погнались, было, местные собаки. Но велик так быстро мчался, что собаки тут же отстали.

***

Юрка высадил пассажиров около своего дома. Дальше Шурка пошел по улице один. Удочка — в правой руке. В левой — рыба.

— Ну что, много наловил? — интересовались соседи, мимо которых важно шествовал Шурка.

— Много. Целую бутылку! — гордо отвечал рыбак.

***

Дома начались хлопоты по поводу Шуркиного возвращения. Баба Поля беззлобно бранилась на внука. Костя выковыривал рыбу из бутылки в эмалированный таз. Кот сидел рядом и периодически мяукал.

— На два дня хватит тебе! — сказала баба Поля коту и отодвинула его ногой.

— Коту не дам! Сами будем есть! — решительно заявил Шурка.

— Кого тут есть? — бабушка плеснула в таз ковшик воды. Все рыбёшки всплыли белыми брюшками вверх.

— Эх ты! Сам ещё мелюзга, и мелюзги наловил, — подтрунивал над Шуркой Костя, — а ещё в солдаты собрался!

— А мне нравятся маленькие рыбки когда они живые, а не дохлые, как эти, — добавляла свои ехидные слова Наташка.

— Ладно, дождёмся дедушку с работы, спросим чо с ими делать, — решила баба Поля.

Вскоре в доме появился дед Павел. Ему показали Шуркину рыбу.

— Ты, Ликсандра, молодец. Потрудился славно. Будем сегодня пировать. Я такую рыбу больше всего люблю. Её даже чистить не надобно. Зажарим на топлёном масле, что б хрустела. И яйцом зальём, — озвучил свой замысел дед. Шурка приободрился и добавил:

— Коту тоже дадим. Всем хватит.

Вскоре баба Поля исполнила всё, как велел дед. Ей все дружно помогали. Потом дружно сидели за столом, дружно поедали рыбную яичницу и весь вечер дружно хвалили Шурку.

Глава 10

Мандрыгины

На Степную приходила баба Женя Мандрыгина — сухонькая старушка в белом платочке. Она жила за вокзалом, где-то на Просвещении. Придет к Филипповым, сядет на крыльчке, достанет из сумки треугольное письмо и тихонько горюет.

Ее сын Сашка когда-то учился летать в Анжерском аэроклубе. Пришло время, и ушел он, как все, в Красную армию.

Вскоре началась война. В первый же день Сашка по тревоге вылетел в свой боевой полет. Перед этим успел написать матери письмо на тетрадном листке. Сообщил, что все у него хорошо. Велел, чтобы берегла себя. Треугольник оставил для отправки почтальону эскадрильи. Улетел и не вернулся.

Ждет-пождет с тех пор старушка Мандрыгина своего Сашку. В архивах Министерства обороны отыскиались документы, что пропал он без вести. Погибшим не числится. И осталась баба Женя после войны без пособия, вдвоем с надеждой.

Никакой родни у нее в Анжерке больше нет. Пособия за сына-фронтовика не дали. Пробовала похлопотать в военкомате, не получилось. Сказали, что надо ждать. Спасибо, что надежду не отняли.

Никто на Степной не знал, кем она доводится Филипповым.

— Ликсандра! Ты, если што, помогай бабе Жене, — говорил дед.

— А как?

— Почитай ей письмо, коли попросит.

— Так я еще не могу по письменному. Там разглядеть можно только каракульки!

— Учись. За каждой буквой человека видно...

Шурка прилежно старался разгадать каждую написанную букву. Печатные, как в «Борьбе за уголь», он уже знал. А выве-

денные химическим карандашом давались не сразу. Баба Женя подсказывала.

Каждый раз приходилось читать одно и то же. Вскоре Шурка запомнил весь текст и стал читать от начала до конца без запинки.

— Ну-ка, снова почитай, вот тут, — попросила баба Женя, высмотрев своими серыми подслеповатыми глазами нужную строчку. Шурка перечитал с выражением.

Баба Женя утерла кончиком своего белого платочка уголки сухих глаз. Слез не было.

***

Так баба Женя каждый раз отводила свою раненую душу на крылечке у Филипповых. Шурка снова и снова читал ей фронтное письмо. Она прижимала мальчика к себе и ласково гладила по белобрысой головенке. Погорюет таким образом старушка Мандрыгина, поплачет без слез и покойно уходит.

Провожая до калитки, баба Поля всегда давала ей узелок с чем-нибудь и немного яиц в лукошке.

В этот раз Шурка решил поделиться с ней своим секретом.

— А мне деда говорил, что никуда не делся ваш Сашка, — озираясь по сторонам, прошептал он бабушке Мандрыгиной на ухо.

— Как это «не делся»? — удивленно переспросила она и замерла в ожидании ответа.

— Мы не видим его, а он тут! — продолжил шептать Шурка.

— Где «тута»? — не понимала взволнованная Мандрыгина.

— В этих буквах!

Шурка поднес ей к самым глазам фронтной листок. Баба Женя недоверчиво забрала письмо из детской ручонки. Стала всматриваться, как в первый раз, в строчки, в буквы. То отдаляла от себя письмо, то приближала. Наконец, прижала листок к груди. Посмотрела благодарно на парнишку. Две слезинки выступили из ее глаз. Спина выпрямилась. Морщины на лице куда-то подевались. Влажные глаза засветились, стали больши-

ми и голубыми. Она подняла свой подбородочек вверх и устремила взгляд в высокое небо...

Так баба Женя долго и неподвижно сидела на филипповском крылечке со своим письмом. Шурка уютно пристроился рядом и не мешал ей.

Глава 11

Гроза

Летом, безо всяких причин, в ясном небе раздавался далекий гром. Его тяжелый рокот перекатывался с одного края Анжерки до другого и куда-то ещё дальше. Шурка ощущал, как дрожит подземелье. Бежал с улицы домой, кабы чего не случилось.

— Свят, свят, свят! — окрестилась баба Поля. — Опеть сухая гроза на задах. Хошь бы намочил, а то пугаит тока!

— Кто пугает? — поинтересовался Шурка.

— Илья Пророк на колеснице катается и пугает, — вразумил Костя Шурку, заканчивая чистить картошку.

— Чиво зря брешешь-то? Гроза пугаит! А Илья-защитник упреждаит нас грешных, — одернула бабушка Костю.

***

Чистить картошку всегда поручали Косте. Ему нравилось это дело. Ну как же не понравится? Резать тоненьким ножиком доверяли не каждому в семье Филипповых.

Позже Шурка услышал об этом дедовом ножике несколько вариантов легенды. Когда-то, еще со времен кузнецких татар, нож был широким и длинным. Со временем — источился. Сказывали, что такие лезвия ковали из таштагольских руд для воинов самого Чингис Хана. В кузнечном деле соблюдались местные секреты. Калили металл в родниковой воде и в барсучьем жире. Как оказался старинный нож в доме Филипповых, неизвестно. Но история любопытная.

Этот нож дед Павел точил особым способом, при помощи ремня. Острота набиралась от движения лезвия по коже. Вверх по ремню — одной стороной, вниз — другой. Шурка знал, что брать без спросу тоненький ножик нельзя: порежешься.

За картошкой Костя лез в подпол, неторопливо набирал там полное ведро. Потом на кухне тщательно перемывал каж-

дый корнеплод. Чинно усаживался на скамеечку около печи. Принимался чистить. Очистки не выбрасывал, боже упаси! Из них сварят корм Борьке. Костя выковыривал каждый глазок. Картофелину взвешивал на ладони и бережно отпускал, словно крупного карася, в эмалированный таз. Сквозь прозрачную воду можно было любоваться красотой очищенных картофелин. Одна к одной, каждая — с Костин кулак. Наташка всякий раз норовила искупать свою истрепанную куклу в тазу с картошкой.

— Не фулугань, — строжился Костя на маленькую племяшку.

***

Летние дни были долгими. Долгими были и зимние вечера. После ужина в доме Филипповых успевали ещё многое переделать. Летом спать ложились, когда стемнеет. Зимой — когда по радио сыграют полночный гимн страны.

— Деда, а правда, что по небу Илья Пророк катается?

Дед Павел вынул двумя пальцами кованый гвоздик-ухналик, зажатый у него между губами, приставил его острием к каблuku и ловко стукнул молоточком. Ухналик вошел в цель по самую шляпку.

— Истинная правда! — перекрестился троекратно дед. Снял с железной сапожной лапы ботинок, пощупал внутри, не насквозь ли прошел гвоздь.

Шурка пуще всего любил вертеться около деда, когда тот что-нибудь мастерил.

— Сделай мне тоже колесницу... Ну, как у Ильи!

— Да на што она тебе? — изумился дед.

— Хочется...

— Ни к чему пока-што. Ты нонче на крыльях летаешь... А как вырастешь, тогда и колесница у тебя будет.

— Да кто ж мне даст?

— Своя будет... Сам построишь... Выучисся и построишь...

— А какая она, колесница?

– Да кто бы её знал...

Дед встал со скамеечки, снял с себя кожаный фартук и принялся собирать инструменты в свой сапожный чемоданчик. Шурка с любовью подавал ему волшебные предметы: шило, рашпиль для кожи, нож для резины, затяжные клещи.

Шурка любил помогать деду. С дедом всегда было интересно. Дед был мастером на все руки.

– Штобы ладно уметь, Ликсандра, надобно старательно учиться, – сказал дед внуку, заканчивая сапожную работу.

В детской головке уже давно вызревало желанное: «выучись, выучись, выучись»...

***

Когда над Степной появлялся кукурузник, Шурка точно знал, что скоро начнется гроза.

Каждый раз за темно-зеленым самолетом по небу гналась темно-синяя туча. Она зловеще застилала всё небо. Вот-вот затмит солнце. Сейчас крылатая машина будет настигнута! Через мгновение несчастный самолетик сгинет в ней бесследно! Уже ничто не сможет грозной силе помешать!

Но злая туча, почему-то, ни разу не могла догнать самолет. Кукурузник в последний момент снижался над Степной и летел в конец улицы. Там, за насыпью, он спокойно успевал дотянуть до родного аэродрома.

Ираплан, ираплан, посади меня в карман!

А в кармане пусто, выросла капуста!

Кто придумал эту считалку, никто в Анжерке не мог сказать. Ребятня радостно бежала по Степной, задрал головы, и кричала стишок пролетающему над ними самолету. Снизу можно было разглядеть пилота в кожаном шлемофоне. Из своей кабины он непременно махал рукой Шурке. Шурка понимал, что смелый летчик возвращается в Анжерку с боевого задания и торопится домой укрыться от грозного врага.

Шурка, единственный из всех, знал, что это без страха летит отважный Сашка Мандрыгин. Возвращается к своей матери. Но когда в очередной раз приходила к ним баба Женя, Шурка понимал, что её сын так и летит где-то по небу.

Не догнав самолет, темно-синяя туча, словно от злости, становилась черной и низко повисала над Степной. В Анжерке становилось тихо. Всё замирало. Ребяшня исчезала с улицы и пряталась по домам. Хозяйки во дворах поспешали снять с веревок недосохнувшее бельё. Маневровые паровозы на станции переставали лязгать буферами. Слышать было только собаку Плыгачевых. Да и та, тьякала разок-другой и тоже замолкала.

***

Этим летом в шахтерском городке грозы случались редко. Практически, с весны не было ещё ни одной. Трава на полянах по всей Степной выглядела мелкой и редкой. Грядки в огороде приходилось поливать по два раза в день.

И вот, на белобрысую Шуркину голову упали первые крупные капли. Другие упали на пыльную дорогу, на деревянный мостик около ворот.

— Дождик, дождик, пуще! — стал декламировать Шурка.

— Дам тебе гущи! — дружно подхватила ребятня.

— Выйду на крылечко, дам огуречка, — передразнил босоногую компанию вышедший за ворота Костя.

— Дам и хлеба каравай! Сколько хочешь поливай! — добавила своим певучим голосом Тамара, запахивая створки окна.

Во всех дворах, и взрослые, и дети знали слова этой призывной песенки. Народ на Степной радовался начавшемуся, было, дождю.

Тем временем капать с неба перестало. На улице сделалось темно и зябко.

— Шурка! Баушка домой зовёт! — Костя поймал Шурку за ручонку и потащил его домой. Ребяшня тоже побежала прятаться от ненастья.

***

Накануне Шурка видел, как дед Павел после ужина раскрыл свою старинную толстую книгу и принялся там что-то выискивать. Потом стал перед образами тихонько молиться. Все в доме знали, что в это время надо затаиться и не мешать. После молебна дед вышел на кухню и объяснил причину своих стараний:

— Нонче сухих дней дюже много. Гроза будет нешутошная. Никто не обратил особого внимания на эту фразу.

***

Баба Поля велела Косте закрыть ставни. В большой комнате стало совсем темно. В верхнем углу за занавесочками едва угадывалась Царица Небесная.

На кухне окно было без ставен. Летом форточку закрывали только на ночь. Шурка раздвинул шторы и прильнул к стеклу. Черная туча зловеще клубилась над дальними домами и цеплялась за макушки деревьев. В избу зашел Костя.

— Ох и шибанёт сейчас! — восхищенно сообщил ему Шурка.

— Чего радуися? Отойди от окошка! — скомандовала бабушка внуку. Она, вместе с Тamarой, в комнате развешивала сырое бельё, принесенное со двора. Под ногами у них крутилась со своей куклой Наташка. — И форточку запахни, от греха подальше. — Шурка немного отодвинул от окна табуретку, на которой сидел. — А ты чо застыл, как истукан? Задвинь трубу, — толкнула она Костю в спину. Тот принялся задвигать заслонку в печи.

В начале улицы тревожно зашумели высокие деревья. Оттуда, со стороны старого кладбища, кто-то невидимый и огромный устремился по Степной к дому Филипповых. Шурка увидел в окно, как мимо их двора прокатили клубы пыли и мелкого мусора. Тайнственная сила вихрем помчалась в конец улицы, в сторону озера.

У Роженцевых, в соседнем дворе, загремело пустое ведро, опрокинутое порывом ветра. В палисаднике беспокойно заше-

лестели густой листвой обе черемухи. Деревья заволновались, стали раскачиваться, касаясь ветками закрытых ставен. Просились в дом.

И вдруг всё вокруг замерло. Над Степной неожиданно стало тихо. Но тишина длилась лишь мгновение.

Страшная вспышка за окном распоролла черное небо и тут же над крышей раздался оглушительный треск. Шурка от неожиданности упал с табуретки на пол и закрыл руками голову. Ему померещилось, будто крыша их дома проломилась и разлетелась в щепки.

За первой вспышкой последовала вторая, третья. Небесные сполохи врывались внутрь. От яркого света в полутемной избе не было спасения. Лица домочадцев в эти мгновения становились белыми, как у покойного деда Терентьева. Баба Поля кинулась к образам. Стала часто-часто креститься и приговаривать: «Господи, помилуй! Господи, помилуй»!

В полутёмной комнате громко заревела Наташка. Тамара прижала её к себе и стала успокаивать:

— Чего ревёшь, глупая?

— Это... она-аа... ре-е-вёт, — сквозь рыдания показала Наташка указательным пальчиком на свою куклу.

— Свят, свят, свят! Помилуй, Царица Небесная! — скороговоркой причитала бабушка в сторону иконы.

Костя крупно перекрестился, не спеша приставляя пальцы ко лбу, плечам, животу. И тут же получил от матери звонкий подзатыльник.

— Ма, ты чой-то?

— Ты смотри у меня, варнак!левой рукой креститься вздумал!

Молнии кроили черное небо на мелкие части. Грохотало над крышами Русановых, Забегаловых, Каменных. Дрожала земля под всей Анжеркой.

Ураганный водопад за окном обвалился на Шуркин двор и на соседский огород. Дальше невозможно было ничего разгля-

дочь. Ливень остервенело хлестал в окно. Пытался прорваться в дом. Хорошо, что дед Павел ещё весной сделал прочную раму взамен старой.

— Никулинская ботва, кажись, полегла! — сообщил Шурка. Он снова пристроился к окну, надеясь увидеть через стекло хоть что-нибудь.

Все картофельные кусты у Никулиных повалило жестоким ветром и остервенелым дождем. Междурядья доверху залило водой.

В Шуркином дворе образовалась бурная река. Она мчалась вдоль завалинки за ворота. С крыши по водостоку дождевые потоки стекали в большую деревянную кадуюшку. Ливень уже давно наполнил её и вода бежала через край.

***

Дед Павел неделю назад смолил кадуюшку березовым варом и учил этому ремеслу внука. Тамара и Шуркина мама будут брать отсюда дождевую воду для мытья головы. А баба Поля использует её для опары. Шурка знал, что в субботу в этой воде будут купать его и сестренку Наташку.

***

Не очень долго длилась буря. От Шуркиного дома гроза покатила за городские окраины в тайгу. Ливень удалился вместе с молниями. Наконец, сквозь тучи на Степную стали пробиваться лучи солнца.

Костя надел глубокие галоши и пошел открывать ставни. Шурка выскользнул из избы вслед за ним. Ветер на улице стих. С неба сыпал вертикальный дождик. Тёплые лужи весело пузырились.

Шурка распахнул калитку и босой побежал вприпрыжку по мокрой траве.

— Дождик, дождик, перестань! Полетел я в Арестань!

Эту песенку знали в Анжерке все: от мала до велика. Шурка скакал по свежим лужам, раскинув руки самолётиком, и

распевал на всю округу. К нему уже успела присоединиться босоногая детвора из соседних домов. Юрка Забегалов выехал из ворот на своем взрослом велосипеде. Помчался по самым глубоким лывам. Ребяшня хором распевала песенку:

- Богу молиться,
- Царю поклониться!

Терентьева бабка-матерщинница успела уже осмотреть своё подворье после урагана, и теперь стояла под укрощающимся дождем с непокрытой головой около ворот. Наблюдала за Шуркой из-под своих мохнатых бровей и басовито ругалась себе под нос.

Только Роженцев забрался на крышу и оттуда рассматривал окрестности в отцовский бинокль. Сверху можно было увидеть почти всю Анжерку и Судженку.

— На Физкультурнике чо-то горит! Кажись, в дом кому-то попало, — сообщил Толька вниз собравшейся ребятне.

— Толян, дай глянуть! Пусти на крышу, — просили снизу.

— На кладбище пихту сломало! ...Толстенную! ...С краю стояла! Упала прям на сошейку, — комментировал Толька увиденное, игнорируя просьбы и не отрываясь от бинокля.

Шурка знал, что Толька не даст посмотреть никому. Он уже не раз тщетно просил его, когда бывал у Роженцевых в доме. Отец привёз бинокль с фронта и берег его для охоты. Шурке всегда очень хотелось поглядеть в Толькин бинокль. Не получилось.

— Толян, пусти к себе хотя бы Филиппка! Пущай он тоже глянет. А то, поди, врешь ты всё, — обратился Вовка Забегалов.

— Без сопливых склизко, — отвечал Толян.

Ребятам внизу не понравился такой ответ. Все стали наперебой стыдить Толяна.

— А я скоро вырасту! ...Стану летчиком! ...Мне такой тоже дадут! ... Я еще выше подымусь! ...Оттудава... ажны Москву увижу! Мне деда так говорил! — прокричал с обидой Шурка своему дружку-соседу на деревянной крыше.

Ребятня стала громко смеяться: не то над Шуркой, не то над Толькой. Но это не испортило ребячьего праздника, который наступил после грозы. До конца дня ещё было не скоро. Еще не все события произошли в этот день. Слава Богу, на Степной в этот раз гроза никого не повредила.

Глава 12

Вар

От своего деда Шурка слышал всего лишь одну песню и то не за общим столом. Длинными зимними вечерами, расположившись на скамейке у натопленной печи, дед подшивал черной дратвой прохудившиеся валенки. При этом он тихонько напевал себе в усы непонятную для Шурки взрослую историю:

Черный во-о-рон, черный во-о-рон,
што ты въё-о-ссия надо мной?
Ты добы-ы-чи не дождё-о-сси,
Черный во-о-рон, я не твой!

У деда Павла были царские усы. Концы он закручивал вверх так же, как на картинке с изображением императора. Эту картинку дед показывал Шурке по большим праздникам.

— Какой красивый! Он генерал, да? — поинтересовался Шурка.

— Он главное... Генералы перед ём присяги принимали...

— И ты тожа?

— Ну а как же!

— Ты генералом был! Генералом! — стал радоваться Шурка своему открытию.

— Не-е. Солдатом! — дед произнёс это слово с удовольствием и с каким-то важным значением. Внук призадумался. Потом спросил вполголоса:

— Деда, а ты куда присягу принимал?

— Сюды... — дед Павел тихонько постучал себя по груди кулаком.

— А какая она? — не унимался Шурка.

— Она, Ликсандра, за царя, за веру, за отечество...

Любопытный внук в такие моменты мог задавать вопросы деду без конца и края. Интересно задавать своему деду всякие

вопросы. Деду интересно рассказывать. Маленькому Шурке не всё было понятно. Но от таких разговоров ему очень хотелось скорее вырасти.

***

За насыпью через поле начинался шпало-пропиточный лес. В начале века Анжерские копи снабжали Великий Паровозный путь каменным углем. По этому пути паровозы с угольной топкой шли до самого Тихого океана. Старые люди сказывали, что если бы не анжерский уголь, император не стал бы строить такую длинную железную дорогу.

Сибирские мужики верили императору, потому что он на всех перегонах церкви строил. Без них в старину люди ни за какое дело не брались. Говорили, что отечество без церкви — всё одно, что пустопорожнее место для дьявольских забав.

***

В местных лесах добывали деготь и пропитывали креозотом новые деревянные шпалы. Их укладывали большими черными штабелями вдоль железной дороги до самого Тихого океана. Делали запас на случай ремонта путей.

— В Анжерку приезжал сам царь-император. Миколай Второй...

— Шпалы запасал?

— Осматривал казённые копи и хозяйство на путях. Сказывали, што он и в лес ходил на шпало-пропитку посмотреть.

Шурку интересовали те времена, хоть и было это давно. Название леса сохранилось в народе. Жители Степной и Сахалинки ходили в шпало-пропиточный за малиной и за грибами. И Шурка тоже ходил с ними.

***

Дед Павел и сосед дядя Петя Никулин этим летом поехали в шпало-пропиточный лес варить дёготь из березы. Шурку с собой не взяли, поэтому он не смог узнать ничего об этом про-

мысле. Через два дня мужики-соседи привезли домой на телеге по бочонку дегтя каждому.

Деготь издавал сермяжный запах на всю округу. Дед Павел в своем дворе разливал добычу по разным мелким емкостям. Шурка помогал. Деревянной лопаткой он размешивал в бочонке черную густую жидкость. Дед поварешкой разливал её в банки с крышками.

Вместе с дегтем привезли блестящие куски черного вара. Его можно было жевать. Он был безвкусный, но приятный на зуб. Жевать можно было хоть целыми днями, но только не глотать.

В эти дни вся ребятня на Степной жевала свежий вар.

— Эй, Филиппок, дай немножко вару? — попросил у Шурки Юрка Забегалов. Он подъехал на велике со своей маленькой Надькой на багажнике.

— А прокатиться дашь?

Шурка ездил взад-вперед по Степной на велике, а Юрка, Вовка и Надька Забегаловы сидели на терентьевских бревнах и жевали безвкусное лакомство. Жевать вар было модно.

Только Роженцеву вар выдался за просто так, с тайной надеждой, что его отец как-нибудь прокатит Шурку в люльке на своем мотоцикле.

С кусочками вара Шурка сходил в гости даже к Федоровым, не побоялся драчуна Гытю. Там суровые федоровские пацаны за угощение дали ему подержать в руках чубато-лохмоногих голубей. Шурка даже научился поить их своей слюной. Так он целовался в дюбки с красивыми и умными птицами.

***

— Так тебе и надо. Заслужил, — ласково и добродушно приговаривает дед Павел, осматривая Шурку и его ободранные до крови коленки и локти.

— Это Вовка Забегалов виноват! Я ехал, а он из рогатки в меня целился... Я пригнулся и упал с велика... Не удержался. Больно быстро ехал... Это он придумал такую игру, — всхлипывая, оправдывался Шурка перед дедом.

— А твоя голова была на што? Эх ты, грешный. Иди к бабушке, она поможет.

— Вон и спицы повывлетали из колеса!

— Видать, ты ни о чем не думал, когда Вовка коварство затевал... Ну, ладно, грех не великий. Не с большой высоты падал. Поправися! После падения воскрешение наступает.

***

Зимой дед Павел варом натирал скрученные суровые нитки. Иногда поручал это ответственное дело Шурке. Получалась крепкая дратва. Дед подшивал дратвой не только валенки, но и чинил конскую сбрую.

Шурка так же с удовольствием помогал деду питать дёгтем кожаную обувь, имевшуюся в доме. Дёготь вонял на всю округу, но Шурке эта вонь была приятной. Он знал от деда, что без пропитки кожа влагу берет и прееет, либо сохнет и лопається. Ещё дед говаривал, что дёготь гонит прочь всякую вредную тварь. Если попона дёгтем пропитана, то на коня ни слепень, ни овод не нападёт. От хорошего дёгтя мыши бегут за сто вёрст.

Вар и дёготь хранились в доме Филипповых как необходимая драгоценность, наравне с солью, мукой и сахаром.

Глава 13

Родня

— Деда, а отчего у нас так много родни? — спросил Шурка.

— Оттого, что богу так угодно, — не задумываясь ответил дед

Павел.

Дед никогда не рассусоливал и не пускался в пустые разговоры, если вопрос был праздный. Шурка уже давно стал догадываться об этом. Если спрашивать деда о том, в чем сам можешь разобраться, он либо отмалчивался, либо отшучивался. Вот и сейчас, Шурка понял, что спросил деда просто так, как говорится «от нечего делать».

Дед был занят ремонтом большой деревянной кадки. По старому обычаю, когда заканчивались соленья, кадку в доме Филипповых промывали и пропаривали травами. Всё лето кадка отдыхала. Перед новыми заготовками солений её надо было починить и привести в порядок. Такой обычай соблюдался в Анжерке издавна, еще со времен сибирских первопроходцев. На Степной улице все хозяева хранили эту традицию испокон века.

Шурка крутился вокруг деда, но его помощь пока не требовалась. Понятное дело: вопрос про большую родню оказался не к месту. Чтобы не мешаться под ногами, малец присел на крыльцо. Стал наблюдать за ловкими движениями деда. У деда Павла во время любой работы все движения были ловкими. Несмотря на то, что действовал он неторопливо, всё выходило скоро и ловко. Вот он накинул металлический обруч на оплечье пузатой кадки. Нижний обруч и большой средний уже крепко опоясывали деревянные клёпки. Осталось осадить верхний, чтобы окончательно обжать всю конструкцию. Не дай бог, чтобы между клёпками затаилась где-нибудь щелочка! Дед стал по кругу аккуратно обстукивать обруч молоточком.

— Главное в этом месте не перетянуть. А то кадка порвётся, когда начнёт разбухать, — комментировал вполголоса свои действия дед Павел.

Стук-стук, стук-стук. Наконец, молоточек прошел последний круг. Дед снял очки и бережно положил их в футляр. Футляр спрятал во внутренний карман. Потом погладил своими мозолистыми ладонями деревянные бока кадки.

— Ну-ка, Ликсандра, обследуй вострым глазом нашу с тобой работу!

Засидевшийся на крыльчке, внук встрепенулся и мигом оказался рядом с дедом. Обновлённая кадка выглядела ладно, украшая собой пространство двора. Шурка подпрыгнул, перегнулся пополам через верхний край и с головой оказался внутри кадки. Снаружи осталась только нижняя половина с ногами.

— Не светится! Нигде не светится! — радостно закричал изнутри Шурка и попытался выбраться оттуда, болтая ногами по воздуху.

Дед подхватил внука и стал вынимать его из кадки.

— Вылазь, обследователь!

— Я тоже туда хочу! — Из дома выскочила Наташка в обнимку со своей куклой и собралась лезть в кадку.

— Кадка... энтэ барыня сурьёзная... баловства не терпит, — остановил её дед. Потом снял свой кожаный фартук, в котором, по обычаю, производил всякую ремесленную работу. Стал складывать инструменты в свой деревянный рундучок.

— Ему можно, а мне нет! — Наташка обиженно надула губки.

— Ты не серчай, девица... Кадка уважения к себе требует... Иди-ка, лучше, глянь, што там бабушка вкусненькое варганит. Да подсоби ей... Увидишь, как она обрадуется.

Четырёхлетняя внучка вприпрыжку помчалась в дом, выполнять ответственное поручение. Дед подхватил за бока кадку и понёс её в сарай. Шурка потащил следом ящик с инструментами.

— Деда, а что, кадка живая что ли? — спросил внук.

— А ты сам-то как думаешь? — Дед хитро прищурился и подмигнул Шурке. — В народе про неё так и сказывают: «В холодных сенцах попадья тремя кушаками подпоясана».

— Знаю, знаю! Я теперь знаю! У нашей кадки родня есть! — заверещал Шурка.

— Што ты знаешь? Какая родня?

— Кадушки в кладовке! Вон их там сколько! Это же, получается, кадкины детки? Да? — спросил Шурка и обрадовался своему открытию.

— Вона как ты смекнул! Молодца, Ликсандра, — похвалил дед.

— А ушаты в кладовке и деревянные лагушки на кухне это маленькие родственники кадушек! — не унимался Шурка.

Веселье охватило деда и внука. Вспомнили про деревянную лахань, в которой купали маленькую Наташку. Лакань вместе с ушатом тоже были похожи на кадку. Отличались только размерами.

На весёлый шум пришёл Костя. Узнав о чём идёт разговор, добавил:

— Старые люди сказывают, что кажная клёпка в кадке колено означает.

Шурка удивился познаниям своего убогого дядьки. «И откуда он это знает? Он, ведь, даже в школу никогда не ходил». Впрочем, ему самому только предстояло этой осенью пойти в первый класс.

— Никакого колена у клёпок нет. Они вон какие ровные и гладкие, — робко возразил, на всякий случай, Шурка. Он уже знал, что в словах старых людей всегда бывают скрытые смыслы. Сразу их не поймёшь. Поэтому он с утра до вечера мог задавать своему деду вопросы. Ему очень хотелось всё знать.

— Колено, Ликсандра, энто время от отца к сыну, — сообщил Шурке дед Павел.

— Понял теперича? — спросил Костя и постучал указательным пальцем в Шуркин лоб. Шурка промолчал, потому что ничего не понял.

— Сын родился и новое колено почалося. Вот так-то... А когда вырос и встал крепко на ноги, когда своего сына родил, почитай новое колено пошло. Испокон веку так устроено, — принялся рассказывать дед Павел. Говорил он неторопко. В его словах чувствовалась доброта и уважение к маленькому собеседнику.

Теперь Шурка стал, вроде бы, понимать новый для себя смысл слова «колено». Он даже уловил связь между словами «колено» и «поколение». Заметив интерес в глазах внука, дед продолжил рассказ.

— В стародавние хорошие времена каждый сын почитал не тока отца и деда... Он знал прадедов... От них сила духа и мудрость к нему шла... Сказывали, што умные люди четырнадцать колен в своей памяти держали... Почитали всех... В церкву ходили за ихний упокой молиться...

Слушать рассказы деда было большим удовольствием для Шурки. Новые знания делали своё дело. Он ощущал, что каждый раз, после разговоров с дедом, становится взрослее и понятливее. Каждый раз он удивлялся огромным познаниям своего наставника. Привязанность к деду Павлу и доверие к нему придавали ему уверенность. Он чувствовал, что не одинок и не беспомощен. Рядом с ним всегда был сильный духом и умом дед Павел, даже когда его не было рядом. Улица Степная и вся остальная Анжерка — это была территория его родного деда. У Шурки не было сомнений, что дед был здесь самым главным, самым справедливым, самым добрым человеком. Беззащитным здесь быть Шурка никак не мог себе позволить. У него есть надёжный защитник!

— Посчитай-ка, Ликсандра, сколько колен у нашей кадки, — услышал просьбу деда заслушавшийся Шурка. Далеко ходить не понадобилось. Кадка красовалась в центре сарая. Малец обошел вокруг неё, дотрагиваясь рукой до каждой клёпки. Раз, два, три, четыре...

— Тринадцать штук!

— Чего брешешь! Считать научись! — возмутился Костя. Шурка быстро пересчитал.

— Теперь четырнадцать оказалось!

— То-то!

— Деда, это получается, что наша кадка четырнадцать поколений обозначает?

— Стало быть, так оно и получается, — ответил дед. Потом почему-то вздохнул и продолжил, — Тока пять колен помню: отца, деда, прадеда и ещё двух пращуров. Память всех уже не держит... А церковные записи не сохранились при нынешнем начальстве... Помню, один из моих дедов Филипповых военным комендантом в Кузнецке служил... Давно это было... При императоре Александре Втором... Он дедом приходится императору Николаю... Ну, тоже Второму... Я ему присягу когда-то давал... В аккурат перед Первой войной с германцами...

— А меня пацаны на улице Филиппком дразнят.

— Пуцай дразнят. Ты и есть Филиппок. Это не может обижать. Многих дюжих казаков так звали... Род Филипповых издавека идёт. Мы пришли в энти земли порядок наводить после ордынцев... От Кузнецка и от Томска корчевали тайгу вдоль речек и торговых путей... под пашенные земли... Опосля казачьи атаманы крепкими крестьянами стали в тутошних местах...

— Так ты тоже крестьянин, что ли?

— А как же! Кто крест свой честной без ропота несёт, того земля и кормит. Тот и крестьянин.

Шурка залез рукой под майку и нащупал на груди крестик, подвешенный на суровой нитке. Тем временем дед продолжал:

— Окромя Филипповых, здешнюю тайгу обживали Черновы, Павловы, Ильины, Курнаковы, Мандрыгины... Всех уж не упомнишь нонче... А энто и есть наша родня со своими коленами... Тыщу церковей постановили по всей Сибири... До самого окяна... До Тихого... Кресты поклонные крепко стояли... Пока молились, божья помощь не оставляла сиротами...

— Деда, а ты на окян меня свозишь?

— Вырастешь, сам на всех окянах побываешь!

***

Всё, о чём говорил дед Павел, Шурка поймёт своим умом потом. А сейчас он понял лишь одно: большая и сильная родня у него, благодаря Павлу Васильевичу Филиппову.

— Дак, получается, что кадка про родню напоминает? Ажны до четырнадцатого колена? — спросил Шурка, когда дед закончил рассказ.

— Кадка-то напоминает, а вот мы короткую память в моду взяли... Любить друг дружку как следует не умеем... Прости нас, Господи, — дед Павел вынул из под рубахи нательный крестик на суровой нитке и поцеловал его, трижды перекрестившись.

В сарай заглянула маленькая Наташка и сообщила:

— Баба к столу зовёт! Мы с ней пироги испекли.

Мужчины трёх поколений, маленькая часть большой родни, повиновались призыву и последовали в дом, где дожидалось угощение за их богоугодные труды.

***

— Деда, а что в жизни самое главное? Самое главное-преглавное! Ну, во всей-всей жизни!?

— Пока мал, пока растёшь, усё вокруг тебя главное... Учись, Ликсандра, каждый день. Малое замечай, а большое само придёт... Как на ноги встанешь, своим умом жить будешь, сам поймёшь...

Перед тем, как войти в дом, дед остановился, присел перед внуком на корточки и сказал ему взрослые слова: «Родня это непобедимое войско... В каждой семье свой генерал и верные ему солдаты... Солдат должен соблюдать своё место».

Глава 14

Черёмуха

К Филипповым на Степную регулярно приходили племянники деда Павла по линии Курнаковых. Володька, так прозывала его баба Поля, был старший из всех. Когда он в шахте попал в аварию, ему повезло. Остался живым. Оторвало лишь палец на левой руке. Но он хорошо управлялся и без него.

Каждый раз он делал Шурке новые рогатки из черемуховых веток. Догадывался, что рогатки часто терялись и рвались. Слава богу, ходить далеко за рогатулями не надо. Две больших черемухи росли в палисаднике под окнами. Хоть миллион рогаток можно сделать.

Весной, когда на них распускалась густая листва, деревья заслоняли окна и в дальнюю комнату не пропускали свет. Несколько раз хотели спилить, но дед не позволял. Говорил, что не время ещё.

В мае, когда наступало временное похолодание, черемуха буйно цвела. Ягод эти деревья давали много. Во всей Анжерке не сыскать было таких, кто бы не любил черемуху.

В конце лета Филипповы заготавливали её всем миром. Шурка залазил на дерево и брал крупную ягоду наверху. Внизу Костя с Тamarой и бабушка Поля с маленькой Наташкой брали только ту ягоду, до которой можно было достать.

— Вон, вон ту нагни-ка, — просила бабушка. Шурка, обхватив толстый ствол ручонками и вытянув подальше в сторону ногу, пригибал к земле нужную ветку.

Помогать приходил Толька Роженцев. Он залазил даже выше Шурки. Приходили Тамарины подружки-соседки: Галка Никулина, Вера и Нинка Елищевы. Они больше хохотали, чем ягодой занимались.

К концу сбора, развеселые, показывали друг другу свои черные языки и зубы. Во рту от оскомины было не повернуть языком. Урожая набиралось почти целое эмалированное ведро.

Потом собранную ягоду тоненько раскладывали на железных противнях и сушили в духовке. Хватало на всю зиму, до самой Пасхи и даже до Троицы.

***

В доме Филипповых регулярно отмечались церковные даты. — А ну вставайте, окаянные! — баба Поля заглядывала во все комнаты и будила домодчадцев. — Хозяин уж в церкву сходил, а они всё дрыхнут!

Шурка вскочил первым. Оделся. Брызнул на лицо воды из рукомойника. Мокрыми ладонками пригладил волосёнки на голове и оказался рядом с дедом.

Дед Павел, как обычно, принес из церкви тоненькие свечки. В большой комнате в Красном углу висела икона. Под ней на полочке стояла масляная лампадка.

— Ну-ка, Ликсандра, подсоби мне. Пущай Богоматерь увидит наши с тобой труды.

Уговаривать Шурку не надо. Рядом с дедом он готов был на всё. Во всей Анжерке ни у кого нет такого верного друга и надежного защитника!

Дед разжег лампадку. От неё — одну из свечек. Протянул внуку. Потом раскрыл свою заветную книгу и стал тихонько вычитывать из неё малопонятный для Шурки текст.

Шурка чувствовал, что в книге написали для деда что-то очень важное. Как ни старался, не мог разобрать, про кого он там читает. Лишь смотрел завороженно на язычок пламени и твердил себе в уме: «Я тоже научусь читать такую книгу». Когда дед стал переворачивать страницу, Шурка сообщил ему:

— Она капает прям на пол! — Тоненькая свечка быстро таяла. Чтобы не обжечься, Шурка наклонил её.

— Пущай капает, — разрешил дед.

— Ить, краску попортит! — Шурка носком ботинка сталковыривать на полу застывшие капли.

— Пущай попортит. Это слёзки наши грешные капают перед Заступницей. — Дед указал рукой в сторону иконы.

Шурка согласился бы стоять вот так вечно, рядом со своим добрым и мудрым дедом. Огонёк горит, слёзки капают, дедушка бормочет...

Никто не смел нарушить благопристойность в эти ответственные минуты. Даже Наташка со своей куклой исчезала из поля зрения. В доме свято почиталась дедова молитва.

***

Шурка ещё раньше заметил, что Богоматерь за белыми занавесочками держит на руках такого же парнишку, как он.

Случалось, когда никого не было рядом, Шурка подставлял табуретку и внимательно изучал цветное изображение. Ему казалось, что женщина похожа на его маму. И платок такой же, как у неё.

— Деда, а кого Богоматерь прижимает к себе? — спросил Шурка, когда свечка догорела у него в руке, а дед закончил молитвы.

— А ты присмотришься получше... Тебя она и прижимает.

— Так, ить, не похоже!

— А ты получше приглядишься.

***

Перед очередным праздником Дед Павел толок сушеную черемуху в медной ступе. Дал и Шурке поучиться этому ремеслу.

— Черёма в доме, Ликсандра, для радости и пользы...

Баба Поля с вечера заварила в кастрюльке черёмную толчёнку крутым кипятком, добавила сахарного песка и топленого молока. Оставила на припечке созревать.

— Завтра Микола Зимний, — многозначительно и непонятно прошептала внуку на ухо бабушка.

Шурка всю ночь не мог как следует уснуть. На цыпочках, когда весь дом погрузился в глубокий сон, пробрался на кухню. Нашупал в темноте заветную кастрюльку и попробовал на вкус сказочную «черёму» для праздничных пирогов. Облизывая па-

лец, так же на цыпочках, возвратился назад. И так несколько раз. Наконец, уснул...

Проснулся, когда дед с Костей гремели уже на дворе, отворяя на окнах ставни. Обнаружил, что аромат пирогов уже наполнил весь дом. Проспал! На столе стоял желтый эмалированный таз, наполненный доверху румяными пирожками. Баба Поля собралась вынимать из печки последнюю партию.

— Ну што? Не выспался, сорванец? — обратилась она к внуку, прищутив свои острые пытливые глаза. Шурка стоял перед ней в трусах и майке и тёр кулачками сонные глаза.

— Баба, дак ить, я, того, — Шурка пытался сообразить, догадалась ли она о ночной «черёме».

— Иди, умывайся! — добродушно велела она ему. — Налей-ка в рукомойник тёпленькой, — сказала Косте, вернувшемуся со двора...

Через минуту Шурка стоял умытый и одетый подле бабушки. Она смазывала вынутые только-что из печи, огненные пирожки растопленным коровьим маслом.

— Хошь попробовать?

— Ага...

Бабушка протянула ему куриное крыло для смазывания.

— Кунай перья в масло и тихонько гладь. Сперва бока... Бока, говорю, сперва! Вот, вот... теперича мажь верх!

Шурка, высунув язык, старательно водил масляным крылом по пирогу. Он на глазах делался румяным. В дом вошел дед, снял шапку и тужурку. Перекрестился. Увидев Шуркино усердие, одобрительно произнес:

— Ликсандра у нас молодец. Из него толк выйдет!

***

Домочадцы готовились встречать гостей.

— Обещались Павловы с Хип-Хаба и Ильины с Третьей Андреевской, — сообщил дед. И добавил: — Можа кто и из Курнаковых будет.

— Ура, ура-аа! — громко завопил Шурка и принялся скакать вокруг бабы Поли.

— Чего орёшь-то? Как резаный... Боженька накажет! — Бабушка поймала Шурку за руку и стала отчитывать: — Ишь, вольный какой!

***

Дед Павел уважительно относился к многочисленной бабушкиной родне. Все парни и девки были там работающие. Всё умели и всё у них получалось, за что бы не брались.

И глава семейства Курнаковых, и глава семейства Ильиных рано умерли. Вдовы матери растили детей в нужде, но сдюжили с божьей помощью. Так сложилось, что дед Павел стал для них опорой. Помогал, чем мог. Все тянулись к нему, как к отцу родному.

В Анжерке множество семей пережили такую же участь. Отцы погибли на фронте или вернулись домой инвалидами. Отцы гибли в шахтах или становились инвалидами. На плечи матерей ложились непомерные для любой женщины заботы. В лихие времена вся Анжерка привыкла держаться на милосердии людей друг к другу, на взаимопомощи без всякой корысти.

Шурка не мог думать об этом. Мал ещё был. Сейчас Шурке не терпелось попробовать пирожок с черемухой. Уже не оставалось никаких сил. Он ушел с кухни, от греха подальше. А то бы можно было невзначай получить здесь подзатыльник от кого-нибудь из взрослых. Знал, что трапеза начнется тогда, когда усядутся все гости и дед Павел пройдет во главу стола...

В дальней комнате Шурка увидел на столе газету и бережно развернул её перед собой, как это делал дед Павел. Он уже знал все буквы и умел читать по слогам жирный шрифт.

— БОРЬ-БА ЗА У-ГОЛЬ, — прочитал Шурка вслух.

— Вона ты где, помощничек! — воскликнула бабушка, заведя внука. — Деда велел передать тебе награду за старания. — Бабушка протянула Шурке пирожок. — На-ка, попробуй! А то ищщё не скоро за стол усядутся...

Шурка откусывал бережно, чтобы не уронить на пол ни крошки. Жевал неторопко. Сразу проглатывать не хотелось. Вкуснее «черёмы» в этот миг не было ничего на свете! Ему нравилось стараться для деда.

***

Пока собирались гости в доме Филипповых, Шурка выбрал момент.

— Деда, а что, боженька может меня наказать?

— Он никого не наказывает... Он любит всех... Каждый наказывает себя сам.

— Как это так? — удивился Шурка. Он даже на миг представил в этот момент, как сам пытается попасть широким ремнем по своей попе.

— Как што худое затеял, так и наказание сразу заработал... Боженька такую справедливость людям подарил. Сказал, мол, пользуйте мой закон...

Глава 15

Наташка пропала

Однажды летом тетка Фешка Никулина пошла в город с кирзовой сумкой, видимо, на базар. Наташке было годика три и она, прихватив с собой тряпичную куклу, увязалась за Фешкой. Люди сказывали потом, что видели их вдвоем. Они, дескать, пошли по Федоровскому проулку в центр...

— А где Наташка? — наконец, уже к вечеру спросила у внука баба Поля. Шурка пожал плечами:

— Откудава мне знать? — попытался он увильнуть от ответа. — Она с тётъ Фешей в магазин зачем-то пошла. Ещё днем...

— Дык, Фешка-то вон, у себя в огороде курей гоняет... с грядок, — сообщил Костя, глядя в окошко.

Бабушка вышла на крыльцо и громко окликнула соседку:

— Фиёна, а Фиёна! Фешкааа! Куды ты нашу дитя, надысь, увела?

— Кто? Я што ли? — выглянула из курятника соседка.

— Ну, а кто ж акромья тебя? Усе видели тебя с нею. А ну, признавайся подобру-поздорову! — грозно наступала баба Поля.

— Она пошла, было, за мной... А коло водокачки отстала. Сказала, што устала и пойдет назад...

Шурка с Костей стояли рядом с бабушкой и слушали этот разговор в надежде хоть что-нибудь узнать.

Тут баба Поля схватила Шурку за ручонку, развернула к себе и строго посмотрела в глаза. Тот, действительно, ничего не знал. Забыл совсем, что Наташка должна была быть весь день в его поле зрения.

— Ах ты варнак! Стрешный бы тебя побрал! А ну-ка бегом! Одна нога здесь, другая там! Да што же это делается! Да за што ж такая напасть! — запричитала бабушка.

Шурка кинулся на улицу. За ним кинулись все, кто был в доме. Всполошились Русановы, Забегаловы, Федоровы... Ребячню бегала по Степной и все почему-то радостно кричали:

— У Филипповых Наташка пропала! Наташка куда-то делась! Пропала, пропала!

Дед Каменский вынес на улицу свою табуреточку, сел удобно, закурил папироску. Всем, кто бегал туда-сюда мимо него, участливо советовал, мол, где бы надо еще поискать.

Переискали везде: в огороде, на сеновале, в курятнике, в стайке. Костя даже залазил в подпол. А чего туда было лезть, когда там только закрома с картошкой, да посередине на земле две фляги с бражкой?

Шурка, тем временем, успел сбегать до водокачки и до Девятнадцатого магазина. Наташки не было нигде. Продавщица Тетя Тася Роженева велела ему сбегать к деду Павлу на Конный двор. Побежал во всю прыть туда.

Дед отложил свои бумаги на столе и из своего кабинета стал звонить в милицию, обсказывать ситуацию. Малец стоял виноватый перед ним и переживал как мог. Дед потрепал Шурку по голове и сказал:

— Ступай домой. Скажи им, что найдется девчонка. Никуды не денется... Ангел она ещё... Своя земля не чужбина... На ей не пропадём.

В это время Шуркина мама пришла с работы и собралась, было, бежать в медучилище. Она училась там на вечернем.

— Галя, Наташка куды-то пропала, — обеспокоенно сказала ей бабушка.

— Как это про-па-ла? — удивленно переспросила мама и схватила бабу Полю за плечи, требуя ответа.

— Дык, хто её знат...

— Упёрлася без спросу, — добавил Костя и встал, на всякий случай, у открытой двери.

Когда Шурка прибежал с Конного двора, около дома Филипповых уже собрались соседи. Судачили. Бабка-партизанка из дома Терентьевых стояла у своей калитки и что-то бормотала своим басом себе же под нос. Слышно было, что материлась.

В доме уже началась паника.

— Не углядели! Девочку мою не углядели... Как вам всем не сты-ы-ы-дно... Трехлетнего ребеночка бросили! И-и-ии! — пронзительно голосила мама.

Шурка не решился заходить в дом. Незаметно залез в канаву под терентьевскими бревнами и затаился. Там было покойно. С улицы еле доносились приглушенные голоса. Прислушавшись, Шурка угадал, что дядя Коля Роженцев завел свой мотоцикл с коляской. Газуя и урча, выехал со двора. Шурка тихонько выглянул из укрытия и увидел, как сосед Роженцев повёз его маму в конец улицы. Из под свежееотёсанных бревен было не очень-то слышно, что творится снаружи. В его укрытии пахло ёлкой и Новым годом... Под брёвнами лежать на земле было тепло и уютно. Хоть и переживал за пропавшую сестрёнку, но отчаяния не ощущал. «Своя земля не чужбина» — вертелась в Шуркиной голове непонятная мысль деда.

Сколько прошло времени Шурка не мог знать, как вдруг в небе послышался нарастающий шум аэроплана. Он выбрался из убежища. На улице уже никого не было. Соседи разошлись. Ребятню разогнали по домам. Настало время ужина.

Аэроплан летел со стороны заходящего солнца и его невозможно было увидеть. По звуку Шурка определил, что он уже над татарским кладбищем и приближается к Степной. Сейчас он полетит над улицей на низкой высоте, чуть выше электрических проводов. Малец побежал навстречу и стал приветливо, как обычно, махать пилоту. Самолёт взревел над Шуркиной головой. Лётчик в шлемофоне тоже махал рукой. Машина, покачивая крыльями, полетела в конец улицы к озеру и далее за насыпью, над Петропавловской церковью, на свой аэродром.

Шурка побежал за самолётом и увидел в Мамонтовском переулке милиционера. Он был похож на молодого деда Павла. Такие же усы. На руках он нёс Наташку. Она была чумазая с головы до ног. Не хватало одной сандали. У куклы оторвана

голова. В руках держала карамельного петушка, которого успе-
ла уже обсосать наполовину.

Шурка кинулся к милиционеру.

— Наташка! Это наша Наташка! Где вы её нашли?

— Твоё дитя? — спросил старшина.

Можно было не отвечать. Наташка выскользнула из рук ми-
лиционера на землю и протянула брату петушка на палочке.

— Тут ещё много. И тебе хватит, и маме...

— Пошли быстрее домой! — Шурка схватил сестрёнку за
ручку и потащил от милиционера.

— Стоять! — приказал усатый старшина. — Где ваш дом?

— Да вон там, — Шурка стал показывать.

— Пойдём вместе. Надо вас сдать.

— Ох и влетит мне сегодня, — сказал Шурка. Не то испугал-
ся, не то обрадовался.

Глава 16

Дядя Миша

Михаил – старший из пятерых детей Павла Васильевича Филиппова и Пелагеи Даниловны Черновой. Рядом с ним прошло Шуркино анжерское детство.

Дед Павел общался с сыном Михаилом как с мужчиной, равным себе. Дядя Миша редко бывал в Анжерке. Он жил со своей семьёй в далёкой Киргизии. Поэтому Шурка знал о нём по рассказам взрослых. Позже, когда Шурка сам станет взрослым, он узнает про дядю Мишу, про секреты и тайны его биографии, о которых никто не знал. Они станут на долгое время друзьями.

Повесть про деда Павла будет неполной, если не рассказать, хотя бы кое-что, про дядю Мишу. Михаил Павлович Филиппов внёс достойный вклад в славную трудовую биографию города Анжеро-Судженска и Шуркиного Отечества.

***

Первый раз Шурка увидел дядю Мишу на летних каникулах после первого класса. Он запомнил и полюбил его на всю оставшуюся жизнь.

– Ну-ка, племян, покажи мне, как ты веломашиной управляешь? – окликнул дядя Миша Шурку, который возился во дворе со своим «Школьником». Обслуживал, как научил его дед Павел: смазывал цепь и втулки солидолом при помощи лучины.

– Дяй Миш, да я уже Наташку могу возить на раме. Могу показать! – живо отозвался Шурка.

– Ты подумай! Молодец! Давай-ка глянём.

– Я до озера и обратно за минуту стоняю!

В это время Наташка, как бы случайно, оказалась рядом. Она всегда появлялась незаметно в нужном месте. Шурка вывел свой новенький «Школьник» со двора на лицо. Наташка

— Энто... всё одно, что молодой листок на ветке огромного дерева.

Шурка смотрел в добрые глаза деда и ожидал более понятных разъяснений. Но разъяснений не последовало. И Шурка понял, что мудрый дед, как часто бывало, предоставил ему возможность самому разобраться в сказанном.

Это обстоятельство придало мужскую уверенность в своих собственных детских силах. Хоть умом и не понял, зато ощутил нутром тайную связь между словами «племяш», «листок» и «огромное дерево».

***

Вся анжерская родня гордилась Михаилом Павловичем Филиповым. Никто ни разу не слышал от него худого слова. Во время войны он работал на машзаводе начальником цеха. Завод делал для фронта военную продукцию. В основном, производили мины и бомбы. Люди работали по двенадцать часов в сутки. У станков стояли женщины и девочки-подростки. Среди них была младшая сестра дяди Миши Татьяна. Они вдвоём были кормильцами семьи Филипповых. Приносили домой продовольственные пайки. Главу семьи — деда Павла — призвали в армию. На фронт не отправили из-за возраста. Поручили охранять пересыльных пленных немцев на станции Тайга. Баба Поля иногда навещала его. С маленькими детьми, на попутных подводах и случайных грузовиках, по лесным и проселочным дорогам она преодолевала сто километров пути.

Дядя Миша в эти годы освоил многие заводские профессии и стал хорошим специалистом. Руководство завода высоко ценило его способности. Военное ведомство не раз вручало ему награды. Поэтому после войны его отправили на секретный завод в Киргизию.

***

Прошло несколько лет. И вот однажды дядя Миша приехал в Анжерку из Киргизии с сыном Вовкой и со своей женой тё-

тей Юлей. Вовка оказался для Шурки двоюродным братом. Он уже перешел в четвертый класс и был заметно взрослее Шурки. Вовка умел хорошо стоять на руках, потому что в своей Киргизии он занимался гимнастикой. Шурка попробовал, но у него не получилось. «Когда вырасту, тоже научусь так же», заверил себя Шурка после тщетных попыток.

В этот раз, как впрочем и всегда, в доме Филипповых поселилось много народу. Приезд дяди Миши ожидали и готовились к нему. Дядя Миша приезжал в отпуск не шляться по гостям и отдыхать, а для того, чтобы оказать помощь своим родителям. Надо было помочь накосить сена для скотины и птицы. Надо было помочь починить на доме тесовую крышу. Дополнительные умелые руки и мужская сила в хозяйстве нужны каждый божий день. Мало ли для чего!

Шурка с мамой и Наташкой тоже приехал в Анжерку. Этой весной они зачем-то переехали жить в Сталинск. Шурка долго не понимал и даже не задумывался о том, почему мама увезла его и маленькую сестрёнку из Анжерки. Дом Филипповых на Степной без них опустел.

***

— Мы ехали сюда на паровозе. Целую ночь и пол дня! — похвастался Шурка при знакомстве с Вовкой.

— А мы ехали четыре дня и три ночи! — ответил Вовка. Шурка с тревогой почувствовал явное превосходство двоюродного брата над собой.

Вовка Филиппов, на самом деле, оказался надёжным другом. С ним можно было ходить купаться на озеро без опаски. Там, обычно, власть держали пацаны с Шестой колонии. Шурка, чаще всего, ходил с Толькой Роженцевым и с Володькой Забегаловым. Но они ещё не могли давать серьёзный отпор чужакам. Другое дело — Вовка Филиппов.

Когда пришли первый раз на озеро, Вовка быстро разделся, нырнул прямо с берега, и в размахку переплыл озеро туда

и обратно. Когда вылез из воды, пацаны с Шестой колонии увидели у него мускулы на руках и на животе. Он был хорошо загорелым и подстриженным под полубокс. Мокрый Вовка сделал стойку на руках и прошёл вдоль берега вверх ногами. Пацаны окружили его, стали спрашивать «кто такой», «откуда», «где так научился». Задираться не стали, на всякий случай.

— Это мой брат! — протиснулся в круг Шурка и важно объявил всем присутствующим.

— Ишь ты, какой он у тебя ловкий! Драться, видать, тоже может! А он будет за нас? — раздался голоса.

— Будет! — пообещал Шурка и добавил: — будет, если я ему скажу.

В это лето, когда пацаны со Степной шли купаться, звали с собой Шурку. Конфликты между Степной и Шестой колонией временно прекратились.

***

У дяди Миши один глаз не видел. Но посторонние люди не догадывались об этом. Глаза как глаза. Баба Поля рассказала Шурке как-то раз, что глаз ему выбили лыжной палкой. Когда он был ещё пацаном и зимой катался на лыжах с насыпи в конце Степной, кто-то кинул ему вслед палку с остриём. «Лови, Мишка» крикнули ему. Он обернулся и палка воткнулась ему прямо в глаз. В горбольнице сделали операцию.

Надо сказать, что Анжерская горбольница была знаменитой во всей округе. За сто вёрст сюда привозили больных. Вылечивали всех. Но глаз у дяди Миши, всё-таки, видеть с тех пор перестал.

***

В начале прошлого века в Анжерке началась механизированная добыча угля. Анжерские и Судженские копи создали возможность двигаться грузовым и пассажирским поездам от Балтийского моря до Тихого океана и обратно без остановок.

Анжерка со своим каменным углём стала надёжной топливной базой Российской империи. Более того, отсюда уголь поставляли даже в Европу.

***

Анжерские лошади трудились глубоко под землёй в шахтерском городке в середине Великого Паровозного Пути между Москвой и Владивостоком. Дед Павел застал те времена, когда шахтеры не могли обойтись без лошадей.

— Немного угля подняли бы без лошадиных-то сил! — часто слышал Шурка в доме Филипповых.

На конном дворе дед Павел мастерил упряжь, шил конскую сбрую, заготавливал сено, чинил телеги. Готовил лошадей для подземных работ в угольных шахтах.

— Делались непригодными через пару лет. Век у них был короткий. — Дед рассказал о том, как изработанных животных выводили на поверхность для списания.

— И чо потом с ними делали?

— Ни чо... На мясокомбинат сдавали. — Дед скручивал сигарку, раскуривал её, не спеша затягивался и выпускал дым из обеих ноздрей. Дом наполнялся ароматом табака. Шурке нравился этот запах. Он любил слушать деда и считал его самым лучшим мужчиной в его жизни. — На свету лошадки зрение свое теряли... Ко тьме привыкшим свет не мил.

Дед Павел грустно закончил свой рассказ.

Шурка застал то время, когда в городе вместо машин использовался гужевой транспорт. На лошадях в Анжерке возили продукты в магазины и всякие грузы для населения: зимой на санях, летом на телегах.

Однажды, когда Шурка катался с пацанами по городу на велике, он увидел большие ворота с надписью «Мясокомбинат». Буквы резанули по глазам. На ходу он успел разглядеть в глубине огороженной территории мрачное здание из темно-красного кирпича. Из высокой железной трубы шел густой черный

дым и заволакивал синее небо. Клубы дыма в вышине были похожи на фигурки лошадей.

***

Для обслуживания и ремонта заграничного шахтного оборудования в Анжерке создали механические мастерские. Император в эти годы лично курировал работу на железной дороге в городе Томске и на станции Тайга. По его указанию в Анжерских мастерских открыли литейное производство для изготовления вагонеток и металлоконструкций. В Судженских мастерских наладили капитальный и текущий ремонт паровых и подъёмных машин, шахтовых клетей и гидравлических насосов для откачки вод.

Дядю Мишу, когда ему исполнилось шестнадцать лет, приняли на работу на механический завод. Он быстро освоился. Узнал секреты металлорежущих станков. Овладел даже литейным делом. Стал приносить родителям зарплату. С каждой полочки покупал подарочки для мамы и для старшей сестрёнки Татьяны. Она в то время уже ходила в девках. Дед Павел уважительно называл его «Михал Пальч».

Таких способных ребят, как дядя Миша, без отрыва от производства направляли на курсы мастеров социалистического труда. Вскоре Михаил Павлович Филиппов стал мастером литейного цеха.

Когда началась Великая Отечественная война, дядю Мишу на фронт не взяли. У него один глаз, как мы уже знаем, был незрячим. Через некоторое время механический завод стал машиностроительным заводом «Свет шахтера». С Украины приехали инженеры и привезли с собой станки и оборудование. Но рабочих рук не хватало. Молодые анжерские парни массово уходили добровольцами на фронт. Дядю Мишу поставили начальником цеха. Простыми рабочими на машзавод принимали анжерских девчонок. Дядя Миша привел к себе в цех свою сестрёнку тётю Таню.

Баба Поля рассказывала Шурке, что во время войны она почти не видела своих детей. Они работали чуть ли не круглые сутки. Бывало, поспят около станков и опять работают. Начальник цеха был и грузчиком, и чернорабочим, и станочником. Чего девчонки не могли сдюжить, дядя Миша тут же оказывался рядом. Не жалея сил, работали дружно. Всем миром ковали Победу.

После войны «Свет шахтера» стал самым знаменитым заводом в стране по производству горно-шахтного оборудования. Дядя Миша изобретал и усовершенствовал механизмы для подземной работы.

***

— Деда, а правда, что ли, дядю Мишу даже за границей знают? — спросил как-то раз Шурка.

— Хтой-то тебе энтэ сказывал?

— Вовка хвастался.

— Что правда, то правда, — отвечал дед. — Тока не самого его, а его изделия с машзавода... До сих пор разбирают нашу продукцию всякие инородцы... Везут из Анжерки по всему миру... Сами, видать, не могут делать... Не справляются. Приходится помогать...

***

Потом дядю Мишу отправили в Киргизию на новый завод. Там в горах добывали не уголь, а какую-то секретную руду. Мастер из Анжерки делал оборудование для тамошних рудников.

Шурка, когда вырос и пошел в школу, много раз пытался узнать у взрослых родственников про дядин Мишин завод. Но никто толком не знал. От этого, в Шуркиных глазах, дядя Миша стал ещё более важной фигурой.

— Михаилом его нарекли в церкви. И силу ему дала церква. — Сказал как-то раз дед Павел, когда Шурка помогал ему подшивать прохудившийся валенок.

— Колокола у церкви сильные! Далеко слышать, — похвалил Шурка.

— Церква, Ликсандра, это человеки с крестом... В человеках ангелы с бесами борются... Ангелы силу им приносят небесную...

Внук не мог в свои пять лет понять смысл таких слов. Обладая с рождения способностью фантазировать, он представил в этот раз огромный сундук до самого неба. А там, под крышкой находилась сила. Ангелы раздают её всем, кто в церкву приходит. А как выглядит сила, представить не смог.

— У дяди Мишиного Вовки тоже есть сила! — поделился Шурка своими знаниями.

— Всем мужикам нашим Господь силу даёт... Неодолимую, — продолжал дед. — Михаилом нарекают для того, чтоб на Бога был похож... Что бы мог всё угодное осилить... Тока надобно не забывать молиться.

Дед Павел перекрестился. Затянул последний стежок. Обрезал своим острым ножом кончик просмолённой дратвы. Поставил на пол перед Шуркой ладно подшитый валенок. Стали собирать инструменты и приводить себя в порядок после работы. На столе бабушка Поля уже готовила для всех вечерний чай из смородины и сушеной морковки.

***

Каждый раз, когда дядя Миша летом привозил из Киргизии в Анжерку своего сына Вовку, Шурку переполняла гордость. Он становился самым смелым на Степной улице. Никого и ничего не боялся.

Глава 17

Лунатик

Однажды Шурка узнал, что он лунатик. А дело было так. Парни Курнаковы, Кислухин дядя Гера и Виктор Щербаков дня на три поехали на своих мотоциклах порыбачить на Яю. Заодно и пострелять рябчиков.

Шурка хитрым способом увязался за ними. Пока шли сборы, он спрятался в люльке среди поклажи. Обнаружили его, когда добрались до места. Решили оставить мальчика. Ну, не возвращаться же!

Надо сказать по секрету, что Кислухин заранее договорился с дедом Павлом взять с собой парнишку. Но об этом никто не знал, даже Шурка.

***

Дядя Володя Курнаков сделал под его рост удочку. Показал Шурке, как надо червяка цеплять. У него ловко получалось. Он клал на ладонь, как в лодочку, темно красного проворного червяка. Такого просто так на крючок не нацепишь! Другой ладонью дядя Володя гулко прихлопывал лодочку. Червяк переставал на некоторое время извиваться. Секунды хватало, чтобы проткнуть его крючком на всю длину. Рыба в детские годы Шурки не была дурой. Если увидит плохую наживку, не возьмет.

Ловилось хорошо. Течение в этот раз было сильное. Речка еще с весны хорошо наполнилась. В заводях клевал пескарь и ёршик для ухи. Окунька можно было поймать подальше, на стремнине. Но Шуркина удочка туда не доставала.

Посередине речки, еще с прошлых лет, во время молевого сплава образовался основательный затор из бревен. Быстрое течение уже не могло разметать образовавшийся остров. Курнаковы были крепкими мужиками. Дядя Володя и Геннадий, преодолев стремнину, забрались на затор и стали забрасывать снасти оттуда. Вокруг них речка бурлила и пенилась.

Шурка в это время ловил у берега пескарей да сорожек. Колючие ерши тоже попадались. Рыбачок мечтательно глядел на середину. Там на заторе взрослые рыбаки вели настоящий промысел. Своими большими удочками парни Курнаковы ловко подсекали жирных окуней. Попадались даже шурята.

Течение реки кружило голову. Бревенчатый остров раскачивался на быстрой стремнине. Пенилась набегающая волна. Мальчонке грезилось, что над рекой мчится корабль с мачтами. Светлые рубахи мужиков казались парусами. Плавать как следует Шурка еще не умел. А то бы тоже переплыл к ним!

***

Тем временем Виктор Щербаков с дядей Герой Кислухиным заканчивали обустройство лагеря для ночевки. Из березовых жердей соорудили каркас. Обложили сверху донизу еловыми ветками. На берегу получился просторный шалаш задом к лесу, передом к речке. Устлали внутри сеном. Притащили из лесу сухое дерево. Ловко нарубили дров. Сделали кострище. Вбили посередине две рогатины. Потом, когда толстые бревёшки прогорят, на рогатины положат березовую жердь с подвешенным котелком и над горячими углями можно будет варить уху.

***

К вечеру свернули удочки. Наловили много. Шуркиных пескарей, сорожек и ершей отобрали для ухи. Рыбу покрупнее густо переложили желтыми цветками пижмы и свежей хвоей.

— Так она не попортится. Дотерпит до дому, — управляясь с рыбой, поучал Шурку дядя Гера Кислухин, — меня научил дядя Паша Филиппов... Твой дед, Сашок, во всём толк знает!

Шурке было приятно слышать такое про деда Павла. Дядя Гера был очень добрый. Шурка всегда тянулся к нему. Гарольд Андреевич! Так иногда величали в родне дядю Геру. Он был мужем двоюродный сестры Шуркиной мамы. Все величали её Вера Никитична, а для Шурки она была тётёй Верой. Кислухины жили в своем доме на Третьей шахте с бабой Аксиной

и Пашкой. Акси́нья Даниловна Чернова, или баба Сина, доводилась Шуркиной бабушке родной сестрой. Она была тихой и очень доброй женщиной. Тётя Сина родила Пашку немощным и неразвитым. Он был инвалид с детства, как и Костя Филиппов. Пашка не мог обходиться без её присмотра.

Маленькая Лилька, родная дочь тети Веры, была Шуркиной одногодкой, троюродной сестренкой и подружкой. Тетя Вера в школе преподавала немецкий Шуркиной маме. По выходным они вместе бегали в горсад на танцы.

— Крутить хвостом не хитрое дело, — говорила про них баба Поля.

Потом родилась Лилька. С целины приехал дядя Гера Кислухин. Стал мужем тёти Веры и Лилькиным неродным отцом. Его приняли на бульдозер в Дорстрой. Пробивал в тайге дорогу из Анжерки в Кемерово.

Пройдёт много лет и Шурка, став уважаемым мужчиной, обоснуется в Кемерове и по этой дороге будет ездить в Анжерку на могилки деда и многочисленных родственников вокруг него...

Дядю Геру все любили. Он заботился о других как о себе. Дед Павел за это его уважал и позволял бабе Поле отпускать Шурку с ночевкой к Кислухиным.

У дяди Геры был черный мотоцикл ИЖ-49. Шурка любил помогать Кислухину ремонтировать его серьезную технику. Особенно нравилось смазывать солидолом подшипники. На таком мотоцикле можно было проехать хоть куда: за грибами, за ягодами, на охоту. Иж-49 преодолевал любую гору запросто! Дядя Гера несколько раз возил Шурку по улице Просвещения на Хип-Хаб. Посадит его впереди себя на бензобаке, между своих колен, и мчит по кочкам, поднимая пыль до неба! Шурка жмёт на черную кнопку и мотоцикл «пипискает» на всю округу.

Один раз дядя Гера прокатил Шурку на задней сидухе, как взрослого! Шурка уговорил его съездить на Степную. Ему

очень хотелось лихо проехать мимо своих знакомых пацанов и девчонок.

— Тебя никто здесь не обижает? — спросил Шурку в тот раз дядя Гера.

— Не-а. Тут все добрые, — ответил Шурка, потом, на всякий случай, добавил: — только вот Фёдоровы какие-то злые и всегда сердитые. Их тут все боятся. Особенно Гытька у них драчливый.

— А что дед Павел про них говорит?

— Не связывайся с ними, говорит. У Фёдоровых порода такая с покон веку.

— Правильно говорит. Фёдоровы молодцы, раньше других в эти края пришли. Они из Нарыма все родом. Ни Томска, ни Кузнецка ещё не было, а Нарым уже был. Там воевода Фёдоров в стародавние времена Воню усмирал. Филипповы и Черновы только через сто лет здесь появились. Понял теперь?

— Как же можно воню усмирить? Вонь есть вонь. Не тронь её и она сама пройдёт! Мне баба Поля так сказывала. — Шурка оживился, поддерживая рассказ дяди Геры.

— Глупенький ты ещё! — дядя Гера рассмеялся. — Ордынского князя звали Воня! Он русского царя попытался послушаться. Воевода Фёдоров со своими казаками быстренько усмирил его.

— Чтобы другим не повадно было, да?

— Молодец, соображаешь, — похвалил Шурку дядя Гера.

Хоть и мало что понял Шурка, но после того разговора с дядей Герой на дом Фёдоровых стал смотреть с уважением. Однако, Гытьку, на всякий случай, продолжал опасаться.

***

Перед шалашом, на берегу речки шло рыбацкое застолье. Ели уху. В большом котелке над костром томился чай из смородины. Вечерело. Шум стремнины не мешал разговорам.

— А почему речку называют Яя? Две буквы всего, — поинтересовался Шурка. На его вопрос взрослые стали весело отвечать, перебивая друг друга.

— А бог его знает!

— Одна буква повторилась и в речку превратилась!

— И та самая последняя!

— Не только речку, ещё и станцию так называют. И посёлок тоже.

— Интересно, а как называть надо жителей посёлка?

Мужики стали балагурить по поводу названия. Шурке было интересно узнать правду. Дед Павел приучал его узнавать то, чего не знаешь. Говорил, мол, вникай во всё! Или умом доходи, или узнавай у грамотных людей.

А как узнать, если вокруг никто не знает? Выручил дядя Гера.

— Тут вокруг жили когда-то знаменитые охотники. Зимой в тайге соболей стреляли. Лучше них никто в мире не мог так добывать ценную пушнину, как они. Купцы за соболей огромные деньги давали. А летом охотники у речки квартировались. Рыбой кормились. «Яя» на их языке всё одно, что «лето». Они называли себя чулымцами, то есть родственниками кузнецких татар... Через триста вёрст Яя в какую речку впадает?

— В Чулым Яя течет, напрямик! Я туда на мотоцикле ездил рыбачить. По тайге километров пятьдесят пробивался. Там из Чулыма даже судак в Яю заходит! Туда наша летняя речка и течет, — вступил в разговор Виктор Щербаков.

— То-то и оно! А по-чулымски «яя» и есть «лето».

Шурка с интересом слушал эту историю. Запоминал. А в голове складывалась картина о сказочных охотниках. «Как же хорошо в Анжерке! Тут и Яя рядом», думал в это время Шурка.

— А ещё в Яе и Чулыме золото мыли. До сих пор много его тут на дне, — продолжал свой рассказ дядя Гера Кислухин.

«Он, видать, много знает разных историй! Его тётя Вера — учительница. У них в доме уйма книг», вспомнил Шурка. Он любил разглядывать книжные полки, когда бывал у них в гости с дедом Павлом.

Особенно заинтересовало Шурку золото. Пока шел мужской разговор, Шурка незаметно отлучился на берег, лег лицом к

воде и стал рассматривать песок на дне. Сердечко колотилось от предвкушения. А вдруг найдет сейчас это самое золото! Мечтательный парнишка стал фантазировать о том, как станет богатым и купит всё, что захочет. Купит себе не только ИЖ-49! Он приобретёт то, чего нет ни у кого в мире! Например, например... невидимые крылья! Нет, он купит себе небесную колесницу, как у Ильи Пророка!

***

Посидев после ухи у костра, напившись чая из листа таёжной смородины, мужики полезли в шалаш готовиться к ночевке. Утром пораньше надо было поднять рябчиков из травы на полянах. Дядя Володя и дядя Гера хорошо их били в лёт из двустволок. У Виктора Щербакова была одностволка, но он стрелял не хуже других.

Шурка устроился в шалаше между больших и теплых мужиков. Черный лес с огромными деревьями и дикими зверями был не страшен в такой компании. Еловый лапник, которым был тщательно накрыт шалаш, скрадывал шум реки. Намаевшись за день, Шурка быстро уснул...

***

Среди ночи дядя Володя Курнаков проснулся и тихонько полез наружу. Захотелось до ветру. В пустом небе висела круглая ночная луна. Затонный остров посередине реки виден был почти как днем. Костер уже совсем погас. Упавшая с вечера роса сулила солнечное утро. Дядя Володя в темноте обошел с дозором вокруг шалаша и вышел на берег покурить. И вдруг ему показалось, что на заторе виднеется что-то постороннее. Днем такого не было. Стал вглядываться.

— Ядри-итт твою налево... — только и смог он вымолвить.

На торчащем из реки бревне он разглядел маленькую человеческую фигурку. Перекрестившись на всякий случай, он опять вгляделся в даль. Точно! На краю бревна, прямо над водой, сидел неподвижно маленький человек, обхватив ко-

лени руками. На фоне лунного неба выделялся его темный силуэт. Дядя Володя, первым делом, хотел окликнуть ночное приведение, но не осмелился. Видавший всякое в своей жизни, испытанный в подземельях, шахтер почему-то испугался и пятился от реки.

В шалаше храпели мужики. Посветив спичкой, он с изумлением обнаружил, что среди них нет Шурки.

— Гера, вставай. Вставай, вставай, говорю! — вполголоса он стал будить Кислухина.

— Где, кто, чего? — поднял заспанное лицо Гарольд Андреевич и потянулся в изголовье за своей двустволкой.

— Да тут, язви его, такое дело... Шурку проспали...

— Какого Шурку? Как проспали? — всё еще не мог проснуться Кислухин.

— Какого, какого... Филиппова!

В шалаше стали просыпаться остальные мужики.

— Может он под край закатился или выполз наружу? — высказал предположение Геннадий Курнаков. Обшарили всё внутри шалаша.

— На речке он! На бревнах замер! — сообщил испуганно дядя Володя.

— Как на речке? Как замер? — Стали выбираться из шалаша. Направились к воде, всматриваясь вдаль и просыпаясь окончательно. Действительно, на середине бурлящей речки виден был детский силуэт. Сомнений не осталось. Это был Шурка.

— Тихо! Не спугните! — зашипел на всех дядя Володя.

— А што делать-то будем? — спросил кто-то шепотом.

— Доставать будем, — ответил дядя Володя, придавая твердость своему голосу.

Глубина в Яе была не очень большая: где-то по плечи, где-то чуть выше пояса. До середины можно было дойти вброд, если в ямы не попасть.

Разработали план. Дядя Гера пошел в воду ниже острова, к повороту. Если Шурка упадет с бревна и его понесет по тече-

нию, то нужно будет поймать до поворота. За поворотом уже не догонишь. Там глубина большая.

Геннадий взял один конец веревки и полез в воду. Виктора оставили на берегу держать веревку. Дядя Володя побежал по берегу вверх течения, чтобы оттуда подплыть к затору неслышно.

Операция по спасению длилась не очень долго. Мужики рассчитали все верно. Спящего Шурку осторожно сняли с бревна и аккуратно доставили на берег. Положили в шалаш на сено. Накрыли фуфайкой. Он даже не проснулся.

Рыбаки до утра просидели около потухшего костра. Курили папиросы одну за одной. Курил даже некурящий Кислухин. Разбирали детали происшествия:

- Надо же, спит...
- Как он умудрился, ума не приложу?
- Уснул на бревне! И как-то ведь держался!
- Надо же — одежда на нём сухая!

Когда Шурка проснулся, лагерь был уже свернут. Дожидались его. На Шурку смотрели с какой-то опаской. Всю обратную дорогу ехали по лесным тропам без озорства. Шурка не мог никак понять, почему едут молчком.

***

После того случая на Яе женщины Черновы из бабушкиной родни судачили:

— Поля, ты бы не пушала Шурку к Никулиным-то. Фешка повлияет на мальчика, ить, может, — озабоченно говорила старшая баба Катя Павлова.

— Да, она, ведьма, уже повлияла, стало быть. Испортила парнишку. Лунатик он теперь! — добавляла младшая баба Хрестя Курнакова.

— Не приведи, Господь! — крестясь, вздыхала баба Поля.

В это время со двора в дом зашли дед Павел и Костя.

— Ну, чего попусту Фиёну обижать вздумали? — прервал женские рассуждения хозяин дома.

— Скажи, Паша, как же тогда Шурка среди воды сухой оказался, да ещё уснувший? — любопытствовала баба Сина.

— Да бог его знает,.. Видать летать может, — отшутился дед Павел. Потом серьёзно добавил: — Про Ликсандру не смейте худое думать. Ангел он ещё... Никто не ведает об его нонешних умениях...

— Можа ему суждено подальше других уйтить, — высказал свою мысль Костя.

— Способный парнишка растёт, — заключил дед.

Такое объяснение, более менее, успокоило женщин. Однако, с тех пор отношение взрослых родственников к Шурке приобрело едва заметный, но всё же, особый оттенок.

Глава 18

В больнице

В первом классе шла к концу третья четверть. Шурку неожиданно положили в больницу с воспалением легких. Жар и немощь не мешали Шурке радоваться. В школу ходить не надо! Все вокруг пекутся о нем и стремятся позаботиться хоть как-нибудь.

Букварь он знал еще в детсаде. Книжку по арифметике прочитал летом перед школой и решил там все примеры. Знал даже всю таблицу умножения.

И вот теперь семилетний парнишка лежал в палате со взрослыми мужиками. В те времена в Анжерке детских больниц не было. Они, видать, не требовались. Шуркина мама говорила ему, будто в нашем шахтерском городе медицина самая лучшая в мире.

***

Шурке повезло. Он лежал в больнице, где его мама работала в это время медсестрой. Ставила ему большим стеклянным шприцем уколы по четыре штуки в день. Когда она привозила в палату свою тележку с медициной, мужики, кряхтя и балагурия, ложились на живот и оголяли свои ягодицы. После уколов дружно делились впечатлениями.

Между Шуркой и взрослыми мужиками соблюдалась возрастная дистанция. Никто в палате вслух не матерился.

— Если б не мальчонка, я бы сказал тебе кто ты есть! — доносилось иногда в процессе их общения.

— Чо ты нюни распускаешь? Постыдись ребенка!

Мужики без похабщины рассказывали друг другу свои интересные истории. Это скрашивало томительное течение больничных будней. Один взрослый анекдот Шурка запомнил. Сначала не понял, а когда вник, то громко смеялся. Анекдот рассказал сосед по койке.

«Лежали вот так же в больнице мужики. Рассказали все анекдоты. Чтобы не повторяться и не пересказывать заново, присвоили им номера. Кто-нибудь объявляет, к примеру, номер десять! Все ржут. Входит медсестра в палату. Кто-то вслух прозносит: номер тридцать девять. Никто не смеётся. Один встает с постели, открывает окно. Двое других берут остряка за руки и за ноги. Молчком выбрасывают на улицу.

— Что вы делаете! — кричит на них сестра.

— Пусть не матерится в присутствии женщины, — отвечают ей».

Когда анекдот закончился, Шурка поинтересовался:

— Со второго этажа? И не убился?

— Не бойсь. Дело было на первом, — успокоил его рассказчик.

***

Многие пациенты знали Шуркину маму — Галину Павловну Филиппову — по недавним временам, когда она работала в медпункте на Третьей шахте. Девушка только-что закончила медучилище. Работы на неё взвалили много. Она справлялась. Ей нравилось работать. В родительском доме Филипповых её приучили сызмальства относиться ко всякой работе одинаково уважительно.

Шахтеры перед сменой проходили обязательный медосмотр у неё в медпункте. После смены травмированные тоже шли к ней. Бывали аварийные случаи, когда Шуркина мама спускалась в забой с группой спасателей. Насмотрелась и увечий, и смертей.

***

Мужики в палате всячески ублажали Шурку. Хотели понравиться его маме. Она была красавицей. Фигура точёная. Лицом белая. Чернобровая. С толстой косой. Ко всем относилась приветливо.

Один больной шахтер с «Физкультурника», поступивший в палату утром, по-своему оценил изящные движения молоденькой сестрички:

— Ишь, как передком вертит. Шмара!

Слава богу, что он произнес это когда Шуркина мама уже вышла из палаты. Получилось как-то приклатненно. При этом он громко загоготал. Среди крупных прокуренных зубов выделась золотая фикса. Он не накрывшись лежал на кровати поверх белоснежной простыни в черных трусах. На его волосатой груди слева проглядывался Владимир Ильич Ленин синего цвета. «Такой же Ленин висит на стенке в нашем классе! Только цветной», отметил Шурка. На правом предплечье шахтера виднелась жирная татуировка. Шурка успел еще утром прочитать надпись «не забуду мать родную».

На циничную реплику мужики в палате сдержанно промолчали. В наступившей тишине было слышно, как кто-то заскрипел зубами. Шурка не придавал никакого значения возникшей ситуации. Он не умел ещё понимать смыслы подобных фраз. Однако, ощутил необъяснимую для себя тревогу. Ему стало неуютно в палате.

***

Ночью, после отбоя шахтеру с «Физкультурника» крепко досталось. Шурка еще не спал и видел в полутьме эту жесткую сцену. Били молча, все по очереди. Приклатненный не сопротивлялся. Понял сразу за что бьют.

«Забьют, ить, до смерти» — мелькнуло в Шуркиной голове. Он почему-то ощутил себя виновным за случившееся. Ему стало страшно. Блатного били, а он не оказывал сопротивления. Шурка не знал, что ему делать. Закричать? Попытаться остановить? Спрятался с головой под одеяло. Крепко зажмурил глаза и зажал руками уши. Из его убежища все равно было слышно, как бедолага глухо стонал от тяжелых ударов. Потом всё стихло. Шурка долго не мог успокоиться в своем убежище: жив ли он там? Наконец, все-таки уснул.

Снилось, как они с Костей кормят Борьку. Как обычно, утром Борька поднимал требовательный визг и ему несли в чугунке еду. Вываливали в долблёное деревянное корыто. Зава-

ренные с мукой картофельные очистки издавали вкусный запах. Шурка с удовольствием вдыхал его на утреннем свежем воздухе. Борькину морду обдавал пар. Розовым пятаком Борька бороздил кормушку с едой и аппетитно чавкал. Шурка чесал ему за ухом.

Потом снилось, как дед точил ножи.

— Вострые-то какие! — восхищался внук, пытаясь дотронуться до сверкающих клинков.

— Смотри, не порежься! А то влетит нам от Пелагеи Даниловны... Строгая она у нас, — остерегал дед, продолжая священнодействовать и придавая своей работе только ему понятный смысл.

Потом сон стал страшным. Во сне он кричал и плакал. Соседи по кровати разбудили Шурку. Как могли успокаивали, пока опять не уснул.

А приснилось ему, что из сарая в конце огорода раздался душераздирающий визг. Шурка сразу понял, что это погибает его друг Борька! Друг не зовет на помощь, он просто истошно визжит. В его визге нет надежды уже ни на него, ни на кого другого. Шурка выскакивает на крыльцо и видит, что искрящийся ноябрьский снег на огороде перед сараем становится черным. Черным становится и небо над всей его Анжеркой. Тьма хочет поглотить его. Отчаяние пронизывает душу. Он заскакивает обратно в дом. Мечется по комнатам. Срывает с вешалки дедову рысью шубу, лихорадочно заворачивается в неё с головой. Пытается найти спасение под своим любимым столом. Но там он ощущает себя пленником страха. И там его ещё пуще достаёт истошный визг, проникает в Шуркино нутро. Его лихорадит. Ему становится невыносимо страшно! Ужасный плен лишает рассудка...

***

Шурка с невероятным трудом вырвался из ночного кошмара. Проснулся поздно, весь измученный. Всё тело болело. Вставать не хотелось. Мужики в палате негромко что-то обсуждали.

Оказалось, что вчерашний шутник-горемыка уже выписался из больницы.

— Он на «Физкультурник» с шахты Пять-Семь пришел, с Судженки. Месяц назад, примерно. Я, ить, тоже с «Физкультурника», — словно извиняясь, сообщил вслух больной с угловой кровати.

— Гоните его к ядрени-фени! Толку с него на шахте не будет! — раздались голоса с других кроватей.

— Дык, он не с нашей бригады. Говорят, на днях прогулял, а теперь вот бюллетень как-то оформил, — пытался рассудить ситуацию тот, что с угловой кровати.

***

Шурка был не в настроении. После врачебного обхода тоскливо бродил по длинным коридорам больницы. Убивая грустное время, прочитал всю настенную информацию. Пересчитал все пожарные гидранты на лестничных клетках и в коридорах. Обнаружил в каком-то закоулке дверь с табличкой «аварийный выход». Захотелось на Степную в дом своего деда Паши. Нажал ручку и тихонько толкнул дверь. К Шуркиному удивлению, дверь отворилась. Его обдало холодом. На улице было начало анжерского марта...

Всей больницей искали пропавшего Шурку. Нашли в закутке около аварийного выхода. Свернувшись калачиком, он спал на полу.

***

Четвертую неделю температура скакала: то её нет, то вдруг появится. Уколы и порошки, похоже, не очень-то помогали. Шурке уже давно хотелось домой. Болезнь утомила его.

— Мам, а мне деда снился, — сообщил шепотом Шурка матери, когда она готовилась поставить ему очередной укол. Хотел про Борьку сказать, но не стал.

— Завтра выходной, он после церкви обещался прийти, — так же шепотом сообщила мама.

Шурка поначалу боялся уколов, а теперь стал к ним безразличен. — Мать поставила укол и не удивилась, что Шурка в этот раз даже не вздрогнул. Она понимала, что болезнь затянулась. Парнишка заметно похудел. Ручонки и ножонки стали тоненькими. Глаза сделались грустными.

— Доктор говорит, что заболевание серьезное. Так что, сынок, надо терпеть. Надо ждать, когда полегчает. — Шуркина мама ласковыми словами старалась хоть как-то приободрить мальчонку.

— Я деду буду ждать. Я знаю, что он придет. Он не обманет! — Шурка немного оживился.

— Вчера он так и сказал за ужином, что, мол, Ликсандру надобно навестить. — Мама поцеловала сынишку в лобик, в щечку и покатила медицинскую тележку к другим больным.

У Шурки заблестели глаза. Весь день он оттаивал своим дыханием лед на оконном стекле. Образовалась солидная прогалина. Через неё стал виден больничный двор. Завтра дед Павел появится на этом дворе, войдет в больницу и встретится с внуком.

***

Дед Павел появился утром. На улице только-только начало светать. Ходячие мужики в палате собирались на завтрак в общую столовую. Шурка заправлял свою кровать и вдруг почувствовал присутствие деда. Он кинулся к окну. И точно! Сквозь прогалину разглядел любимого человека. Дед Павел уверенно шагал по расчищенному от снега двору. На ногах красовались ладно подшитые валенки на слоёной войлочной подошве. На плечах — праздничная рысья шуба. В руке — кирзовая сумка, с которой они вместе ходили на базар и в баню.

Шурка выскочил из палаты, как будто и не было у него никакой хвори. Вмиг преодолел длинный коридор. Вприпрыжку сбежал по лестницам на первый этаж и в большом холле увидел деда. Он только что вошел с улицы, потопал ногами о каменный

пол, страшивая с мягкой обуви прилипший снег. Снял шапку и расстегнул шубу. Шурка кинулся к нему в объятия.

— В палаты, сказывали, не пускают, — дед Павел стал осматриваться вокруг, выискивая взглядом место, где бы можно было присесть. Народу было немного и многие скамьи для посетителей пустовали. Расположились на первой попавшейся. — Тут тебе гостинцы баба Поля послала. — Дед стал вынимать из сумки банки и плошки, завернутые в пуховые платки. Шуркино лицо светилось от счастья.

— Передачи больным запрещены! Только выздоравливающим! — грозно выкрикнула женщина в белом халате, восседающая за приемной стойкой.

— Деда, нам тут только кашу можно. И постные щи на обед, — тихонько пояснил Шурка.

— Ты подумай-ка! Вот беда... Да как же тут здоровье воротить-то? — удивился дед и стал складывать назад в сумку свои свертки.

— Пойдем со мной, только незаметно... У меня тут местечко есть укромное, — поведал деду свою тайну Шурка.

Пока грозная женщина в белом халате отвлеклась на кого-то из посетителей, дед с внуком шмыгнули в дверь под каменной лестницей. Технические коридоры на первом этаже вывели их к тому месту, где обнаружился на днях аварийный выход. Три ступеньки вели вниз к той самой двери, под которой нашли спящим заблудшего Шурку. В этот раз на двери висел металлический замок. Уселись на верхней ступеньке. Здесь их никто не мог услышать. Место было теплое и не проходное. Лучше не придумаешь!

***

Пока дед Павел готовился угостить внука, Шурка вспомнил события полугодичной давности. Перед глазами возникли живые картинки прошлого...

Первого сентября мама отвела Шурку в школу. Чуть, было, не опоздали. Бежали мимо черных двухэтажных барачков, по-

строенных, когда-то, из деревянных шпал. Таких шпал в Анжерке было великое множество. Ещё с царских времен их заготавливали для железной дороги. Бежали по переулкам среди частных домов с огородами. Бежали через стройку среди поддонов с кирпичами. Перепрыгивали через глубокие траншеи, сокращая путь к школе. Маму всего на часок отпустили со смены.

Первоклассников уже усадили за парты. Для Шурки осталось свободное место в первом ряду. Рядом сидела красивенькая девочка, похожая на сестрёнку Наташку. Учительница пошла по рядам с большой амбарной книгой и стала отмечать всех присутствующих, называя фамилии:

— Руслан Валеев! Ага, ты у нас татарин, значит, — сказала учительница и сделала карандашом пометку в книге.

— У меня все братишки и сестрёнки татарины, даже папка наш! — живо откликнулся чернявый мальчонка. В классе все оживились. Учительница шла от парты к парте и спрашивала у всех, кто чей будет. Все называли себя русскими.

— Саша Краутер.

— А мы из немцев будем, — мальчонка опустил вниз голову и сделался совсем маленьким. Все дети повернулись в сторону Саши. Все в этом классе знали о прошедшей войне от своих родителей. Многие родственники этих детей ушли на войну с немцем и не вернулись. Некоторые вернулись искалеченными. В классе возникла напряженная тишина. Учительница сняла свои очки и зачем-то объявила:

— Немцы разные бывают.

— Наш дедушка... Его позвали сюда из Курска... Он до революции строил в Анжерке железную дорогу. А папка, вот, сейчас на Третьей шахте работает, — словно оправдываясь, произнёс Саша. Он, после слов учительницы, немного осмелел. Дети разом заговорили о том, что в их семьях тоже все взрослые работают на шахте и на железной дороге.

— Татьяна Веремеева, — учительница подошла к Шуркиной парте и назвала имя и фамилию девочки.

— Я русская!

— Вижу, вижу... Волосы у тебя русые... Косы, вон какие толстые... Красавица!

— А ты у нас, значит, Саша Коваленко? — Учительница потрепала Шурку по белобрысой голове, — ты, наверное, украинец? Фамилия на «ко» заканчивается.

— Нет, я из Филипповых буду! У меня дед на Степной улице живет. Там все знают, что он с покон веку русским был! — Шурка с жаром принялся объяснять свою родословную и запутался. Действительно, его фамилия отличалась от фамилии деда. Но его находчивость и способность фантазировать не могла ему позволить смутиться более, чем на секунду. — Запишите, что я белорус!

Первая четверть заканчивалась перед праздником Седьмое Ноября. Завтра наступят каникулы. Учительница велела всем нарисовать картинку, посвященную Октябрьской революции. Разрешила нарисовать всё, что вызовет радость. Шурка нарисовал Борьку с красным пятаком. Получилось весело и жизне-радостно. Но учительнице не понравилась Шуркина идея.

— Надо революцию отразить! А ты чего? Вздумал баловаться?

— Дак, радостно же! — пытался возразить школьник.

— Так не пойдёт. Подумай и нарисуй другую картинку.

У Шурки пропало настроение. Оставался последний лист для рисования и он уже истратил его на Борьку. Что делать? Подумал-подумал и красным карандашом дорисовал над Борькиным изображением серп и молот. Внизу написал печатными буквами «слава октябрю».

— А так пойдёт?

— Ну вот, теперь другое дело, — похвалила учительница. Шурке от похвалы радостнее не стало.

***

Баба Поля и Костя называли выходные дни на Седьмое Ноября «октябрицкими» праздниками. Всем работникам в Анжер-

ке давали аж три выходных дня! Накануне, кому надо, успевали сходить на утреннюю службу в церковь и совершить поход в баню. Шурке особенно нравился после бани шипучий лимонад.

Перед «октябрицкими» праздниками в домах шла генеральная уборка. В центре города на ДOME Советов вывешивали огромный плакат «Да здравствует Великая Октябрьская социалистическая революция».

Все жители Степной очень радовались приближению революционного праздника. Наступало время резать выкормленных поросят. Устоявшиеся уже морозы позволяли делать мясные заготовки впрок. У Филипповых в холодной кладовке соленья и копченья сохранялись до следующей весны. В Анжерке все так делали.

Каждый хозяин умел в те времена резать своего поросенка сам. Были и такие, которые приглашали резальщиков со стороны. Зарезать хряка или свинку — дело не шуточное. Из поколения в поколение это мастерство передавалось, как говорится, из рук в руки. Надо было уметь не только зарезать, но и правильно разделать тушу. Шесть, а то и семь пудов веса разрубали и разделяли по старинной крестьянской науке.

— По чём зря тут не разберёшься, — поучал Костя племянника. Шурка крутился вокруг деда. Норовил всё разглядеть и запомнить. «Вырасту и тоже так смогу» вертелось в его голове. Кабан лежал на снегу подле сарая. Внутренности уже вынули, разложили в эмалированные тазы и отнесли в дом. Дед паяльной лампой смолил бока и спину. Костя помогал переворачивать.

— Ликсандра, иди в дом. Погрейся. А то, вон, носом уже шмыгаешь, — велел дед внуку.

— Да не-е-е! Мне не холодно, — Шурка попытался оспорить распоряжение деда.

— Женщинам помощь твоя нужна... — дед в это время согнул поросёнку ногу в коленке и провел острым лезвием по сгибу. Одно опоясывающее движение и отрезанная нога с копытцем осталась в его руке. Точно так же — вторая, третья, четвертая. —

Ступай. Отнеси на кухню. — Шурка вытянул вперед ручонки. Костя сложил на них четыре свиные голяшки и маленький работник, как поленья в охапке, понёс их в дом. Костя добавил вслед:

— Холодец из их варить будем. На рыжыство...

***

На кухне кипела работа. Тётушка Тамара и Шуркина мама под руководством бабы Поли что-то отрезали, отделяли, отскабливали, промывали. Женщины были заняты разборкой внутренностей. На печке кипела в чугунках и кастрюлях вода. В тазики и чашки складывали разные части и куски. Маленькая Наташка с куклой в руках крутилась под ногами и мешала всем. Не из вредности. Из любопытства. Её никто не прогонял и не ругал.

Шурка сообщил, что дед отправил его на кухню помогать.

— Выворачивай наизнанку кишочки и протирай крупной солью. Вот так! — баба Поля показала внуку, как надо делать.

— Дак, собака не станет есть солёное. Ну, если только шибко оголодает, — не то утвердительно, не то вопросительно произнёс Шурка. Тамара с мамой рассмеялись.

— Што ты, што ты... Какая собака? Окстись! Из кишочков колбасы понаделаем. До самой Пасхи хватит, — принялась объяснять бабушка несмышлёнышу.

Потом Шурка помогал маме и Тамаре. Работа спорилась. Костя периодически гремел дверями в холодной кладовке. Заносил с огорода части туши. Завтра из них будут готовить соленья и копченья.

Наконец работа приблизилась к концу. Стали собирать на стол. Дед Павел закончил прибираться около сарая. У бабы Поли на печке что-то шкворчало в сковородках и кипело в кастрюлях. Через форточку на улицу вырывался пар, наполненный запахами мясных деликатесов. Из многих домов на Степ-

ной поднимался такой же вкусный запах. По всей Анжерке чувствовался праздник.

На стол подали настоящую свежину. По этому случаю из подпола достали бражку и налили всем по стакану. Шурке с Наташкой заранее сварили любимый кисель из смородины.

Хорошими словами поминали Борьку. Радовались достатку на всю зиму. Хвалили «октябрицкую» революцию и Седьмое ноября, которое наступало завтра.

***

Дед достал из сумки белое полотенце и накрыл им Шуркины колени. Потом вынул глиняный горшок. Пуховый платок сохранил в горшке домашнее тепло. Подал внуку любимую ложку. Шурка стал поштучно доставать крупные горячие пельмени. Каждый из них едва уместался во рту. С деревянной ложки капал свиной жир на полотенце, предусмотрительно укрывающее Шуркины штаны.

— Я нонче разговаривал кое с кем, — начал дед издавелека. — Он сурьёзный и очень мудрый фрукт. Может всё сделать, коли попросить его как следует... Пантелеймоном зовут его...

— Знаю, знаю, — откликнулся Шурка, пережевывая очередной пельмень. — Это дед Пантюха. Он на Сахалинке живет, около водокачки.

— Нет, Ликсандра. Этот святой человек на иконе изображён. Он исцеляет всех немощных уже тыщу лет... Так вот, я попросил, чтобы он помог вернуть тебе здоровье. Чуешь?

— Ага.

— И ты знаешь што он сказал?

— Не-а.

— Надо, говорит, самому крепко постараться. А коли не получится, тогда и обращайтесь... Вот такие дела.

Дед Павел, перекрестившись, потрепал белобрысую Шуркину головку.

— Всё! Не могу больше. Ух! — Шурка сделал глубокий выдох и отдал деду ложку.

- Глянь. Тут всего-то две штуки осталось! Надобно осилить...
- Давай: один ты, другой я.
- Ишь какой способный! Ну ладно, давай. Твоя взяла, — согласился старый.

Дед с внуком сидели на каменных ступеньках в полутемном подвале и дружно жевали. Потом дед поил Шурку топленым молоком с маслом и мёдом. При этом приговаривал: «Старайся, старайся. Так надо-ть». Шурка старался изо всех сил. Не стал даже перечить деду, когда тот протянул ему краюху ржаного хлеба, накрытую скибочкой сала с чесноком. Сегодня вся еда была вкусная и, главное — нужная.

Дед аккуратно собрал все крошки после Шурки и ссыпал их в сумку. От деда шло тепло и душевный уют. «Хоть и мал ещё, но уже видно, что далеко пойдёт» — думал дед Павел. А Шурка ни о чем не думал. Вернее, думал сразу обо всём.

— Деда, а у нас в классе и татары есть, и немцы. Даже один белорус есть. Получается, что они иностранцы? — вдруг вспомнил Шурка свой давний вопрос еще не заданный деду.

— Русские они... все. Раз тута рождаются и живут, значит, русские. — Шурке понравился такой ответ. Ему стало легче, потому что на этот вопрос у него долго не находилось ответа.

Так они сидели рядышком, не замечая времени. Вскоре молчание снова было нарушено.

— Деда, а ты на октябрицкую Борьку убил, да? — Малец сделал акцент на слове «убил». Вопрос вырвался наружу случайно, не созрев в голове по-взрослому.

Дед Павел замер, слегка прищурил глаза и стал внимательно рассматривать внука. Наступила пауза. Шурка почувствовал, что его простой вопрос озадачил деда. Мелькнула мысль «не обидел ли». Тут же мысль утвердилась. Шурка сообразил, что ляпнул несуразное. И, как всегда бывало в неосторожных слу-

чаях, ему стало стыдно и тревожно. В глубине дедова прищура притаился неизвестный для Шурки ответ.

Дед выпрямил спину. Кашлянул в кулак. Подкрутил вверх свои миколаевские усы и стал держать ответ на Шуркин вопрос.

— Как ты думаешь, Ликсандра, я к тебе с кем пришел?

Шурка втянул головёнку в плечи. Стал осторожно и внимательно осматривать пространство вокруг. Даже вверх посмотрел.

— Я к тебе с Пантелеймоном пришел... С мамкиными ночными слезами... С Костиными пожеланиями. Он до ворот меня провожал. Сказал «пуцай скорейча вылечивается»... Даже Наташкина кукла приветы тебе прислала... Вся Степная тута со мной... — дед Павел говорил не спеша, с остановками. — И друг твой Борька о твоём здоровье позаботился. Здеся он. — Дед показал на сумку. — И молоко тута вот, и мёд, и хлеб... Да што говорить-то... Вся природа о тебе заботится...

Шурка открыл рот и как замороженный молчал. Не ожидал он такого ответа. Вмиг представил себе всех перечисленных. Даже Пантелеймона вспомнил, которого дед показывал ему, как-то раз, на одной из иконок. Шуркина душа словно вырвалась из больничных стен. Ощутил, что не одинок. С ним оказались рядом все, кого помнит и любит. Вдруг понял, что они его тоже любят.

— Борьку убил... Ишь, как ты сообразил... Убивают друг дружку люди... когда вражду замышляют... Когда бес отымает обманом любовь промеж них ... Вот так-то, Ликсандра... Молодец, што допытываешься до всего, — закончил свою речь Дед Павел.

***

В понедельник Шурке сделали рентген. Воспаление прошло. В среду его выписали домой. Велели принимать лекарства. Дед Павел объявил, что будет поить его горячим барсучьим жиром. Как потеплеет, пойдет ловить барсука в шпало-пропиточном лесу. Обещал взять с собой на охоту Шурку.

И еще дед сказал, что в воскресенье возьмёт его и Костю на базар. Пойдут покупать маленького розового поросеночка. На масленицу из соседних деревень в Анжерку привозят недельных поросят на продажу. Шурка сам сможет выбрать себе нового дружочка.

Глава 19

Тётя Таня

Павел Васильевич Филиппов поставил на ноги пятерых детей. Первым вырос и стал надёжным помощником Михаил. Следом за Михаилом росла Татьяна. Потом по порядку друг за другом росли и становились взрослыми Костя и Шуркина мама — Галина. Самой младшей из пятёрки оказалась Тамара. Тётя Таня родилась вслед за дядей Мишей, ровно через два года.

— Так и росли друг за дружкой... За ручки возьмутся, бывало, и гуляют вместе... Нихто им не нужен... Сердце радовалось за них! — Часто вспоминала о своих детках баба Поля. После бабушкиных рассказов Шурка тащил на улицу свою сестрёнку Наташку и тоже за ручку водил её по Степной.

***

Когда шла Великая Отечественная война, тётя Таня работала на Анжерском машзаводе в цехе у дяди Миши. Делала мины для фронта. Школу закончить не успела. Она оказалась способной девушкой. Освоила станки. Работы не боялась. Хоть и тихая была по натуре, а нагрузки выдерживала не хуже мужиков. Дядя Миша рассказывал, что она своими худенькими ручонками с утра до вечера поднимала на станок стальные болванки весом больше пуда, обрабатывала их и снимала со станка. Откуда только силы брала?

— У них правильный настрой был у всех: всё для фронта, всё для победы, — пояснял Шурке дед Павел в те моменты, когда вспоминали в доме военное время. — Кабы не настрой, не сдюжили!

***

После войны тётя Таня вышла замуж за Сайкина Николая Георгиевича, и они уехали жить в Сталинск. Дед Павел просил

дочь не уезжать далеко от дома, но муж настоял. Его большая родня жила в Сталинске, и там молодожёнам могли оказать поддержку. В те годы из Анжерки в Сталинск можно было доехать на паровозе за сутки.

— Ты, Миколай, не обижай Татьяну... Христом богом прощу... Если уж чего, то лучше стерпи... Вся надежда на тебя, на фронтовика, — наставлял дед Павел своего первого зятя.

В доме Филипповых на Степной становилось всё меньше народу. Годом раньше уехал в Киргизию старший сын Михаил. Теперь вот и старшая дочь Татьяна уехала на чужбину и стала там Сайкиной.

— Упорхнула из родного гнезда, как птичка! — долго с грустью вспоминала о ней баба Поля.

***

Николай Георгиевич Сайкин слыл в родне самым умным. Он хорошо играл в шахматы. Обыгрывал всех даже без ферзя. С некоторыми соперниками играл не только без главной фигуры, но ещё и без одной ладьи. На городских шахматных турнирах не проигрывал никому.

Все расчеты делал при помощи логарифмической линейки. Она всегда торчала из нагрудного кармана его пиджака. Он использовал её даже в магазине. Пока продавец считала на счетах, Николай Георгиевич успевал выводить сумму на линейке. Сам шил для всех одежду. Раскраивал платья, рубашки, брюки и пиджаки с помощью своей линейки. Он шил даже пальто. Одевалась семья Сайкиных ладно и добротно.

В Сталинске на Малоэтажке Николай Георгиевич построил просторный дом из белого кирпича. На улице Белинского это был единственный дом белого цвета. Шурка сначала думал, что так назвали улицу именно поэтому.

***

Сначала у Тёти Тани родился сын Витька. Потом — Толян и Сашка. Самым последним ребёнком стала Верочка. Она

родилась миниатюрной крошечкой и её все оберегали и любили.

В первом классе Шурка, из за болезни, до конца не доучился. В конце апреля мама забрала его и Наташку и увезла зачем-то из Анжерки в Сталинск к тёте Тане. Места в доме Сайкиных было много. Одну комнату предоставили Шуркиной маме. Некоторое время, после приезда из Анжерки, Шурка с Наташкой и мамой жили у Сайкиных на Малоэтажке. Осенью Шурку приняли во второй класс, а Наташка пошла в детский сад, в старшую группу.

Двоюродные братишки и сестренка из семейства Сайкиных стали для Шурки самыми родными и близкими.

Витька рассказал однажды Шурке, как их отец воевал на фронте. «В их машину попала бомба. Всех поубивало, но отец остался живой. Он побежал по полю, а фашист на самолёте стал его догонять и стрелять сверху. Отец бежал и петлял. Самолёт несколько раз разворачивался и снова атаковал отца. Пули летели мимо, потому что отец был ловкий. Наконец, он не смог увернуться и одна пуля пробила ему спину и вышла наружу через грудь. Хорошо, что в сердце не попала! Отец вылечился в госпитале, но на фронт его больше не взяли». Шурка любил слушать рассказы о герое, о своём дяде Коле Сайкине.

Действительно, когда дядя Коля снимал майку, Шурка видел у него на спине и на груди, чуть ниже левого плеча, затянутое временем ранение. Он очень уважал дядю Колю Сайкина и гордился им.

***

Дядя Коля в это время работал на алюминиевом заводе в конструкторском бюро. Тётю Таню он устроил контролёром в измерительную лабораторию.

Дети с утра до вечера были предоставлены самим себе. Старшие присматривали за младшими. У всех ребятшек были персональные обязанности. Мыли полы по очереди. Носили воду

из колодца. Топили печь. Чистили картошку. Ходили в магазин за хлебом. Шурке нравилось жить в такой многолюдной обстановке. Но ему очень не хватало деда Павла. Дед снился ему по ночам. Не хватало бабы Поли и Кости. Не хватало улицы Степной. Он вспоминал даже злую собаку Плыгачевых. Её тоже не хватало.

***

Мама устроилась на работу в полиомиелитный санаторий. Шурка долго не мог выговорить это название и боялся туда ходить. Когда он первый раз увидел там детей с исковерканными телами, передвигающихся по полу невероятным способом и не могущих нормально произнести ни одного слова, Шурка испугался.

Мама работала на две ставки, шестнадцать часов подряд с одним выходным. Смены выпадали на ночь и следующий день. Получалось, что Шурка видел маму восемь часов в сутки. Хорошо, что санаторий был недалеко от дома. Мама успевала быстро прийти с работы, перекусить и поспать часов пять.

Санаторий предоставил комнату в бараке и они с Наташкой и мамой съехали от Сайкиных. У них появилось своё жильё! Барак был сделан из досок, между которых, двадцать лет назад, засыпали шлак из доменных печей Кузнецкого металлургического комбината. Восемь квадратных метров хватало вполне. Печь у входа, две кровати с панцирными сетками и небольшой обеденный столик с клеёнкой вместились в это пространство. В дальнем углу даже образовалось свободное место. Мама пообещала, что как только скопим денег, поставим туда радиолу на ножках, чтобы можно было слушать радио и крутить пластинки.

Денег скопить не успели. Опредил дед Павел. Он привёз на поезде из Анжерки радиолу «Рекорд». Но она оказалась без ножек. Шурка, не долго думая, притащил вечером фанерный ящик из под мороженого. У ящика были двойные стенки и крышка, чтобы сохранять холод. В Сталинске на улицах в

оживлённых местах продавали мороженое из таких ящиков. Опустошенные за день, они иногда оставались до утра без призора.

Мама накрыла ящик красивой скатёрочкой и Шурка водрузил на него радиолу. Хорошо, что дед Павел ушёл ночевать к Сайкиным на Малоэтажку. А то бы непременно спросил внука, кто дал ему такой ладный ящик.

С этого дня у Шурки появилось новое увлечение. Музыка! Мама раздобыла где-то целую пачку пластинок. Многие из них сильно шипели и скрипели. Иногда игла перескакивала с дорожки на дорожку. Однако, это не мешало Шурке погружаться в музыку. «Брызги шампанского» мама любила больше всего. «Полонез Огинского» нравился всем. Даже Наташка просила поставить эту пластинку первой. Шурка любил слушать Шаляпина. Богатырский голос певца уносил Шурку в сказочный и былинный мир. В том мире ему грезился дед Павел с закрученными вверх императорскими усами. Шаляпина он мог слушать без усталости.

Шуркина мама любила читать книжки. Из за нехватки времени, она читала, можно сказать, на бегу. Читала даже во время еды. Она рассказала Шурке, что Шаляпин родился в семье такого же крестьянина, как дедушка Павел. Отец обучал его сапожному делу. Но он больше всего любил петь в церкви. Его взяли в хор, когда ему было столько же лет, сколько Шурке. Бог дал ему талант и он стал потом знаменитым оперным певцом. Шурку эта история очень впечатлила. Он тоже стал мечтать о музыке. Но церкви рядом не было и петь было негде.

***

Тётя Таня Сайкина жалела всех. Когда Шурка приходил на Малоэтажку поиграть со своими двоюродными братьями, она выбирала момент и крепко прижимала его к себе. Долго не отпускала. От неё пахло бабой Полей и Анжеркой. На голове носила такой же платок, как у бабушки. И передник поверх

платья надевала такой же. Когда Шурка уходил домой к себе в барак, она давала ему с собой чего-нибудь вкусенького. При этом, она почему-то утирала кончиком платка невидимые слёзы.

Шуркина мама с ней не дружила как с ровней. Тётя Таня была намного старше и не была такой модницей, как младшая сестра.

***

Дед приезжал в Сталинск каждый раз зимой. В другое время ему было некогда. За два-три дня он успевал навещать тётю Танину семью на Малоэтажке и Шуркино семейство в бараке. Привозил в армейском вещмешке большой шмат сала, трёхлитровую банку квашеной капусты и целую кастрюлю солёных груздей. Выкладывал подарки.

— Тут, вот, Пелагея Даниловна велела передать кое что.

Из волшебного мешка появлялись разного размера шерстяные носочки и варежки. Баба Поля вязала их из козьего пуха: серенькие, чёрненькие. Беленькие предназначались Наташке. На них были каёмочки из красной нити.

Шурка любил сало, которое дед привозил из Анжерки. Отрежет тоненький ломтик, положит на горбушку ржаного хлеба, намажет сверху горчицей и откусывает по-взрослому, не морщась. У деда Павла научился. Наташка сало не любила. А мама на сале поджаривала себе яичницу перед работой.

В этот приезд, Шурка показывал деду дневник за второй класс. Дед листал страницы и, довольный оценками, хвалил внука. Там красовались одни «пятёрки». Наташка в школу ещё не ходила, но тоже присутствовала при просмотре школьного документа.

— А там у него «двойка» стоит! — радостно сообщила она. И стала своей ручонкой перелистывать дневник, который держал дед в руках.

— Ишь ты! — удивился дед, разглядывая жирную красную оценку. — Ну, сказывай, за што дали?

- За поведение, – проямлил Шурка.
- Дисциплину што ли не соблюдал?
- Подрался, – виновато опустил голову внук.
- Вона што! Как же так?

– Да, я... я ему сколько раз говорил, чтоб не трогал её... А он всё время лез и лез к ней... То пихнёт... То обзовёт как-нибудь... ей же обидно. А потом налил ей на парту чернила, ... ну, на скамью... а она не увидела и села. Все стали смеяться... Она заплакала... – Шурка попытался обрисовать ситуацию.

– Ну, а ты што?

– А я ему по морде дал. Не удержался...

– Да-а. Нехорошая история.... – Дед закрыл дневник. Отдал его Шурке. – Двойку, выходит, тебе правильно выставили... Дисциплину соблюдать надобно... На то она и дисциплина.

Дед не стал упрекать Шурку за драку. В его словах не чувствовалось осуждения. У Шурки даже стало как-то легко на душе. Он решил рассказать другие подробности.

– Мне сказали в тот раз, чтоб я родителей привёл в школу. А как я приведу, если мамка всё время на работе?

– И как же ты обошёлся?

– Я тёте Тане сказал. Она сходила к директору... Попросила, чтобы меня не выгоняли из школы... Ещё попросила маму, чтобы она меня не налупила. Мама меня потом всё равно налупила, но не больно... Я слышал, как она ночью в темноте плакала... Потихоньку, чтобы мы с Наташкой не проснулись...

– Ну и дела, Ликсандра... Я скажу тебе так: и отметка правильная, и поступил ты верно... Так часто бывает в нашей мужской жизни. Обвыкайся...

Глава 20

На рыбалке с дядей Колей

Витька Сайкин сказал Шурке по секрету, что завтра рано утром пойдём с его отцом глушить рыбу. Сказал, как заговорщик какой-то, и велел никому об этом не говорить.

— Папа берёт меня, тебя и Толяна. Сашку не берём. Мал ещё. Смотри мне, чтобы ни-ни! — Витька поднёс кулак к Шуркиному лицу.

— Зачем же её глушить? — поинтересовался Шурка.

— Завтра узнаешь сам.

— А куда пойдём?

— На Кульяновку.

Шурка уже бывал на Кульяновке. Там жили старенькие родители дяди Коли Сайкина. Про них говорили, что они баптисты. Сильно в бога верили, но в церковь не ходили. Молились усердно дома. Привечали всех и даже тех, кто не хотел. Шурке не понравилась Кульяновка. Но идти на рыбалку он был согласен хоть куда.

***

Начинались летние каникулы. Шурка окончил четвертый класс, Толян — шестой, а Витьку в техникуме перевели на третий курс. Всю ночь Шурка не мог толком уснуть. Пытался угадать, как они будут глушить рыбу.

Рано утром, ни свет ни заря, они тихонько вышли из дому. Дядя Коля шел впереди и нёс пустое эмалированное ведро. Шли молчком. Шурка понял, что ведро взяли для рыбы. «Это же сколько рыбы войдёт в такое ведро», размышлял Шурка. С собой не взяли ни одной удочки, ни батогов, чтобы оглушивать рыбу.

Когда пришли на Кульяновку, солнце только-только собралось появляться над горизонтом. Утренняя прохлада пробиралась под Шуркину рубашонку. Было зябко. От воды над озе-

ром поднимался реденький туман. Вокруг было тихо. Не было слышно ни петухов, ни собак в дальних дворах.

Дядя Коля достал из-за пазухи пол буханки хлеба и стал вставлять в неё медный стержень, похожий на толстый короткий карандаш. Из стержня торчали два тоненьких провода в синей и красной изоляции. К ним он присоединил моток таких же проводов и стал разматывать на всю длину. Получилось метров пятнадцать-двадцать.

— Детонатор присоединяет, — шепнул на ухо Витька.

— Ну, кто полезет в озеро первым? — спросил дядя Коля.

— Пускай Шурка! Он самый шустрый, — отреагировал Толян.

Шурка разулся, снял дедову кепку, штаны и рубашку. Ему дали в руки хлеб с детонатором и велели лезть в озеро.

— Трусы тоже снимай! — скомандовал Дядя Коля, — а то потом в мокрых погрёшься домой.

Под ногами был мягкий и глубокий ил. Осторожно ступая и отдаляясь от берега, Шурка нёс над головой хлеб с проводами. Когда началась глубина, поплыл. Он уже умел плавать на спине без помощи рук. Наконец, провод натянулся и с берега скомандовали «стоп». Шурка оставил на поверхности воды свою ношу и поплыл назад.

— Надо, чтобы хлеб на дно опустился! — сказал дядя Коля. — привяжи к буханке камень и она утопнет.

Витька с Толяном нашли на берегу камень, обмотали его проволокой и отдали Шурке. Ему снова пришлось возвращаться в прохладное озеро.

На берегу пацаны развели небольшой костёр. На Шуркины плечи накинули сухую рубашку. Минут через пятнадцать дядя Коля велел сыновьям тоже раздеться. А сам достал из кармана батарейку и прикрутил к ней конец одного из проводов.

— Как тока рванёт, сразу бросаемся в озеро, — объяснил Витька Толяну и Шурке. Голая тройца приготовилась к броску.

Дядя Коля подсоединил к батарейке второй провод. Под водой раздался глухой хлопок. Ил со дна выплеснулся на поверхность. Витька схватил ведро и бросился в воду.

— За мной! Вперёд! — в том месте, где был заряд, Витьке было по горло. Он стоял на дне и держал ведро над водой. Шурка с Толяном подплыли к нему. — Хватайте рыбу! — Вода в этом месте сделалась мутной и со дна, как из преисподней, стала всплывать пузом вверх серебристо-белая рыба. Её было так много, что за минуту пацаны набрали полное ведро. А рыба продолжала медленно всплывать. Та, что покрупнее, шевелилась и пыталась уплыть назад в озеро. Витька ловил крупных и одновременно выбрасывал из ведра мелочь.

— Ловите голавля! Вон он, справа, справа! — кричал с берега дядя Коля. Шурка поплыл за крупным голавлём. Схватил его двумя руками, перевернулся на спину и поплыл с ним к берегу, изо всех сил молотя ногами по воде. Следом Витька с Толяном тащили на берег тяжелое ведро.

Рыбалка получилась быстрой и весёлой. Особенно радовался дядя Коля. Домой возвращались в сухой одежде. Кепка согревала мокрую голову. Солнце уже стало подниматься над горизонтом и пригревать пыльную дорогу. Ведро сверху прикрыли лопухами. Повесили на толстую палку. Спереди ухватился Витька, сзади вдвоём — Толян и Шурка. Пока шли домой, оживающая рыба шевелилась в ведре и пыталась вырваться из под лопухов.

В тот вечер Шурка заболел. Три недели мама делала ему больные уколы в оба полуопия по очереди. Дед прислал из Анжерки письмо. Велел не болеть. Шурке нравилось читать его красивый почерк. Такого почерка не было ни у кого в мире. А в письме дед зачем-то приписал: «Спаситель по воде пришел к рыбакам».

***

Когда Шурка станет большим, он узнает о том, что предки деда Павла по стрелецкому промыслу пришли сюда из Тобольского края. Шли на вёслах против течения по Оби и Томи. По пути сообщали местным народам, что ордынцы разбиты русскими воеводами, и теперь ясак за их защиту от джунгарских набегов надо будет платить русскому царю.

Три столетия землепроходцы валили черневую тайгу вдоль больших рек. В те времена рек было больше. На вырубках, после корчевания, развивали земледелие, строили усадьбы с подсобным хозяйством. В первую очередь, конечно же, возводили церкви с общинными земельными наделами. На казённых землях выращивали зерно на фураж для государевых нужд. Вдоль рек строились укрепленные поселения. Так осваивалась Юго-западная Сибирь.

Тайгу называли черневой потому, что сплошь состояла из гигантских хвойников. Они, и зимой, и летом были черно-зеленого цвета. Зайдёшь в такой лес и света белого становится не видеть. Пихта, ель и кедр идеально подходили для строительства жилья. Никакие морозы не страшны были в сибирских избах. Каждый мужчина умел топором срубить себе дом без единого гвоздя и завести в нём большую семью.

Молевой сплав долгое время был основным видом доставки заготовленного леса на большие расстояния. Реки несли своим течением кругляк по всей Сибири. Лесной промысел развивался по мере того, как Сибирь стремительно прирастала своим богатством к Русскому государству.

Для собирания сплаваемого леса заготовщики сооружали запани. На выгодном повороте реки строили заграждения. В это место приёмки и сортировки день и ночь прибывали дары черневой тайги. Тысячи брёвен теснились в запани, наползая друг на друга с шумом и грохотом. Всю навигацию шла работа. На берегу лес сушили и потом по железной дороге отправляли во все уголки страны.

Давние предки деда Павла, которые основали первый в этих краях острог при впадении Кондомы в Томь, тоже занимались лесозаготовками и молевым сплавом. На земле Кузнецкой появлялись русские поселения, вырастали города. Шло навечное освоение Сибири. Местные народы активно участвовали в новаторских преобразованиях.

В этот раз отправились на настоящую рыбалку. Дядя Коля договорился на своём заводе с попутной машиной. Выехали рано утром. Витька, Толян и Шурка с рыбацкими снастями и провиантом устроились в кузове, а дядя Коля сел в кабину к водителю.

Когда проехали Байдаевку, грузовик весело помчался по пыльной дороге. За городской окраиной начиналась тайга.

— Как робинзоны будем жить! — закричал громко Витька, радуясь начавшимся приключениям. Он вскочил с лавки и повернувшись навстречу ветру, раскинул в стороны руки. Пыль клубилась за задним бортом, пытаясь догнать машину и накрыть путешественников. Котомки подпрыгивали на ухабах и скакали по всему кузову.

— Папа сказал, что в лесу проведём, ажны, две ночи! — в полный голос добавил Толян.

— Ура! — подхватил Шурка.

Дорога петляла по лесу. Изредка грузовик вырывался на высокий берег Томи. Внизу течение плавно несло круглые лесины.

— Кондома! Кондома! Вон, впадает в Томь на том берегу, — стал показывать рукой Витька.

— Папа сказал, что едем под Старое Абашево. Потом пешком пойдём, — заорал сквозь шум встречного ветра Толян, прямо в ухо Шурке.

— Ура! — радостно отвечал Шурка.

Солнце поднялось уже довольно высоко. Встречный ветер стал тёплым. В кузове стало пыльно. Клубы несколько раз догоняли машину. Наконец, дорога решительно повернула в сторону от Томи. Дальше вдоль берега виднелась лишь слабая тропинка. Грузовик остановился. Из кабины вылезли шофёр и дядя Коля Сайкин.

— Вылазь, пацаны, приехали, — скомандовал шофёр юным рыбакам.

— Теперь пешком. В тайгу. Через час доберёмся до места, — сообщил дядя Коля. В руках у него была логарифмическая

линейка. Он что-то вычислял на ней. Даже издали он был похож на строгого начальника. Густые волосы были седыми с синеватым оттенком и всегда аккуратно подстрижены. Невысокий и худощавый, он никогда не горбился и не расслаблялся. В жилистых руках видна была сила.

Пацаны спрыгнули через борт на землю, прихватив котомки. Толян доверили ещё и сумку со снастями. Стали отряхиваться от пыли.

— Николай Георгич, возьмите на всякий случай. Пригодится, — шофёр вытащил из под сиденья бухту крепкой бельевой верёвки и протянул дяде Коле.

***

Лесная тропа закончилась, едва начавшись. Дальше пробирались через буреломы, то удаляясь от реки, то приближаясь к ней. Вода была ещё высокая. Одолевал таёжный гнус.

— Папа, может здесь остановимся? — жалобно предложил Толян на одном из привалов. Он давно уже стал отставать от группы и ему постоянно приходилось догонять.

— Грамм ума надо иметь! Не видишь, что место здесь не рыбное? — рассердился на сына дядя Коля.

Шурку тоже подмывало пожаловаться на усталость. Шли уже более двух часов. Оптимизм и радостное состояние души, нет-нет, стали меняться на уныние. Но в эти мгновения Шурке, вдруг, приходило на ум наставление деда Павла, которое он давал внуку ещё в Анжерке: «Голова для того, Ликсандра, чтобы руки и ноги не токмо всё могли, но и душа чтоб в сохранности находилась». После этого Шурке становилось, как будто, легче. Почему-то прибавлялись силёнки.

— Меня совсем зажрали слепни и комарё... Сволочи! — чертыхался Витька и остервенело отмахивался руками от гнуса.

— Всех зажрали, — успокоил дядя Коля.

— А на Шурку не садятся. Гляди, гляди! — сделал открытие Толян.

— Ты чё, заговорённый что ли? — потребовал ответа изумлённый Витька.

— Я пижмой натёрся. Вот и не лезут. Меня в Анжерке научили.

— А где ты взял пижму? — поинтересовался дядя Коля, со всей силы шлёпая себя ладонями по шее.

— Да вон она. Её тут полно, — Шурка показал на заросли, в которых виднелись зонтики желто-зелёных соцветий. Потом сорвал цветочный шарик и растёр его пальцами. — На, понюхай, — сунул палец под нос Витьке.

— Фу! Какая резкая вонь, — отскочил от Шурки старший брат.

Через минуту вся компания, всё же, натёрлась пижмой и гнус немного отступил. А ещё через несколько небольших переходов добрались, наконец-то, до места, которое понравилось дяде Коле. Остановились на небольшой полянке у самой реки. Спуск к воде был идеальным для рыбной ловли. Стали готовить лагерь.

***

— Первым делом, надо наловить рыбы для ухи, — распорядился дядя Коля. Он достал из своего рюкзака котелок, картошку и большие луковицы. Вынул из чехла большой блестящий нож, воткнул его в землю.

— Толян, давай сумку со снастями. Сейчас срежу всем удилица. А ты разматывай пока леску, приделывай поплавки, крючки. Сам знаешь, не маленький! — стал командовать Витька.

— А где сумка? — спросил Толян.

— Она же у тебя была!

— Нету где-то, — Толян стал шарить рукой в глубине своей котомки.

— Да она у тебя была отдельно. Чё ты роешься в мешке? Ты же в руках её нёс.

— Я не знаю, где она, — виновато промямлил Толян.

Стали искать. Проверили все мешки. Осмотрели поляну. Снастей не нашли.

— Может уронил по дороге? Надо вернуться назад, поискать, — Толян совсем сник.

— Надо грамм ума иметь! Куда ты вернёшься? — дядя Коля кипел от негодования.

Началась долгая воспитательная беседа с нерадивым Толяном. Отец стал перечислять все видимые и невидимые недостатки сына. Обвинил его в том, что он до сих пор не выиграл ни у кого в шахматы. Припомнил, что у него годовая тройка по математике.

Шурка ушел от греха подальше. Спустился к реке. Посередине величаво проплывали брёвна. Молевой сплав был в самом разгаре. В прибрежной заводи он увидел стайку мелких рыбёшек. Ему вспомнилась Горячка в Анжерке.

— Ты гляди-ка! Тут и пескари, и плотвички! — вслух воскликнул Шурка.

Не долго думая, он снял с себя одежду, сделал из майки бредешок и стал потихоньку охотиться за рыбёшками. Сразу же удалось поймать двух пескарей. Потом стали попадаться плотвички. Небольшие, с половину ладошки, они упруго бились в руках, сверкая на солнце серебром. Раз за разом Шурке сопутствовала удача.

— Ты чё там делаешь? — раздался с берега голос Витьки. Он спустился к воде и увидел в траве на берегу десятка два ещё живых рыбёшек.

— Глянь, на уху хватит? — спросил изумлённого брата маленький Шурка.

Витька помчался с гиканьем наверх к лагерю. Вскоре прибежали дядя Коля и Толян. Витька притащил пустой котелок, набрал в реке воды и стал собирать пойманную рыбу.

— Ну надо же! Ума, ведь, хватило! Ну, стервец! Ай да молодец какой! — приговаривал дядя Коля. — Хоть и мелочь, а на уху пойдёт! Вылазь, давай, из воды. Тут на ужин с лихвой хватит.

— Надо ерша словить. Без него уха не получится — Шурка повёл свой бредень в глубину. Раз, два, три — не попадается ни

ёрш, ни пескарь и никто другой. — Эх, припёрлись, нашумели! Всю рыбу мне распугали.

***

Уха получилась на славу, хоть и без ерша. Наелись до отвала. Хвалили Шурку. Солнце к тому времени стало клониться к горизонту. Река красиво несла свои воды среди тайги. Шурка вспомнил Анжерку, деда Павла, рыбалку на Яе, шалаш на берегу.

— Дядя Коля, а мы шалаш будем ставить? — спросил Шурка.

— Надо бы, да вот только я топор забыл в машине! Только сейчас вспомнил. Грамм ума надо иметь! — дядя Коля стал чертыхаться в свой адрес, — потом стал успокаивать себя и юную компанию. — Да он ни к чему нам. У костра на траве поспим. Куртками укроемся. Земля прогрета. Ночи тёплые стоят.

В это время солнце на горизонте зашло за тучу. А над головой в синем небе белые облака сделались серыми. Черневая тайга потемнела. Высоченные ели стали потихоньку раскачивать свои макушки. На водной глади реки появилась мелкая рябь. Сделалось прохладнее.

— Тут кругом бурелома много и сухостой имеется. Надо жердей сухих набрать и сделать шалаш. Без него ночь не протянешь. — Шурка говорил громко, но как будто бы сам себе.

На некоторое время на поляне установилась тишина. Все молчали и думали каждый о своём. Костёр хорошо отдавал тепло. Валежника и сушняка заготовили много. До утра хватит вполне.

Тишину нарушили дальние раскаты грома. Стало понятно, что нужно срочно строить шалаш. Все кинулись в чащу. Притащили на поляну сухие жерди для каркаса. Витька у реки резал отцовским ножом тонкий ивняк для переплёта. Дядя Коля ломал с елей смолистый лапник. Толян с Шуркой относили лапник на поляну.

Когда заканчивали строить шалаш, над тайгой уже носился настоящий ураган. Первые крупные капли, как пули, больно

били по спине, по лицу. Шурка вспомнил, как в таких случаях дед Павел крестился и бормотал себе в усы: «Господи, спаси наши души грешные». Малец, незаметно для других перекрестился и повторил про себя дедовы слова.

— Пальцы слипаются от проклятой смолы, — сообщил Толян.

— У меня тоже, — добавил Витька.

— У всех слипаются! — Дядя Коля в сторонке соскабливал с ладоней смолу своим блестящим ножом. Нож вонзал в землю, пытаюсь очистить лезвие. Витька побежал на берег, стал оттирать руки песком и глиной. Все попытки были бесполезны.

— Надо кипятком, — предложил Толян.

— Грамм ума надо иметь! — обругал его дядя Коля.

— А ты чего? Не насолил, что ли? — спросил Витька у Шурки.

— А я мочёй помыл, и всё отошло. Меня в Анжерке научили.

Дядя Коля стал громко смеяться. Его развеселило Шуркино сообщение.

Недоверчиво, отойдя в сторонку, Витька попробовал так же. Получилось. За ним последовал Толян.

— У меня нет мочи. Тужусь и никак! Дай мне своей, — попросил Шурку Толян, выглядывая из-за дерева.

— Чужая не поможет, надо своей. Так говорил дедушка, — ответил Шурка.

Слава богу, успели и шалаш достроить, и руки привести в порядок. Оказалось, что дядя Коля незаметно тоже воспользовался Шуркиным советом.

И вот разразился ливень. Гром грохотал одновременно со страшными вспышками молний. С неба лился водопад, норовя смыть всё, что можно.

Шалаш, каким-то образом, выстоял. Внутри было просторно. Места хватило всем. В нескольких местах сверху капало, но это не было бедой.

Кострище на полянке разметало ливнем. Разводить огонь снова не представлялось возможным. Гроза постепенно ушла в сторону от лагеря. На тайгу опустилась ночь. На небе не было ни звёзд, ни луны.

Мелкий нудный дождь шелестел снаружи, не собираясь останавливаться. Горе-рыбаки стали готовиться в шалаше ко сну. Ни полезных, ни бесполезных разговоров, какие обычно ведутся во время ночёвок на природе, не получалось.

— Утром домой поплывём, — сообщил дядя Коля.

— На чём поплывём? Как поплывём? Где плот возьмём? — раздались вопросы и появилась тема для разговора.

Всю ночь Шурка не мог уснуть как следует. Дремал и просыпался. Потом снова засыпал ненадолго. Обрывками снилась Анжерка. Несколько раз мелькнули картинки рыбалки на Яе. После случая на Яе пожилые родственники стали считать Шурку лунатиком. Видел своего защитника деда Павла. Он присутствовал во всех эпизодах рваного сновидения. Когда Шурка просыпался и лежал с открытыми глазами, дед присутствовал рядом в темноте. В эти моменты в неудобном шалаше Шурке становилось уютней.

***

Как только рассвело, рыбаки стали готовиться к путешествию.

— Четыре бревна нам хватит. Я тут всё рассчитал, — сообщил дядя Коля, показывая пацанам свою логарифмическую чудо-линейку.

— Будем вылавливать самые толстые, — откликнулся Витька.

— Каждому по бревну! — обрадовался Толян.

На плоту из толстых брёвен Шурка никогда не плавал. Он вспомнил, как в Анжерке на озере, когда искали утопленника, Толька Роженцев плавал на досках и отталкивался багром. Это был не плот, а звено дощатого забора.

***

После холодной ночи вода в реке казалась тёплой. Выловить четыре подходящих бревна не составило трудностей. Подобрали нужные поперечины из сухих жердин. Дядя Коля накрепко связал брёвна и поперечины. Верёвка, слава богу, оказалась очень кстати.

Погрузили на плот котомки, равномерно расположились сами и оттолкнулись батогами от берега. Плот вынесло на стремнину и началось радостное путешествие. Над гладью реки клубился утренний туман. Шурке казалось, что плот несёт его в сказочную неизвестность. Берега с вековыми деревьями едва угадывались. Иногда впереди возникал остров. Река делилась на два русла. Плот несло течением туда, куда надо было реке.

Шурка сидел на поперечной жердине на носу слева, Толян справа. Сзади на корме расположились Витька с дядей Колей. Котомки лежали на середине плота.

Двухметровые батоги уже не доставали до дна. В качестве вёсел они, практически, не годились. Плот оказался плохо управляемым речным транспортом. На поворотах реки его выносило к берегу на мелководье. Здесь Витька с отцом пускали в дело батоги. Упираясь ими в дно, возвращали плот в русло Томи.

— Кабы топор не забыли, вытесали бы вёсла, — сказал Толян Шурке.

— Кабы снасти не потерялись, ловили бы рыбу с плота, — сказал Шурка Толяну.

***

Мама не хотела отпускать Шурку. Она как раз в эти дни работала в ночь. Наташка боялась ночевать дома одна, хоть и перешла уже в третий класс. Но мама была не в силах удержать Шурку, как ни старалась. Обругала его и безнадёжно махнула рукой.

Лето только начиналось. Скоро Шурку с Наташкой отправят на поезде в Анжерку к дедушке. В Новокузнецке Наташка стала балериной. Ещё в первом классе её записали в клубе Гай-

дара в балетный кружок. Во втором классе она уже выступала на сцене. Наташка оказалась способной. У неё была настоящая балетная пачка и пуанты. Шурка гордился своей сестрёнкой, ходил на все её выступления.

В Новокузнецке Шурка любил вспоминать про Анжерку. И вообще, воспоминания и фантазирование было его любимым занятием. Ещё ему нравилось читать книги. Он записался в библиотеку и пачками носил домой рассказы, повести и романы. Читал про войну, про путешественников, про царей и королей. Даже умудрялся тайком читать мамнины книжки про взрослую любовь.

Прошлой осенью Шурку приняли в пионеры. В школе объявили сбор металлолома. Все пионеры понесли из дому на школьный двор старые кастрюли, сломанные велосипеды, ненужную железную утварь. Девчонки тащили даже консервные банки. Учётчик записывал кто сколько принёс металлолома. Тот, кто больше принесёт, поедет на торжественную пионерскую плавку на Кузнецкий металлургический комбинат.

Шурка со своим дружкой Вовкой Писаревым решили победить всех. Они натаскали на школьный двор кучу тяжёлых металлических решеток, которыми были накрыты приоконные ямы цокольных этажей в пятиэтажках. На следующий день Шурку с Вовкой объявили победителями и повезли на грузовике с металлоломом на торжественную плавку. В огромных цехах им показали расплавленный металл и дали грамоту.

А потом случилась беда. Вечером пришёл милиционер, составил протокол и велел Шуркиной маме оплатить стоимость утраченного городского имущества. В тот раз Шурке влетело как никогда. У мамы таких денег не было. Она плакала всю ночь в подушку. Милиционер поставил Шурку на какой-то учёт.

Из-за Вовки Писарева Шурка стал числиться хулиганом. Многие родители запретили своим детям дружить с Шуркой.

Вовка стал единственным его другом. Зато с ним было интересно. Он показал ему все бомбоубежища в округе. Научил открывать дверные замки, вынимать газеты из почтовых ящиков. Показал, как надо залезть по наружным пожарным лестницам на крышу пятиэтажек. На чердаках и в подвалах многих домов у них с Вовкой были обустроены схроны. Там можно было спрятаться от кого угодно. Там было уютно и безопасно.

В этом году весной случилась радость. В космос запустили Гагарина. Особенно радовалась мама.

— Он мой ровесник! Он герой! Он — первый в мире!

В этот день она принесла домой торт. Радио все дни общало о подвиге Гагарина. Шурка написал деду письмо и сообщил ему, что хочет стать «гагариным». Дед Павел ответил как-то уклончиво и непонятно, что «будет так, как на роду написано».

***

Тем временем туман над рекой исчез. Плот несло течением посередине реки. Дядя Коля с Витькой своими батогами подгребали в нужные моменты и держали направление. Справа и слева плыли многочисленные брёвна, покачиваясь на воде.

— Старое Абашево прошли! — громко сообщил с кормы дядя Коля.

— Я есть хочу, — сказал Толян и собрался, было пробраться на середину плота к котомкам.

— Сиди! Не двигайся, а то опрокинемся! — велел дядя Коля. — Впереди Кондома, а за ней город начнётся. Там и выберемся на берег.

Шурке надоело такое путешествие. Просидел три часа как истукан. Глаза устали смотреть на воду. Голова кружилась. Хорошо, что воспоминания на ум пришли, скрасили бестолковое время. Плот уже не казался надёжным. Верёвки ослабли и брёвна норовили разойтись. Впереди за поворотом показалась Кондома. Она впадала в Томь, разрезав левый берег. По ней тоже шёл молевой сплав. Брёвен в Томи заметно прибавилось.

Наконец далеко впереди стали видны заводские трубы. Дымы поднимались высоко в небо и нависали сплошной пеленой над городом. За Кондомой Томь сделала долгий поворот вправо. Плот понесло в левому берегу. Вокруг плыли брёвна. Их было уже так много, что поверхность реки казалась гигантской площадью для великанов, вымощенной огромными брёвнами.

— Запань! — крикнул дядя Коля.

— Ура! — обрадовался Шурка.

— Ура! Ура! — подхватили Толян с Витькой.

Но повода для радости, как оказалось, не было совсем. Плот вместе с другими брёвнами устремился в запань. Над рекой стоял грохот. Брёвна упирались в заграждение, наползали друг на друга. Река их крутила как в мясорубке. На берегу тяжелая техника не успевала вытаскивать брёвна из запани. Штабеля, как многоэтажные дома, высились на берегу.

Плот стал разваливаться под натиском плывущих рядом брёвен. Путешественников несло в ад.

— Прыгайте в воду! Плывите вправо на чистую воду! — сквозь грохот кричал дядя Коля. Толян с Витькой кинулись в воду, за ними дядя Коля. Плот перевернулся и рассыпался окончательно. Шурка оказался в воде в тесноте брёвен. Его несло в гигантский затор. Он пытался вскарабкаться на бревно. Брёвна крутило и каждый раз Шурка скрывался под водой. Его несколько раз ударило по голове. Наконец, брёвна плотно сомкнулись над Шуркой и наступила подводная тишина.

Тем временем Сайкины успели уплыть в сторону от запани. Их подобрали заготовщики леса, которые дежурили на реке в моторной лодке, высадили на берегу недалеко от штабелей. Они стали снимать одежды, выжимать штаны и рубахи. Заготовщики дали им горячего чая из термоса.

— Ох и ловкий же ваш парнишка. Мы диву дались! — восхищённо произнёс один из заготовщиков.

— Какой парнишка? — хором спросили трое Сайкиных.

— Ну, который четвёртым был на плоту.

- А где он?
- Да вон там, за третьим штабелем сидит. Вас дожидается.
- Как же он выплыл?
- А он и не плыл вовсе. Он скакал по брёвнам, как молодой козлёнок. Не споткнулся, не поскользнулся! Надо же! Как будто по воздуху летел.

***

Шурка сам не мог объяснить, как он выбрался на берег. Он даже дедову фуражку не потерял. Жалко было только утраченных котомок.

Глава 21

На поезде в Анжерку

Второй класс для Шурки начался в Сталинске. Через два года этот город назвали Новокузнецком. В начале Шуркина семья жила у Сайкиных на Малоэтажке. Потом маме дали комнату в засыпном одноэтажном бараке рядом со школой. Даже зимой в любые морозы Шурка добегал до школы раздетым. Если бы мама это видела, она бы его пришибла. Но она день и ночь работала медсестрой в полиомиелитном санатории. Шурка быстро научился выговаривать этот коварный медицинский термин. Дед Павел даже похвалил его за это.

Наташку определили в детский сад. Утром перед школой Шурка отводил её в группу, а вечером забирал домой. Весь день он мог делать всё, что ему хочется. Мама работала на две с половиной ставки медсестрой в санатории. Ей некогда было контролировать детей. Шурка и печку топил сам, и еду готовил для себя и Наташки. Мама давала лишь деньги на продукты. Он быстро узнал, где и что надо покупать. Научился тратить экономно.

В бараке жить оказалось не скучно. Соседи по выходным дням громко веселились, ходили друг к другу в гости, громко ругались, брали друг у друга без спроса всё, что находилось без присмотра. Мелкое воровство не считалось преступлением. В маленьких комнатках проживали многодетные семьи. За тонкими стенками было слышно, что делают и о чем говорят соседи. Особенно хорошая слышимость устанавливалась по ночам. Кряхтенье, стоны и скрип кроватей не давали уснуть. Шурка уже понимал, чем занимаются в это время взрослые.

В широком и длинном коридоре на дощатом полу дети разных возрастов гоняли мяч, прыгали через скакалку, играли в карты на деньги. Друзей среди них Шурка так и не завёл. Завёл одних лишь недругов.

Наташку часто пытались обидеть не только свои пацаны, но и хулиганы из соседних бараков. Она была модной и красивой девочкой. Привлекала всеобщее внимание своими цветными бантиками и модными платьями. Шурка запомнил наказ деда Павла оберегать сестренку. Если кто-нибудь начинал к Наташке приставать, она кричала на всю округу. Шурка, слышав её громкий вопль, выскакивал из барака на улицу и с ходу начинал махать кулаками. Доставалось всем, кто был в это время рядом с ней. Шурку в такие моменты все боялись и Наташка этим пользовалась.

Позже выяснилось, что к Наташке никто и никогда не приставал. Наоборот, приставала она ко всем. Тем не менее, это обстоятельство заставило Шурку стать, со временем, решительным и смелым. Он познал неписанные законы уличной драки. Научился выбирать моменты для нападения, обороны и отступления.

***

Каждый раз, когда заканчивался очередной учебный год, мама везла Шурку с Наташкой в Анжерку. Это было самое радостное событие в Шуркиной жизни. Всё лето он проведёт в доме Филипповых на Степной улице. Рядом с дедом!

Путешествие на паровозе начиналось утром в Новокузнецке и заканчивалось на следующий день в Анжерке.

В общих вагонах места нужно было успеть занять раньше других. Когда подавали к перрону состав, толпа пассажиров с чемоданами и узлами мчалась вдоль поезда и ломилась в открывшиеся двери вагонов. Шурка был шустрее всех. Маме доставалось самое лучшее место в общем вагоне. Впрочем, весь пассажирский состав состоял из общих вагонов. Впереди, правда, несколько вагонов были почтово-багажные. На каждом полустанке из них долго выгружали и загружали ящики, бочки, свёртки. Поезд останавливался «у каждого столба». Поэтому расстояние в триста километров преодолевалось за сутки, а то и того более.

Проводница носила по вагону постельное белье. Предлагала за рубль две простыни и наволочку. Никто не покупал: слишком дорого. На рубль в те времена можно было купить пять буханок белого хлеба. Пассажиры во время путешествия сидели и лежали на голых деревянных полках. А если кто-то брал себе белье для сна, на него смотрели как на буржуя. Потом, правда, настанут времена, когда простынями в поезде станут пользоваться все, кому надо ехать долго.

Шурка любил забираться на третью полку, где лежали свёрнутые рулоном ватные матрасы. Один он разворачивал во всю длину и ложился на него, не раздеваясь. Другой, неразвёрнутый, служил изголовьем. С верхней полки можно было глядеть в окно. На поворотах виден был паровоз. Он тащил длинный состав, который извивался как змея. Из паровозной трубы валил чёрный дым.

Картины за окном менялись как кадры в бесконечном фильме. Оторваться просто так было невозможно. Поля, леса, деревни, небо — всё это было реальной родиной Шурки. Он хорошо запомнил дедовы слова: «Своя земля не чужбина... На ей не пропадём». В такие моменты ему казалось, что он летит над бесконечным пространством. Летит к своей заветной мечте увидеть Илью пророка.

***

В вагоне все пассажиры устроились как могли. Шумное заселение закончилось. Началось долгое путешествие. Шуркина мама расположилась с Наташкой на нижней полке у окна, у противоположной от Шурки стенки, то есть в поле его зрения. Напротив устроилась тихая старушка с дедом. Мама выложила на столик свёрток с провизией: варёная картошка, яйца, хлеб, кусок докторской колбасы за два двадцать, соль в спичечной коробочке, кофейные карамельки для Наташки и сахарное печенье к чаю.

По вагону, как бывало в те времена, уже успел проехать на доске с колёсиками безногий инвалид-попрошайка. Мама про-

тянула ему копеечку. Потом прошли цыганки с малыми цыганытами. Предлагали угадать по картам судьбу.

Мама открыла толстую книгу и стала читать очередной роман. Сколько она их уже перечитала, Шурка ни за что не взялся бы сосчитать. Он всегда любовался ею, когда она читала. Особенно она была хороша сегодня: молодая, красивая, чернобровая, стильно одетая, с накрашенными губами.

— Позвольте составить вам весёлую компанию!

Рядом с Шуркиной мамой присел молодой мужик без рубашки, в майке. Достал из широких штанов бутылку «Московской» и с шумом поставил на столик рядом с маминой провизией. Потом выставил вперёд два пальца и покачивая ими как рогами наставил на Наташку.

— Идёт коза рогатая, идёт коза бодатая! Это кто у нас, маленькая козявка? — продолжил балагурить незваный пришелец. Наташка придвинулась к маме и обхватила её тонкую талию.

— Это моя младшая сестрёнка, — ответила Шуркина мама и закрыла книгу.

С верхней полки Шурка стал разглядывать мужика. Он напомним ему Федорова Готьку, блатного хулигана со Степной.

— Гульнём малёхи, девочки? — мужик принялся было распечатывать принесённую бутылку. В этот момент Шурка коршунном слетел вниз и встал между мамой и мужиком.

— О! Это что за птица такая? — удивился гуляка.

— Это мой братишка, — ответила мама.

— Четвёртым што ли будет? — продолжал удивляться мужик. На одном плече у него был выколот синий Ленин, на другом Сталин. Среди верхних зубов желтела металлическая фикса.

— Дяденька, моя мама пошутила. Я не братишка. Мы пить водку с вами не станем. Валите отсюдава подобру-поздорову.

— Ой-ой-ой! Какие мы грозные! А то што будет?

— Я милиционера позову. Он вас в тюрьму посадит, — у Шурки в голосе чувствовалась спокойная, не детская уверенность.

— Правда, мил человек, шёл бы ты в другое место, — подключился к разговору дед с соседней полки.

— Не доводи до греха, — добавила старушка.

Мужик не ожидал такого дружного отпора. Забрал молча свою бутылку и быстро удалился.

— Ну зачем ты так ведёшь себя с незнакомым человеком? — зашептала Шурке на ухо мама.

Шурка не стал оправдываться. Полез на свою верхнюю полку. В его детской голове, почему-то, пульсировали слова деда: «Солдат должен соблюдать своё место».

Глава 21

Сенокос

Последний год в доме Филипповых на Степной никого из детей не осталось, кроме Кости. Он без родителей не мог обходиться. Тамара вышла замуж. Правда, жила недалеко, сразу за станцией. Приходить в родительский дом стала всё реже. Надо было новую семью создавать. В родне поговаривали, что дядя Миша хочет, якобы, забрать своих родителей и брата-инвалида к себе в Киргизию. Но все знали, что Шуркин дед Павел никуда из Анжерки не поедет. Для него теперь осталась одна отрада: принимать собственных детей и внуков, разлетевшихся по свету, в качестве гостей.

Этим летом Шурке запомнился больше всего сенокос и жизнь в шалаше вместе с дедом. Мама привезла его и сестрёнку Наташку из Новокузнецка в Анжерку на всё лето, сразу, как только начались школьные каникулы.

***

Первый прокос делали навстречу восходящему солнцу. Прозрачные как слеза росинки искрились в высокой траве и разлетались миллиардами брызг. Колосистая овсяница — выше пояса! С пушистыми метёлками на концах — кострец! Клевер — толстым зелёным ковром под ногами! Там и сям — васильки! Над всей этой красотой щебетание лесных птиц на разные лады!

Косари в белых исподних рубахах размеренно шли друг за другом с отступом на расстоянии взмаха косы спереди и с боку. Широкие штаны заправлены в голенища кирзовых сапог. Передний косарь задавал темп. Дружные взмахи справа налево на всю вытянутую руку: вжик-вжик-вжик! Слева аккуратно ложился валок свежескошенного разнотравья. Дойдя до опушки леса, разворачивались и шли назад. Теперь солнце светило в затолок. Над спинами крепких мужиков поднималась испарина.

Приехал из армии на побывку Виктор, самый младший из Курнаковых. Как раз подгадал к сенокосу. Дядя Володя Курнаков, старший из братьев, взял отпуск на шахте, чтобы помочь деду Павлу. Средние братья — Геннадий и Михаил на сенокос приехать не смогли. У них на шахте в это время бывают авралы. Народу не хватает, а план выдавать надо.

Косить траву каждое утро приезжали на своих мотоциклах дядя Витя Щербаков и дядя Гера Кислухин. Но они не ночевали в шалаше. Приедут рано утром, поработают пока роса и возвращаются в город. Они были основными косарями. Дядя Миша Филиппов тоже хорошо косил, старался им не уступать. В этой троице все были сродственниками, то есть родными не по крови. Их жёны были двоюродными сёстрами. Но в Сибири такая связь испокон веку роднила всех, даже если бы кто-то из зятей, например, был татарин. Делились все на близкую родню и родню дальнюю. Все крепко стояли друг за друга.

Как раз, этим летом дядя Миша Филиппов привёз с собой из своей Киргизии сына Вовку, Шуркиного близкого родственника или двоюродного брата. Вовка ни разу ещё не бывал на покосе. Они с Шуркой успели только на озере побывать. Теперь Шурке предстояло обучить Вовку жить в лесу.

***

Идёт страда. Просторные шалаши в ряд стоят на краю поляны задом к лесу. Две недели будет длиться сенокос. Выкосят огромную поляну, выделенную анжерскими властями для владельцев домашней скотины. Захватят и дальние полянки. Дождутся, когда высохнет скошенная трава. Женщины ежедневно будут ворошить её в валках, чтобы плесень снизу не пошла. Потом начнётся стогование. Четыре стога высотой с двухэтажный дом вырастут на поляне. До зимы их надо будет вывезти в город на свои усадьбы. Два стога увезут на Хип-Хаб. Там родни много. Почти все держат скотину. Сена хватит на всю зиму.

Шурка всегда с нетерпением ожидал летнего сенокоса. Две недели жизни в лесу в сплочённом трудовом коллективе большой анжерской родни оказывали сильное впечатление на парнишку.

Это лето оказалось уже третьим сенокосным для него. Дед обещал внуку научить его нынче управляться с косой.

— Коса, Ликсандра, разная размером бывает. Для Витьки Щербакова большая нужна, двушка с полтиной. Вишь, какой он богатырь у нас, — объяснял дед.

— А для дяди Геры?

— Ему и Михаилу нашему полторка сподручней будет. В самый раз под размах руки. А Виктору Курнакову двушка подойдёт. Он солдат, силы в ём много.

— Деда, а мне какая подойдёт?

— Тебе и Вовке, пока, никакая не сгодится. Подрасти надобно... Есть у меня единичка, на всякий случай. Дам, можа, попробовать.

После обеда дед отбивал косы. У него на этот случай были все инструменты: наковаленка из куска рельса, молоточки разной звонкости, осилки и подпилки. Дед садился на маленькую скамеечку перед наковаленкой, располагал на неё лезвие косы и осторожными ударами молоточка едва-едва плющил режущую кромку по всей длине. Потом осилком делал довод острия и в конце подпилком наносил лёгкие зазубринки.

— Коса разная бывает. На каждую свой молоточек нужен. Если коса шибко звонкая, молоточек должен быть чуть звонче... Металл закалён по-разному. Надобно правильно услышать. Ударишь неправильно, металл потянется, косу поведёт и лезвие не станет брать траву.

Дед Павел комментировал свои действия, а Шурка и Вовка сидели рядом на траве, разинув рты, слушали мастера.

— Я так не смогу! — восхитился работой деда Шурка.

— Сможешь, когда понадобится. Человек, Ликсандра, всё сможет... На то он и человек.

Дед повесил отбитую косу на ветку берёзы. Велел Шурке принести следующую. Тем временем Вовка решил проверить остроту лезвия и тут же порезал палец. Из раны хлынула алая кровь. Вовка даже не успел вскрикнуть. Не успел сообразить, что произошло. Сунул палец в рот и стал отсасывать кровь, сплёвывая на траву. Дед молчком оторвал от ветоши узкую полоску. Завернул в неё какие-то листья травы, положил на наковаленку и легонько отбил молоточком. Белая полоска стала зелёной, развернул её и стряхнул травяной мякишь.

— Иди-ка сюды, — приказал дед Вовке. Туго забинтовал ему палец. — К утру затянется!

На этом показательное отбивание косы закончилось. Дед отправил внуков помогать женщинам готовить обед.

***

Дядя Петя Никулин приезжал каждый раз на два дня. Привозил на телеге в молочных флягах воду с городской водокачки. С ним приезжала Тамара Филиппова — Шуркина младшая тётя и Галка Никулина. Привозили чистое бельё и хлебный квас в двухведёрной бутылки. Баба Поля варила его специально для косарей. Такого вкусного напитка Шурка никогда и нигде не пробовал. Опару для кваса она делала из зелёных шишек хмеля и ржаного хлеба. Добавляла мятный лист и сушеную смородину. Три дня и настоящий анжерский квас готов! Но не у всех так может получиться.

Галка и работала, и разгуливала по лагерю в красивом купальнике. На реплики мужчин озорно отвечала:

— У меня тут курорт! Мне загореть надо!

— Бесстыжая, — ворчал на неё отец, дядя Петя Никулин.

Они вдвоём с Тамарой работали весело, у них всё получалось легко. Весь день звонко смеялись на весь лес. Вечером у костра время проводили с шуточками. Не было заметно, что они за день устали.

Дядя Петя днём помогал деду Павлу, делал с ним волокуши из тоненьких кучерявых берёз, заготавливал дрова для костри-

ща. Потом ночь ночевал в шалаше с мужиками, а к вечеру на другой день вместе с девками ехал обратно в Анжерку, увозил в стирку пропотевшее бельё.

Никулинский конь узнавал Шурку, радостно ржал при встрече. Может, это было и не так, но Шурке казалось именно так. Он протягивал ему на ладони кусочек сахара и конь аккуратно забирал лакомство своими огромными розовыми губами.

Женщины приезжали вахтовым методом, на пару дней. Ворошили валки, управлялись на кухне. Приезжали Тамара Павлова и Люда Ильина. Они могли целый день без усталости выполнять тяжёлую работу. Сено больше недели просушивалось на поляне. Его надо было постоянно ворошить.

Приезжали девки Курнаковы — Люда с Галкой. Эти, вообще, были спортсменками. У них на покосе всё получалось быстро и ловко. Вечером у костра они звонко пели на два голоса.

— Огней так много золотых на улицах Саратова, — начинала Галка.

— Парней так много холостых, — вступала Люда.

— А я люблю женатого! — озорно заканчивали куплет вдвоём.

Шурка любил слушать песни своих тётушек-родственниц. Все любили. У них получалось задушевно и очень красиво. Они знали очень много песен. Могли петь до утра. Мужики выпивали целое ведро чаю, пока слушали. Не хотелось их останавливать.

— А энту спойте, ну как её? Про бродягу на Байкале.

— Спойте лучше частушки!

— Тока не матерные. Дети тут.

Над ночным лесом лилось, то грустное, то весёлое пение. Мужики наперебой заказывали им всё новые и новые песни.

— Пора спать. Утром подъём по-солдатски, — раздавалась, наконец-то, генеральская команда.

Дед Павел был непреклонен. Ослушаться его не осмеливались даже взрослые мужчины. Скажет тихо и спокойно, а перечить и мысли ни у кого не возникает.

— Деда, а как ты знаешь, что пора спать? — успел перед сном полюбопытствовать Шурка.

— Солнце закатилось, значит жизнь дневная закончилась. А утром, с восходом, ты заново нарождаешься. Надобно не пропустить жизнь...

***

Трава на всех полянах была скошена. Кислухин и Щербаков в эти дни уже не появлялись. Но на стогование они явились в назначенный дедом Павлом день.

Дядя Гера лучше других управлялся наверху стога. Там надо было иметь особую сноровку. Неправильно сложишь стог, он развалится, и сено может сгнить до зимы. Хорошо причесанный стог не пропустит внутрь ни дождя, ни снега. Хоть из ведра лей сверху, вся вода вниз скатится.

Дядя Витя Щербаков подавал сено снизу длинными вилами. Он был высокого роста и очень сильный. Захватывал огромные охапки и легко забрасывал их наверх.

— Витька, ты меня скоро зароешь! — кричал сверху дядя Гера, не успевая распределять сено по поверхности стога.

— Шевелись, мелкота, не на именины приехали! — весело отвечал снизу свояк.

Дед Павел подвозил на волокуше с дальних угодий всё новые и новые копёшки высушенного сена. Внуки помогали деду. Вовка вёл под уздцы коня к стогу, а Шурка сидел на коне верхом. Дед сзади придерживал вилами сено на волокуше.

***

В следующий раз дядя Петя привёз на покос целую ораву ребятишек. Приехала Наташка-третьеклашка, Надька Забегалова с братом Вовкой. Юрка приехал на своём велике. Взяли с собой даже Тольку Роженцева. Все приехавшие присоедини-

лись к Шурке с Вовкой, и под их руководством стали осматривать покосное хозяйство.

— По краю леса малина зреет... Которая некрупная, та слаще. А та, которая крупная, она в тени стоит. В тени сахару много не наберёшься, — стал разъяснять ребятам дед Павел.

— Дядя Паш, а сморода тут есть? — спросил Юрка Забегалов.

— За смородой надо в лог спускаться. Нонче она рясная, — отвечал дед.

— Там на велике не проедешь, — сделал вывод Юрка.

— А вон на тех лысых взгорках земляники полно. Когда ехали сюды, сам видел... Красная уже, — присоединился к разговору дядя Петя Никулин и стал показывать рукой направление.

— Мы с Надькой за земляничкой пойдём! За земляничкой, за красненькой, — вызвалась Наташка. Они с подружкой были одногодками и много времени проводили вместе.

— Идите в дальний шалаш, там квас в тенёчке припрятан. Попейте кисленького... Потом уж по ягоды пойдёте... Кто куды надумает, — предложил дед Павел.

— Кто захочет, может на велике прокатиться. Мне он не нужен будет. Пойду мужикам помогать, — объявил Юрка.

Но ребятня уже сделала свой выбор. Никто не захотел кататься. Сбирать ягоду было интереснее. Дома родители сварят сказочное варенье. Лакомство из лесных ягод — это самое лучшее, что может быть на свете. Об этом в Анжерке знали все от мала до велика.

***

Вовка Забегалов выбрал малину. Пошел по опушкам леса. Шурка с Вовкой Филипповым и Толькой Роженцевым пошли в лог за смородиной. Там было не так жарко, как на полянах. Намазались пижмой от комара. Шурка показал пацанам, как это делается. Его дед научил.

В зарослях было сыро. По дну лога бежал небольшой ручей и кое где между кочек образовались заболоченные места.

Приходилось прыгать с кочки на кочку. На склонах разрослась смородина. Её было видимо-невидимо! На сильных кустах ягода висела крупными гроздьями. Друзья разбрелись и, поодаль друг от друга, стали наполнять свои ведёрки.

Комар гудел, но близко к телу не приближался. У Шурки получалось ловко. Не впервой! Семилитровое ведро мало-помалу стало заполняться.

Вовка не умел собирать смородину. Он выбирал по одной самую чёрную ягоду и пытался аккуратно её сорвать. Аккуратно никак не получалось. Через некоторое время Шурка услышал громкий хохот Толяна. Тот заливался на весь лес.

— Ты глянь на него! Ты только глянь!

— Чего орёте как резаные? Всю ягоду распугаете.

Шурка пробрался к месту происшествия и, увидев живописную картину, стал хихикать. Брат из Киргизии был разукрашен с ног до головы. Руки, всё лицо и вся его одежда окрасились в цвет спелой ягоды. На дне его ведёрка лежала, в основном, раздавленная спелая смородина. Толян и Шурка принялись смеяться над Вовкой. Тот никак не мог сообразить, над чем смеются. А сибирских пацанов настолько разобрал смех, что они были не в силах ему объяснить.

— Да ну вас, — обиделся Вовка и оправился, было, в лагерь. Прыгнул с кочки на кочку и по пояс оказался в болотной жиже. Сбор смородины для него закончился окончательно.

Толян и Шурка остались в логу добирать свои ведёрки. Очень уж богатый был урожай. Они знали, что надо осторожно отрывать кисточки, не трогая ягоды. Через некоторое время Толян сказал, что его тошнит. Пришлось и ему отправляться в лагерь.

Шурка оказался самым опытным сборщиком, хоть и был младше Вовки и Толяна. Прошлые дедовы уроки пришлись на пользу. Он решил набрать полное ведро и только потом возвратиться. Мысль о том, что дед похвалит его за старание, придавала ему силы и терпение.

— Филиппок! Ты где? — послышался девчоночий голос сверху. Это была Надька Забегалова. Шурка выбрался наверх вместе с ведром.

— Ты чего припёрлась? Вы же с Наташкой на землянику пошли! Ты чё, бросила её? — забеспокоился Шурка.

— Там Толька Роженцев к ней пришёл помогать. А сам шуры-муры крутит.

— Чего-чего?

— Нравится ему Наташка. Ну, я не стала им мешать. Пришла, вот, к тебе.

— А на кой ты мне здесь нужна? Мешать только будешь.

— Ты мне нравишься, — смущённо объяснила Надька.

— Ладно, оставайся, — подобрел Шурка

***

Скоро или нет, но смородину некуда уже было складывать. Надька оказалась тоже хорошей сборщицей. Шурка накрыл ягоду сверху широкими листьями лопухов и они с напарницей вдвоём потащили в лагерь полное ведро. Дед Павел, как и ожидалось, похвалил внука. Зря похвалы он никому не раздавал.

— Это Надька Забегалова молодец. Помогла мне, — разделил Шурка дедову похвалу со своей подружкой.

Вовка Забегалов принёс в лагерь полный котелок малины.

— Вот! Набрал красной и мелкой. Крупной-то много в зарослях, а эта тока на солнечных местах попадается, — принялся он докладывать деду Павлу.

— А ну-ка дай попробовать, — крикнул Вовка Филиппов, подъезжая к лагерю на Юркином велике.

— А ты чего без штанов ездешь? — спросил Вовка Забегалов, пряча за спину котелок с ягодой.

— Штаны на ветке сохнут, вон там, видишь?

— Ты чё, обмочился? — Все засмеялись.

— А по зубам не хочешь? — Филиппов прислонил велик в шалашу и с кулаком подступил к Забегалову.

— Он в болото провалился! Чуть не утоп, — стал заступаться за брата Шурка.

Все стали расспрашивать, что, да как. Надька толкнула в бок Шурку и шёпотом сообщила:

— Вон, погляди-ка.

С пригорков к лагерю спускались Толян с Наташкой. Толян в одной руке нёс туесок, а другой сжимал Наташкину ладошку.

— Земляника вредная ягода, — принялась объяснять присутствующим Наташка, показывая пустой туесок.

— Пошто ты так решила? — удивился дед Павел.

— Она плохо собирается. Её, вроде, много вокруг, а на самом деле мало. Даже покушать не хватило.

Теперь все стали смеяться над Наташкой. Толян заступился за неё.

— Я попробовал, у меня тоже быстро не получилось. Чего смеётесь? Испробуйте сами! Посмотрим, кто будет смеяться.

— Натаха, ты мою смородину забери. Бабушке скажешь, что сама набрала, вступился Шурка за сестрёнку.

В это время послышался шум и гиканье. Через поляну мчалась никулинская бричка. Юрка Забегалов, стоя на полусогнутых ногах на телеге, натянув вожжи, лихо управлял резвым конём. Все повернулись в сторону ездока и восхищённо стали любоваться красивым галопом. По скошенной траве повозка, стремительно и без грохота скользила по зелёному морю. Рубаха на спине возничего надулась огромным пузырьём. Около лагеря Юрка изо всех сил натянул вожжи и остановил бричку. Конь, запрокинув голову и раздувая ноздри, издал громкое «иго-го». Надька с Наташкой завизжали и кинулись прочь. Шурка вынул из глубокого кармана кусочек сахара и побежал угощать своего друга-коня.

— Дядя Петя велел собираться домой тем, кто с ним приехал, — громко объявил Юрка.

Вечером пили с кусковым сахаром смородиновый чай у кистра. Разговоры шли о завтрашнем отъезде. Тамара Павлова и Люда Ильина перемыли всю посуду, все котелки и вёдра. Дядя Володя и Виктор Курнаковы собрали в одно место все грабли, вилы, топоры, верёвки и прочую утварь.

Дядя Миша готовил телегу. Снял ослабленное колесо и обстукивал железный обод, усаживал деревянные клёпы. Вовка помогал отцу.

Как только окончательно наступила ночь, все улеглись спать без дедовой команды.

Ночью в шалаше Шурке приснилось, как они с Надькой ловко собирали ягоды. Это было последнее сенокосное лето в Анжерке с дедом Павлом и с большой Шуркиной роднёй.

Послесловие

Самолет прилетел из Москвы в шесть часов утра. Город, освещенный ярким июльским солнцем, начинал просыпаться. На крыльце института стоял в одиночестве высокий седовласый мужчина в строгом костюме, в белой рубашке с красивым галстуком.

— Александр Алексеевич? — басовито осведомился мужчина и спустился по ступенькам широкого крыльца навстречу. Рассмотрел внимательно институтский ромбик на лацкане пиджака молодого приезжего.

— Да.

— Здравствуйте! Мы вас ждем. Вчера позвонили из министерства. Сообщили. Я тут сейчас вместо ректора, — мужчина протянул руку. Поздоровались. — Пойдемте ко мне.

Прошли через красивый холл на второй этаж. На двери кабинета Александр Алексеевич успел прочитать табличку «Проректор по учебной работе». Расположились за широким столом напротив друг друга. Приезжий из Москвы достал из портфеля документы.

— Вот, распределили на работу к вам. Буду преподавать кинорежиссуру.

— Будем работать вместе. Предстоит много интересных дел!

— Фамилия ваша напомнила мне одного из моих любимых советских поэтов.

— Да, поэт известный! Это мой дядя, брат моего отца.

— Вот как?! Знаменитого советского поэта я впервые узнал в школе, когда мы с мамой проживали в колхозе в Средней Азии. Потом повторно знакомился с его поэзией на курсе советской литературы, когда обучался в институте в Москве. Надо же! Теперь с этой фамилией встретился в Сибири!

Александр Алексеевич стал читать вспомнившиеся ему строчки:

Куда ни помотришь — родные,
Открытые сердцу края.

Проректор расплылся в широкой улыбке. Кивая головой в такт стихам, подхватил слова и они продолжили хором:

Я весь пред тобою, Россия,
Судьба моя, совесть моя!

В кабинете воцарилась доброжелательная и доверительная атмосфера. Поговорили о планах на ближайшие дни. Александру Алексеевичу предстояло принимать вступительные экзамены у абитуриентов. В институте начинались консультации для поступающих на первый курс.

- Вам сколько лет сейчас? — неожиданно спросил проректор.
- Двадцать пять.
- Вы, говорят, и армию уже отслужили?
- Правильно говорят.
- Не страшно?
- Слегка волнуюсь, — соврал молодой специалист.

На самом деле, в последнее перед приездом время, ему снился один и тот же жуткий сон. Выходит он на сцену в театре играть свою роль. Софиты высвечивают его одинокую фигуру. Зрители в тёмном зале затаили дыхание. Ждут начало его нравственно-философского монолога из мировой драматургической классики. Но слова забыты напрочь! Лихорадочная пауза тянется невероятно долго. Руки и ноги трясутся. Горло пересохло так, что не повернуть язык. Зал начинает роптать. Потом в сторону артиста несутся обидные подсказки. Пауза становится невыносимой. Артист в окончательном ступоре. Зрители начинают смеяться и аплодировать. А затем начинается настоящее извержение вулкана. Зал грохочет. Сцена проваливается в без-

дну. Стены рушатся, превращаются в чёрную тучу пыли и безвозвратно уничтожают артиста...

— Почему выбрали наш город?

— Меня благословил сюда мой Мастер, у которого я учился. Он был инициатором открытия уникальной кафедры в Москве, в Ленинграде и, почему-то, здесь. Министерство поддержало его.

— Да, да. Я слышан. Такие специалисты нужны сейчас нашей стране.

— А потом, скажу вам ещё, что в этих краях покоится мой дед. Коренной сибиряк, из рода первопроходцев. Он был моим главным учителем. Кроме того, как только мне дадут квартиру, ко мне приедет моя жена и крошка-сын. Как говорится, моя родина станет их родиной.

— Понимаю! Это по-нашему. Квартиру для вас город обещал дать без задержек.

— В ближайшие выходные хочу навестить могилу деда в Анжерке.

— Это недалеко. Туда сейчас автобусы всего полтора часа едут. Таёжную глушь до Анжерки, наконец-то, пробили, дорогу заасфальтировали. Надо, надо съездить туда обязательно. У нас в институте учится много студентов из Анжерки. Хорошие ребята.

— Моё детство прошло в Анжерке. Лучшее время в жизни! Рядом с дедом Павлом!

— Надеюсь, что пару дней вам хватит на обустройство. Потом в субботу и в воскресенье отдохнёте, посмотрите наш город. А в понедельник приступайте к работе. На кафедре вас ждут коллеги.

Александрю Алексеевичу дали комнату в общежитии, в бухгалтерии оплатили проезд и выдали подъёмные. До понедельника оставалось три дня, и он отправился в Анжерку.

Уже несколько дней стояла несусветная июльская жара. Такое всегда случается в Сибири после сенокосов. Вся Анжерка будто бы превратилась в раскалённую сковородку. Мареву над городом растворило солнце. На полуденной Степной жизнь словно поджарилась. Ни курей на улице, ни людей, никого не видеть. Собаки попрятались в тень, голосов не подают. Даже со станции не доносятся привычные звуки Транссибирской железной дороги.

Александр Алексеевич с нарастающим волнением шёл по пыльной улице, приближаясь к дому своего деда, забытому надолго. Сердце стучало на всю округу. Хотелось попить чего-нибудь холодненького.

За двадцать лет здесь всё изменилось. Нет, здесь ничего не изменилось, здесь всё постарело. Деформировалось пространство. Улица сделалась в два раза уже и короче. Знакомые дома стали ниже. Некогда просторные и вкусные огороды превратились в ничтожные земельные наделы с теснящимися грядочками.

Вот он, дом Филипповых! Боже мой! Жалкий домишко с тремя, выходящими на улицу, оконцами представлял собой грустное зрелище. Резные наличники растрескались и местами отвалились. Облупившуюся краску почти всю смыло дождями. Крыша из тёса поросла желтым мхом. Деревянный мосток перед воротами сгнил и провалился. Перед домом, вместо раскидистой черёмухи, выросло сухое дерево.

— Явился, значит! — услышал за спиной басовитый женский голос Александр Алексеевич и вздрогнул от неожиданности.

У терентьевской калитки, напротив, стояла бабка-матершиница. В мозолистой руке, свисающей ниже колен, она держала детский красный шарф. За её спиной возвышался крепко срубленный дом. Брёвна почти не потемнели от времени. На бабке, как на вешалке, висело выцветшее от времени знакомое длинное платье, на босу ногу надеты просторные галоши.

— Здравствуйте, бабушка Терентьева! — узнал древнюю соседку Александр Алексеевич. Она нисколько не изменилась в своём обличье, только высохла вся. «Может мне показалось? Может это призрак какой-то? Не может быть!» Мысли обгоняли друг друга.

— Тыщу лет уже здравствую! Не бабушка я тебе! — ответила Терентыха, соблюдая строгость в голосе.

На Александра Алексеевича повеяло какой-то странной прохладой. Он стоял на адской жаре, а нутро как будто бы остывало. Даже пить расхотелось. Вдруг ему показалось, что за её спиной, в доме Терентьевых, происходит какое-то движение. Кто-то невидимый задвинул шторку в окне. В другом окне мелькнула чья-то тень. Донеслось побрякивание кухонной посуды, постукивание топора на задах.

Нет, он это не увидел и не услышал. Он это каким-то образом почувствовал. В доме Терентьевых происходило что-то неладное. А на улице перед ним стояла древняя партизанка Терентыха, какая-то мутная и выцветшая.

— А кто это у вас дома? — взволнованно любопытствовал, первым делом, Александр Алексеевич.

— Все, кому положено. Все тут... Тонька на кухне крутится. Глухонемой с сыном Толькой баню перестраивают. Нинка бельё стирает к субботе, в баню собирается. Старший, как из тюрьмы последний раз вышел, тихонько водку пьёт в одиночестве. Не остановить его уже...

Бабка говорила чётко, без запинки, как строевой офицер. У Александра Алексеевича перехватило дух. Вокруг никого не было, кто бы засвидетельствовал их странный диалог. Сам он не мог поверить в то, что говорила бабка.

Он присел на брёвна, которые лежали, как прежде, вдоль забора. «Надо сосредоточиться. Наверно работает моя способность фантазировать. Наверное я перегрелся». Мысли обгоняли друг друга. Ему стало страшновато от непонимания того, что происходит. Наконец он робко повернулся в сторону калитки

с надеждой, что там нет никакой бабки. Но старая Терентыха смотрела на него в упор и продолжала:

— Кости ихние в земле гниют, а сами-то они здесь. Куды же им деться-то.

Александра Алексеевича, после этих объяснений, немного отпустило. «Сколько же ей лет? Она ведь намного старше деда Павла, а он помер уж пятнадцать лет назад. Нет, так долго не живут православные люди. Видать, сознание деформировалось у старухи». Мысли продолжали роиться в его голове, приободряя состояние. «Надо попробовать пообщаться с ней психоментально. Принять её ирреальность. Подыграть ей».

— Бабушка, а что нового у соседей?

— Ты из меня дуру-то не строй. Ишь, игратья со мной вздумал! Я не тока тебя, всех накрозь вижу, — ответила бабка, словно разгадав коварный замысел.

— Как поживают Никулины? — как можно наивнее продолжил вопрошать Александр Алексеевич.

— Нету прежних Никулиных. Кто-то отжил уже, а кто-то мучается ещё. Верка с Галькой на северах болтаются. Как тока они разлетелись, Петру незачем стало жить. Схоронили. Коня на мясокомбинат сдали. С тех пор Петро не появляется в доме. Фешку свою боится.

— Тётя Феша жива ещё?

— От неё бес только остался. Самой Фешки-то уже нету...

Александр Алексеевич посмотрел в сторону Никулиных. Статный дом с высоким крыльцом стоит на месте. Но перед высокими дощатыми воротами, через которые дядя Петя заводил на подворье своего коня, выросли многолетние сорняки. Около калитки трава не вытоптана. В огороде и в доме видны признаки запущения.

— Бабушка, можно я загляну к Никулиным?

— Чего ж нельзя-то! На замок не закрыто. Ступай, засвидетельствуйся, коли явился, — бабкин голос звенел над Степной, упруго разрезая духоту пространства. Заковыристое слово прозвучало особенно изящно.

— Покарауйте, пожалуйста, — Александр Алексеевич указал на свой портфель, который лежал на бревнах, и направился к Никулиным.

— Цена ему с бараний катыш, — буркнула вслед бабка.

На калитке засов был не задвинут. Перед высоким крыльцом вырос бурьян. Александр Алексеевич поднялся по ступенькам, громко постучал костяшками пальцев в дверь. В доме что-то гроыхнуло. Похоже, опрокинули стул. По полу кто-то пробежал из одной комнаты в другую.

Войдя внутрь, Александр Алексеевич никого не обнаружил. Комнаты были пусты. Из коридора во внутренний крытый двор можно было спуститься по крашеным широким ступеням. В полутьме угадывался вход в курятник и в свинарник. Живности здесь, по всей видимости, уже не было давным-давно. Дверь в огород была закрыта. В маленькое запялённое окошко над дверью тускло проникал дневной свет. В дальнем углу стоял большой старый шифоньер. Когда-то он стоял в спальне с красивыми платьями Верки и Галки. Глаза, мало по малу, стали привыкать к темноте. Всюду, где это обычно бывает, свисала давнишняя паутина. Прохлада крытого двора источала кислый запах плесени. Под потолком, то там, то сям, висели пучки каких-то высохших трав.

Вдруг из тёмного угла, где стоял шифоньер, донеслось какое шевеление. Таинственные звуки неизвестного происхождения заставили его напрячься и приготовиться к отражению опасности. Но уже через секунду он почему-то вспомнил деда Павла. Увидел его спокойный и добрый лик. «Спокойно». Напряжение тут же прошло.

— Явился, значит! И деда привёл! Когда вы оставите меня в покое? — послышался из угла визгливый женский голос.

Александр Алексеевич никак не мог себе представить, что встретится с соседкой тётёй Фешей Никулиной в такой обстановке. Теперь он увидел, что она сидит, согнувшись, на старом шифоньере. В руках держит ржавую штыковую лопату, соби-

раясь защищаться. Упирается растрёпанной головой в дощатый потолок крытого двора и трясётся от страха. Её жалкий вид и странное место расположения трудно было вообразить ещё минуту назад.

– Тётя Феша, это Шурка Филиппов, соседский парнишка! Не помните такого?

– Тебе чего надобно?

– Попроведовать зашёл!

– Ступай отцедова, – Фешка бросила вниз лопату и стала спускаться с шифоньера. Александр Алексеевич подхватил невесомое тельце и помог встать на землю. Он держал старушку за плечи своими крепкими руками и внимательно всматривался в глаза. Они были потухшими и чужими, хотя лицо было знакомо до мельчайших чёрточек. Перед ним стояла не старушка, а неживой фантом. «Она тяжело больна! Ей нужна медицинская помощь», мелькали мысли в его голове.

– Не больная я! Ничего мне от тебя не надобно... Я дочерей дожидаяся. Восьмой год пошёл. Галка с Верой обещались забрать меня... Как тока заберут, помереть смогу спокойно, – уже без визга заговорила ветхая старушка.

Александр Алексеевич не стал дальше вести разговор, оставил тётю Фешу и вышел со двора. «Ничем ей уже не поможешь. Мучается грешная. И сочувствия рядом нет, и в церковь её не отведёшь. Креста, ведь, на ней не было по жизни».

Закрывая калитку на засов, боковым зрением увидел вдалеке старичка. Тот вынес на улицу табуреточку. Уселся на неё и стал закуривать. «О! Так это же дед Каменский. Молодчина! Долго живёт, уважаемый человек».

Когда дед Павел собрался помирать, дед Каменский пришёл к нему попрощаться. Ты, говорит, Павел не беспокойся и не переживай. Крест у тебя на могилке будет самый лучший. Я, мол, тебе свой отдам. Заготовил заранее, из кедры барзасской вытесал. Тебе, говорит, он нужнее сейчас будет. Эту историю рассказывала баба Поля после похорон деда Павла.

Александр Алексеевич собрался, было, пойти поприветствовать деда Каменского, но тот исчез так же беззвучно, как и появился. На улице стояло настоящее пекло. Терентьихи тоже не было видать. «Видно, в дом ушла». На брёвнях лежал его новенький кожаный портфель, никому не нужный здесь в Анжерке.

Дом Эстонца совсем покосился и вконец зарос бурьяном. У Роженцевых тоже всё выглядело не лучшим образом. «Где же они теперь?»

— Толька, дружок твой, после армии сюды не вернулся... Отец его от водки угорел. А мать, Таська, где-то по свету болтается... Спилася и скурвилась! — продолжила отвечать на немые вопросы Александра Алексеевича Терентьиха. Она опять, как привидение, оказалась рядом с ним. — Эстонец помер тихо, никто и не заметил. Не хоронили его. Кости в доме так и лежат. Документов у его никаких не было, стало быть, никому не нужен. Как помер, так больше и не появлялся.

Бабкина строгость уже прошла. Разговорившись, она как будто бы сделалась более живой. Но у Александра Алексеевича никак не проходило ощущение некоей нереальности.

— Пойду в конец улицы схожу, на озеро посмотрю, — сказал он Терентьихе, взял портфель с брёвен и отправился, было, по Степной.

— Стой! — бабка подскочила сзади, выхватила из рук портфель, расстегнула замок и вынула красный шарф.

— Ты чего, бабушка?

— Энтим шарфом я чуть не удушила тебя! Сомневалась тогда, есть в тебе жизнь, али нетути.

— Да, я помню эту историю.

— Долго жить ещё будешь. У тебя дед есть. Он любит тебя... А ты считаешь его... Оставлю шарфик у себя, можа мне пригодится...

Озеро заболотилось. Никто в нём уже не купался, кроме малышни из соседних домов. Александр Алексеевич поднялся

на железнодорожную насыпь. Раскалённые рельсы не заржавели. По ним ещё продолжали вывозить вагонами уголь с обогатительной фабрики на станцию. За насыпью открылся вид на Петропавловскую церковь. На месте бывших болот раскинулся посёлок. Несколько аккуратных улиц тянулись до шпало-пропиточного леса и до аэродрома. В частных подворьях сохранялся жилой вид. Дома украшены резными наличниками и раскрашенными ставнями.

Спустившись с насыпи и подойдя к кованым металлическим воротам, он увидел во дворе священника в рясе с наперсным крестом.

— Мир вам, святой отец! — громко поприветствовал Александр Алексеевич.

— С миром принимаем. — Батюшка отворил ворота, приглашая зайти во двор.

— Давным-давно меня крестили в этом храме. После того ни разу здесь больше не бывал.

— А что же так-то?

— Странствовал.

— Когда крестили?

— В тот день Сталин помер.

— Помню, помню.

— Дед Павел тайком принёс меня сюда. Младенцем я был, полутора годовалым.

— Павел Васильевич Филиппов был ваш дед?

— Откуда вам известно?

— В те времена редко крестились младенцы. Тем паче, в тот год храм только-только освятили. Павла Васильевича вся Анжерка знала.

— А вы давно здесь?

— С самого начала. Другого настоятеля, кроме меня, здесь не было. Правда, сейчас мой сын эстафету принял. Недавно духовную семинарию окончил и, вот, на службу благословили его сюда.

- Это что же получается? Вы меня крестили?
- Получается так. Можно по церковной книге проверить.
- Боже мой! Какое чудо! Батюшка, благословите!

Разговорились. Потом пили чай из самовара. Осматривали стройку: рядом возводился каменный храм и воскресная школа для детей. Расстались тепло и душепокойно.

Вернувшись к дому Терентьевых, Александр Алексеевич снова встретил бабку у калитки. Сел на брёвна и стал слушать разговорившуюся явленную собеседницу. Ему хотелось многое выяснить, разузнать.

— Умчались все, сломя голову, хто куда! На чужбину потянуло. Дед Павел, видите ли, им стал не нужен! Надо же! А ему-то теперь зачем было жить? Помер он за ненужностью. А на Степной стало пусто. И Анжерка без него осиротела. Ходят тут все теперича, как неприкаянные. Шахты и заводы скоро совсем позакроются. Работы нет. Жить не на что, а они всё на танцуйки бегают, на костях пляшут... Ты теперича должен собрать остатки родни коло себя. Скоро по-новому жизнь повернётся. Вот уж дед твой порадуетса...

***

В этот день Александр Алексеевич не смог навестить всех родственников, которые оставались ещё в Анжерке. Он уехал последним автобусом в свой областной город, в который прибыл после учёбы из Москвы.

Через некоторое время, в очередной приезд, Александр Алексеевич узнал от дяди Геры Кислухина, что всю жизнь Терентыха оставалась небогомольной бабкой. В гражданскую войну партизанила, красным комиссарам поверила, революцию от врагов защищала. От бога отвернулась. А недавно повесилась, говорят, на каком-то красном шарфике. Сил не осталось жить. Так это или нет, никто достоверно не знает.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие автора.....	3
Глава 1. Степная.....	4
Глава 2. Детсад.....	27
Глава 3. Ревунки.....	34
Глава 4. Бабка-матерщинница.....	43
Глава 5. Тужурка на растопашку.....	52
Глава 6. Упокойник.....	54
Глава 7. Павловы и Курнаковы.....	58
Глава 8. Застолье.....	63
Глава 9. Горячка.....	73
Глава 10. Мандрыгины.....	88
Глава 11. Гроза.....	91
Глава 12. Вар.....	100
Глава 13. Родня.....	104
Глава 14. Черёмуха.....	110
Глава 15. Наташка пропала.....	116
Глава 16. Дядя Миша.....	120
Глава 17. Лунатик.....	129
Глава 18. В больнице.....	138
Глава 19. Тётя Таня.....	153
Глава 20. На рыбалке с дядей Колей.....	160
Глава 21. На поезде в Анжерку.....	176
Глава 22. Сенокос.....	181
Послесловие.....	192

Массовое издание

Александр Коваленко

Дед Павел

Сибирский роман, основанный на реальных событиях

Редактор: Н.С. Черных

Дизайн и компьютерная верстка: И.А. Коваленко

Подписано в печать 20.04.2023 г.

Формат 60x84 1/16.

Бумага офсетная №1. Печать ч/б офсетная.

Усл. печатных листов 20,15

Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Вектор-принт»,

650004, г. Кемерово, ул. Сибирская, 35-А